

Мистический
роман

Стивен Кинг
СВЕЧЕНИЕ

СТИВЕН КИНГ

СВЕЧЕНИЕ

РОМАН

Книга первая

Вильнюс

«ПОЛИНА»

1993

При участии фирмы «Русич», г. Смоленск

Выпуск первый

Перевели с английского:

Алина Андреевская — главы 1—9;

Иван Лебедев — главы 10—16;

Николай Агаянц — главы 17—25.

К $\frac{4703040100}{1993}$ Без объявл.

© Издательство «ПОЛИНА», 1993 г.

ISBN 5—89942—241—6

ВНИМАНИЕ!

Издательство «Полина» приступает к выпуску серий бестселлеров американских и западноевропейских писателей.

Мы постараемся, дорогие читатели, удовлетворить вкусы и потребности тех, кто соскучился по книгам о любви, о благородных и красивых героях, о сложных перипетиях в их взаимоотношениях. Да, эта серия будет предназначаться вам, дорогие дамы.

Во втором сериале мы не обошли вниманием тех, кто обожает мистическую и «ужасную» литературу, способную «пощекотать» нервы самому привередливому любителю этого жанра.

В третьем сериале начинается выпуск увлекательных триллеров, где есть все: захватывающие сюжеты, детективные завязки, борьба сильных и мужественных героев со злом.

Для любителей эротической литературы — наш четвертый сериал, в котором вы познакомитесь с лучшими произведениями этого жанра.

И еще! Очередная новая книга всех четырех серий будет появляться на прилавках через каждые две недели. Вы узнаете эти книги по яркой обложке, карманному формату и недорогой цене.

Итак, дорогие читатели, мы приглашаем вас вместе с нами познакомиться со всем лучшим, что было опубликовано на Западе в последнее десятилетие.

Книги издательства «ПОЛИНА» — это то, что вам нужно!!!

Издатели

*Посвящается Джо Хилл Кинг,
излучающему свечение*

Редактор этой книги так же, как и предыдущих двух, г-н Уильям Г. Томпсон, человек с большим вкусом и чувством юмора. Его вклад в эту книгу огромен, и за это я приношу ему мою благодарность.

С. К.

Одни из самых красивых курортных отелей в мире расположены в Колорадо, но отель, изображенный в этой книге, никак с ними не связан. «Оверлук» и все имеющие к нему отношение лица существуют только в воображении автора.

А еще в этой комнате стояли... гигантские часы черного дерева. Их тяжелый маятник с монотонным приглушенным звоном качался из стороны в сторону, и когда... часам наступал срок бить, из их медных легких вырывался звук отчетливый и громкий, проникновенный и удивительно музыкальный, но до того необычный по силе и тембру, что оркестранты принуждены были каждый час останавливаться, чтобы прислушаться к нему. Тогда вальсирующие пары невольно переставали кружиться, ватага весельчаков на миг замирала в смущении, и, пока часы отбивали удары, бледнели лица даже самых беспутных, а те, кто был постарше и порассудительней, невольно проводили рукой по лбу, словно отгоняя какую-то смутную думу. Но вот бой часов умолкал, и тотчас же веселый смех наполнял покои; ...и каждый тихонько клялся другому, что в следующий раз он не поддастся смущению при этих звуках. А когда пробегали шестьдесят минут... и часы снова начинали бить, наступало прежнее замешательство, и собравшимися овладевали смутение и тревога.

И все же это было великолепное и веселое празднество...

Сон разума рождает чудовищ.

Гойя

Пока светло, все сияет.

Народная поговорка

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

Глава 1

УСТРОЙСТВО НА РАБОТУ

В голове у Джека Торренса мелькало: *маленький надоедливый зануда.*

Ульман стоял вполоборота, и когда он двигался, то с той суетливой проворностью, которая, кажется, присуща исключительно толстякам небольшого роста. Он был причесан на прямой пробор, и его темный костюм демонстрировал умеренность стиля, внушающую доверие. «Я как раз тот человек, которому вы можете поверить свои проблемы», — говорил этот костюм посетителю, платящему деньги. Временно нанимаемому сотруднику он коротко сообщал: «Тебе лучше бы стараться изо всех сил». В лацкан пиджака была воткнута красная гвоздика, возможно на тот случай, чтобы никому на улице не пришлось в голову принять Стюарта Ульмана за местного предпринимателя.

Прислушиваясь к тому, что говорил Ульман, Джек в глубине души признал, что вряд ли бы по ту сторону стойки нашелся человек, который мог бы ему понравиться при данных обстоятельствах.

Ульман задал вопрос, и он пропустил его мимо ушей. Это было паршиво; Ульман принадле-

жал к тому типу людей, которые занесут подобную промашку в какую-нибудь ячейку в своем мысленном каталоге, чтобы позже ею воспользоваться.

— Виноват?

— Я спрашивал, вполне ли отчетливо ваша жена представляет себе, что вам предстоит. Это отнесится, разумеется, и к вашему сыну.

Он взглянул на лист заполненной анкеты, лежащий перед ним.

— Ваш сын Дэниел. Идея не пугает вашу жену?

— Уэнди необычайная женщина.

— А ваш сын, он что, тоже необычайный?

Джек улыбнулся. Это была широкая дежурная улыбка.

— По-моему, да. Он вполне самодостаточен для своих пяти лет.

Ответной улыбки Ульмана не последовало. Он вложил заявление-анкету Джека обратно в папку. Папка отправилась в ящик стола. Теперь поверхность стола была абсолютно пустой, если не считать пресс-папье, лампы дневного света, телефона и корзинки для входящих и исходящих бумаг. Обе ее половины были также пусты.

Ульман встал и подошел к стоящему в углу ящику с папкой.

— Мистер Торренс, если вас не затруднит, зайдите, пожалуйста, за стойку. Мы посмотрим поэтажные планы здания.

Он принес пять больших листов и разложил их на полированной поверхности стола. Джек смотрел из-за его плеча, обдаваемый запахом ульмановского одеколона. *Все мои мужчины носят «Английскую Кожу»¹ или не носят вообще ниче-*

¹ Известная марка одеколona.

20 — почему-то пришло ему на ум, и он был вынужден сжать зубы, чтобы подавить внезапно прорвавшийся смешок. Из-за стены, где находилась кухня отеля «Оверлук», слабо доносились звуки, порожденные приготовлением ланча.

— Верхний этаж,— коротко обозначил Ульман.— Чердак. Там нет абсолютно ничего, кроме всякого хлама. Со второй мировой войны «Оверлук» несколько раз переходил из рук в руки, и каждый последующий владелец не находил лучшего применения для чердака, чем складывать туда то, в чем он более не нуждался. Я бы желал, чтобы вы напихали туда крысоловки и ядовитые приманки. Некоторые горничные с четвертого этажа утверждают, что слышат скребущиеся звуки. Я в это ни на секунду не верю, но нужно исключить даже тысячный шанс того, что в «Оверлуке» может проживать хотя бы одна крыса.

Джек, который подозревал, что крысы проживают во всех отелях мира, промолчал.

— Конечно же, ни при каких обстоятельствах вы не допустите своего сына на чердак.

— Ни в коем случае,— сказал Джек и выдал еще одну широкую дежурную улыбку. Унизительное предположение. Неужели этот надоедливый зануда в самом деле считает, что он позволит своему сыну лазить по чердаку, утыканному крысоловками, среди поломанной мебели и еще Бог знает чего.

Ульман смахнул в сторону план чердака и положил его в самый низ стопки.

— В «Оверлуке» имеется сто десять номеров,— произнес он голосом школьного учителя.— Тридцать из них, многокомнатные люксы, находятся здесь, на четвертом этаже. Десять

в западном крыле (включая Президентские апартаменты), десять в центральной части и еще десять в восточном крыле. Из всех открывается восхитительный вид.

Может быть, мы по крайней мере обойдемся без реклам.

Тем не менее Джек промолчал. Ему была нужна эта работа.

Ульман сунул план четвертого этажа в низ стопки, и они занялись изучением третьего этажа.

— Сорок комнат, — сказал Ульман, — тридцать двухместных и десять одноместных номеров. И еще по двадцать на втором этаже. Плюс три бельевых на каждом этаже и кладовка в восточном крыле на третьем этаже и в западном — на первом. Вопросы есть?

Джек помотал головой. Ульман смахнул планы второго и третьего этажей.

— Теперь вестибюль. Здесь, в центре, стойка портье. За ней находятся офисы персонала. Вестибюль имеет восемьдесят футов в каждом направлении, считая от стойки. Вон там в западном крыле находится ресторан «Оверлука» и Колорадо-холл. Банкетный и бальный залы находятся в восточном крыле. Какие-нибудь вопросы?

— Только в связи с подвалом, — сказал Джек. — Для зрителя это самое важное место. Там, где, так сказать, разворачиваются основные события.

— Это все вам покажет Уотсон. План подвального этажа висит на стене в котельной. — Ульман скорчил гримасу, возможно, чтобы показать, что в качестве управляющего его не волновали такие приземленные аспекты функциони-

рования «Оверлука», как отопление и канализация. — Возможно, там тоже стоит поставить какие-нибудь ловушки. Сейчас, одну минутку...

Он черкнул записку на блокнотике, извлеченном из внутреннего кармана пиджака (на каждом листочке жирными черными буквами стояло *Со стола Стюарта Ульмана*), оторвал листочек и бросил его в корзинку, в отделение «к исполнению». Листочек выглядел там очень сиротливо. Блокнотик снова очутился в пиджачном кармане Ульмана, как естественное завершение трюка у фокусника: смотри-ка, Джеки-малыш, вот он тут, а вот его уже нет. Да, этот парень действительно та еще штучка.

Они вернулись на свои прежние позиции: Ульман за стойку, а Джек перед ним, работодатель и претендент на работу, соискатель и недовольный патрон. Ульман сложил свои аккуратные маленькие ручки поверх пресс-папье и устался прямо на Джека, низенький лысеющий человек в костюме банковского служащего и неброском сером галстуке. Цветок в петлице уравновешивался маленькой табличкой на другом лацкане. На ней маленькими золотыми буквами стояло просто СОТРУДНИК.

— Я буду с вами предельно откровенен, мистер Торренс. Альберт Шокли могущественный человек, вложивший значительный капитал в «Оверлук», который в первый раз в своей истории принес в этом году прибыль. Мистер Шокли также входит в совет директоров, хоть он и не специалист в гостиничном бизнесе, и сам первый готов в этом признаться. Но он совершенно определенно выразил свои пожелания о найме зрителя на зимнее межсезонье. Он хочет, чтобы взяли вас. Я так и поступлю. Но ес-

ли бы руки у меня были развязаны, я бы вас не взял.

Джек стиснул кулаки, зажав их между коленями; вспотев, он судорожно потер их друг о друга. *Надоедливый зануда, надоедливый.*

— Я не думаю, что вас интересует мое мнение, мистер Торренс. *Зануда, надоедливый.* Меня это не волнует. Естественно, ваши чувства по отношению ко мне не играют никакой роли в моем убеждении, что вы не подходите для данной работы. В сезон, который длится с пятнадцатого мая по тридцатое сентября, «Оверлук» нанимает сто десять человек, которые заняты полный рабочий день; иными словами — по человеку на каждый номер отеля. Полагаю, что многие из них недолюбливают меня, и подозреваю, что некоторые считают меня чем-то вроде сукина сына. Они недалеки от истины в оценке моего характера. Я вынужден быть сукиным сыном, чтобы управлять этим отелем так, как он того заслуживает.

Ульман взглянул на Джека, чтобы увидеть его реакцию, и Джек снова выдал дежурную ослепительную улыбку, оскорбительно обнажив десны.

Ульман сказал:

— «Оверлук» был построен между 1907 и 1909 годами. Ближайший город — Сайдвиндер в сорока милях к востоку по дорогам, которые закрыты где-то между концом октября — началом ноября и серединой апреля. Построил отель человек по имени Роберт Таунли Уотсон, дедушка нашего нынешнего слесаря. Здесь останавливались Вандербильты, и Рокфеллеры, и Астори, и Дюпоны. Четыре президента занимали

в свое время Президентские апартаменты. Вильсон, Гардинг, Рузвельт и Никсон.

— Я бы не гордился так Гардингом и Никсоном,— пробормотал Джек.

Ульман поморщился, но продолжил, не обращая внимания на реплику.

— Оказалось, что мистеру Уотсону это не по плечу, и в 1915 году он продал отель. Отель продавался в 1922, 1929, 1936-м. До конца второй мировой войны он стоял пустой, пока в конце концов не был куплен и полностью обновлен Горацием Дервентом, миллионером, изобретателем, летчиком, продюсером и предпринимателем.

— Мне известно это имя,— вставил Джек.

— Да. Все, к чему он прикасался, превращалось в золото, все, кроме «Оверлука». Более миллиона долларов ухнули в эту воронку, прежде чем первый послевоенный гость переступил порог отеля и этот дряхлый реликт стал превращаться в модное местечко. И именно Дервент завел здесь площадку для игры в роук, которой, как я заметил, вы любовались по приезду.

— А что это такое, роук?

— Британский предшественник нашего крокета, мистер Торренс. Крокет — это опошленный роук. Согласно легенде Дервент научился роуку у своего секретаря и по уши влюбился в эту игру. Наш корт, по-видимому, является лучшей площадкой для роука в Америке.

— Не сомневаюсь,— серьезно ответил Джек. Площадка для роука, кусты живой изгороди, выстриженные под экзотических зверей, что еще? Детские игры в натуральную величину за сараем с инвентарем? Мистер Ульман начинал утомлять его, но по всему было видно, что у того еще не

исчерпан весь заряд. Ульман знал, что он хочет сказать, и ни одного слова из этого не собирался опускать.

— Когда мы потеряли три миллиона, Дервент продал отель компании калифорнийских вкладчиков. Их опыт с «Оверлуком» оказался столь же печальным. Просто они оказались не специалистами в гостиничном деле. В 1970 году мистер Шокли и его компаньоны купили отель, передав управление мне. В течение нескольких лет мы пребывали в минусе, но мне приятно отметить, что доверие ко мне нынешних владельцев никогда не ослабевало. В прошлом году нам удалось выйти на нулевой баланс. А уже в этом году впервые за почти семьдесят лет в счетах «Оверлука» появилась плюсовая графа.

Джеку пришло в голову, что гордость этого суетливого человечка вполне оправданна, но волна первоначальной неприязни вновь захлестнула его.

Он сказал:

— Я не вижу связи между действительно яркой судьбой «Оверлука» и вашим ощущением, что я не гожусь на эту должность, мистер Ульман.

— Одна из причин потери «Оверлуком» такого количества денег заключается в том, что каждую зиму происходит обесценивание основных фондов. Это уменьшает наши прибыли гораздо больше, чем вы себе можете представить, мистер Торренс. Зимы здесь фантастически суровы. Для того, чтобы как-то справиться с этой проблемой, я ввел постоянную должность зимнего смотрителя, который обязан следить за работой котельной и прогревать по очереди все части здания. А также устранять неисправности си-

стемы отопления по мере их появления, чтобы не допустить ее замерзания. И быть постоянно начеку в связи с любыми непредвиденными случайностями. На первую зиму я нанял не одинокого человека, а целую семью. Случилась трагедия. Ужасная трагедия.

Ульман бросил на Джека холодный, оценивающий взгляд.

— Это была моя ошибка. Я честно это признаю. Парень оказался алкоголиком.

Джек почувствовал, как его рот медленно растягивается в язвительной усмешке — полной противоположности белозубой дежурной улыбке.

— Так вот оно что. Я удивлен, что Эл не сказал вам. Я завязал.

— Да, мистер Шокли сказал мне, что вы бросили пить. Он также рассказал мне о вашем последнем месте работы... последнем месте, требующем ответственности, если мне будет позволено так выразиться. Вы преподавали английский в старших классах школы в Вермонте. Вы вышли из себя, я не думаю, что мне следует углубляться в детали. Но я действительно считаю, что случай с Грейди имеет отношение к нашему разговору, и поэтому я и вытащил на свет... э-э... некоторые прежние факты вашей биографии. Зимой 1970/71 года, после того как мы переоборудовали «Оверлук», но еще до начала нашего первого сезона, я нанял этого... э-э... несчастного человека Делберта Грейди. Он переехал в то самое помещение, которое будете занимать и вы с вашей женой и сыном. У него были жена и две дочери. У меня имелись опасения на этот счет, в первую очередь по причине суровости местной зимы и того факта, что Грей-

ди с семьей будут в течение пяти или шести месяцев отрезаны от внешнего мира.

— Но неужели в самом деле так? Ведь есть же телефоны и, возможно, местное радио. Да и Национальный Парк в Скалистых горах находится в пределах досягаемости вертолета?

— Я не был бы так уверен, — заметил Ульман. — Отель располагает двухканальной рацией, и мистер Уотсон покажет вам ее вместе со списком точных частот для передачи радиосообщений, если вам вдруг понадобится помощь. Телефонные линии, соединяющие нас с Сайдвиндером, проложены по воздуху, и почти каждую зиму в тот или иной момент они выходят из строя и чаще всего остаются в таком качестве от трех недель до полутора месяцев. В сарае с хозяйственным инвентарем есть также снегоход.

— Ну, тогда это место нельзя считать полностью отрезанным от мира.

Мистер Ульман выглядел удрученным.

— Предположим, что ваш сын или ваша жена споткнулись на лестнице и получили черепную травму, мистер Торренс. Будете ли вы тогда считать это место отрезанным от мира?

Джек понял, что имелось в виду. Снегоход, развивая максимальную скорость, может доставить вас в Сайдвиндер за полтора часа... в лучшем случае. Вертолет Спасательной службы парка сумеет добраться сюда за три часа... при идеальных условиях. В метель он даже не сможет взлететь, и в такой ситуации вряд ли можно рассчитывать на максимальную скорость снегохода, даже если решиться везти серьезно раненного человека по морозу в двадцать пять, а то и с учетом ветра — все сорок пять градусов.

— В случае с Грейди, — сказал Ульман, — я рассуждал точно так же, как, мне представляется, рассуждал в вашем случае мистер Шокли. Одиночество само по себе может оказаться для человека разрушительно действующим фактором. Лучше, чтобы с ним была семья. Если какая-то неприятность и произойдет, то это необязательно должна быть черепная травма, или несчастный случай с электрическими инструментами, или какие-нибудь судороги. Тяжелый случай гриппа, например, воспаление легких, сломанная рука, даже аппендицит. Любой из этих вариантов все-таки оставляет достаточно времени. То, что произошло, я подозреваю, явилось результатом слишком большого количества дешевого виски, которым Грейди — в тайне от меня — запасся в огромных количествах, а также того специфического состояния, которое в старые времена называлось комнатным буйством. Вам знакомо это название? — На лице Ульмана появилась покровительственная улыбочка и готовность дать объяснение, как только Джек признается в своем невежестве.

Джек был рад быстро и холодно ответить: — Это сленговый термин для обозначения клаустрофобного состояния, возникающего в том случае, когда люди вынуждены в течение длительного времени находиться вместе на ограниченном пространстве. Чувство клаустрофобии реализуется как неприязнь по отношению к людям, находящимся рядом. В крайних выражениях это может закончиться галлюцинациями и насилием — известны случаи убийств, поводом для которых послужили такие мелочи, как подгоревшая еда или спор о том, кому мыть посуду.

Ульман, казалось, был в замешательстве, что доставило Джеку массу удовольствия. Он решил надавить чуть сильнее, хотя мысленно дал Уэнди обещание не горячиться.

— Подозреваю, что ваша ошибка состояла именно в этом. Грейди им как-то повредил?

— Он убил их, мистер Торренс, а затем покончил с собой. Он зарубил девочек топором, застрелил жену и застрелился сам. У него оказалась сломанной нога. Несомненно, будучи в таком состоянии опьянения, он упал с лестницы.

Ульман расправил плечи и поглядел на Джека с видом праведника.

— Был ли он выпускником средней школы?

— Нет,— сказал Ульман несколько напрягшись.— Я полагал, что индивидуум, скажем так, с менее развитым воображением будет меньше подвержен тяготам одиночества...

— Это была ваша ошибка,— произнес Джек.— Неразвитый человек больше склонен к комнатному буйству настолько, насколько он больше склонен застрелить партнера за карточным столом или совершить внезапное непредумышленное разбойное нападение. Ему становится скучно. Когда выпадает снег, делать становится нечего, кроме как смотреть телевизор или раскладывать пасьянс, при этом жульничая, когда он не сходится. Делать совершенно нечего, можно только скандалить с женой, пилить детей и пить. Вот он и напивается до беспамятства и просыпается с тяжелым похмельем. Он становится раздражителен и резок. А тут еще телефон может выйти из строя, и полететь телевизионная антенна, и вообще уже нечего делать, только плутовать в пасьянсах и становиться все

раздражительнее и раздражительнее. Наконец... пиф-паф, пиф-паф, пиф-паф.

— А что же более образованный человек, вроде вас?

— Мы с женой оба любим читать. Я работаю над пьесой, что вы, может быть, знаете от Эла Шокли. У Дэнни есть его мозаики, книжки-раскраски, радио. Я собираюсь учить его читать и еще хочу научить его кататься на лыжах. Уэнди тоже захочет научиться. О да, я думаю, мы найдем, чем заняться, не вцепляясь друг другу в волосы, если телевизор выйдет из строя.— Джек сделал паузу.— И Эл говорил вам правду, когда сказал, что я больше не пью. Когда-то я этим страдал, и это стало опасным. Но за последние четырнадцать месяцев я не выпил и стакана пива. Я не собираюсь привозить сюда спиртное и не думаю, что у меня будет возможность его достать после первого же снегопада.

— Здесь вы совершенно правы,— заметил Ульман.— Но поскольку вас здесь будет трое, возможность возникновения каких-либо проблем возрастает. Я говорил об этом мистеру Шокли, и он ответил мне, что берет ответственность на себя. Теперь я вам сказал все, и вы, очевидно, также принимаете на себя ответственность...

— Да, конечно.

— Хорошо. Я согласен, поскольку у меня нет выбора. Но я все же бы предпочел ничем и никем не связанного студента, взявшего в колледже отпуск на год. Ну что ж, может, вы и справитесь. Теперь я отправлю вас к мистеру Уотсону, который ознакомит вас с подвальными

помещениями и наружными площадками. Если, конечно, у вас больше нет вопросов?

— Нет. Никаких вопросов.

Ульман не двигался.

— Я надеюсь, что у вас не осталось никакого неприятного чувства, мистер Торренс. В том, что я был вынужден говорить вам, нет ничего личного. Я думаю лишь о том, что хорошо для «Оверлука». Это великолепный отель, и я хочу, чтобы он таким и остался.

— Нет. Никаких неприятных чувств.— Джек снова выдал ослепительную дежурную улыбку, однако он был рад, что Ульман не протянул ему руки. Потому что неприятные чувства имелись. И притом самые разные.

БОУЛДЕР

Она выглянула из окна кухни и увидела, что он просто сидит на краю тротуара, не обращая внимания на лежащие рядом игрушки — машинки, тележку и даже планер, который так занимал его всю последнюю неделю, с тех пор как Джек принес его домой. Он просто сидел, высматривая их ветхий «фольксваген», уперев локти в коленки и поставив на них подбородок. Пятилетний малыш, ожидающий своего папу.

Уэнди внезапно ощутила, что ей плохо, плохо почти до слез.

Она повесила кухонное полотенце на перекладину рядом с раковиной и спустилась по лестнице, на ходу застегивая верхние пуговички своего домашнего платья. Джек с его гордостью! *Нет, нет, Эл, аванс мне не нужен. Пока что я в полном порядке.* Стены на лестничной площадке обшарпаны, испачканы цветными мелками, карандашами. Крутые ступеньки выщерблены. Все здание пропитано запахом затхлости и угрюмости. И каково здесь Дэнни после их маленького аккуратного кирпичного дома в Стовингтоне? Люди, живущие в квартире на третьем этаже над ними, были не женаты; это ее не очень беспокоило, зато досаждали их постоянные, ожесточенные ссоры. Они пугали ее. Парня наверху звали Том, и, после того как с наступлением уик-энда все бары закрывались и парочка возвращалась домой, начинались настоящие драки — все, что предшествовало этому на неделе, казалось уже ерундой. Джек называл это Вечер-

нее Пятничное Сражение, но в этом было мало забавного. Женщина — ее звали Элен — в конце концов бросалась в слезы, перемежая их просьбами: «Не надо, Том. Пожалуйста, не надо. Пожалуйста». А он продолжал кричать на нее. Однажды они даже разбудили Дэнни, а уж Дэнни-то всегда спал как убитый. На следующее утро Джек перехватил Тома, когда тот выходил из дома, и поговорил с ним, стоя в некотором отдалении на тротуаре. Том начал грозиться и ругаться, но Джек сказал ему что-то так тихо, что Уэнди не слышала, а Том только мрачно мотнул головой и ушел. Это было около недели назад, и в течение нескольких дней они держались, но с наступлением уик-энда все вернулось в нормальное, виновата — ненормальное, состояние. Это было плохо для мальчика.

Чувство печали вновь захлестнуло ее, но на ходу она справилась с ним. Подобрал подол и сев на обочину рядом с ним, она сказала:

— Какие проблемы, док?

Он улыбнулся, но чисто механически.

— Привет, мам.

Планер лежал между его ног, обутых в кроссовки, и она заметила, что одно крыло стало отламываться.

— Хочешь, чтобы я посмотрела, что с этим можно сделать, милый?

Дэнни вновь уставился на дорогу.

— Нет, папа починит.

— Твой папа может не вернуться до ужина, док. Это довольно далекая поездка, в горы.

— Думаешь, букашка сломается?

— Нет, я так не думаю. — Но он дал ей со-

вершено новую пищу для волнений. *Спасибо, Дэнни. Это как раз то, что мне было нужно.*

— Папа сказал, что может и сломаться.— Дэнни говорил совершенно безразличным, почти скучающим голосом.— Он сказал, что бензонасос ни к черту не годится.

— Не произноси это, Дэнни.

— Что, бензонасос? — спросил он с искренним удивлением.

Она вздохнула.

— Нет, «ни к черту». Не говори этого.

— Почему?

— Это невоспитанно.

— А что значит невоспитанно, мам?

— Ну, например, ковырять в носу за столом или писать, не закрыв за собой дверь в туалет. Или вот говорить вещи типа «ни к черту». «Черт» — грубое слово. Воспитанные люди его не употребляют.

— Но папа так говорит. Когда он заглянул в букашкин мотор, он сказал: «Бог ты мой, этот бензонасос ни к черту не годится». Разве папа невоспитанный?

Как вы толкуете такие вещи, Уиннифред? Тут нужна практика?

— Воспитанный, но он взрослый. И он очень следит за тем, чтобы не говорить такие вещи в присутствии людей, которые могут его неправильно понять.

— Ты имеешь в виду дядю Эла?

— Да.

— Смогу я говорить это, когда вырасту?

— Думаю, ты все равно станешь так говорить, понравится мне это или нет.

— А когда уже можно?

- Как насчет двадцати лет, док?
- Очень долго ждать.
- Согласна, но ты будешь стараться?
- Ладно уж.

И он снова уставился на дорогу. Дэнни немного подался вперед, как будто желая встать, но приближающийся жучок был намного новее, и его красный цвет более светлого тона. Мальчик снова расслабился. Она гадала, сколь труден оказался для Дэнни их переезд в Колорадо. Он ни словечком не обмолвился насчет этого, но ей было тяжело видеть, что он так много времени проводит один. В Вермонте у троих коллег Джека были дети приблизительно того же возраста, что и Дэнни, и он ходил там в детский сад, а здесь ему не с кем было играть. Большинство квартир занимали студенты Университета Колорадо, а из небольшого числа семейных пар, живших на Арапагоу-стрит, лишь у немногих были дети. Ей удалось обнаружить что-то около дюжины старшеклассников, троих младенцев, и все.

— Мама, а почему папа потерял работу?

Толчком выброшенная из круга своих раздумий, она забарахталась в поисках ответа. Как реагировать именно на такой вопрос Дэнни, они с Джеком обсудили все варианты: от уклонения от ответа до просто обычной, ничем не приукрашенной правды. Но Дэнни никогда не спрашивал. Вплоть до сегодняшнего дня, когда она чувствовала себя отвратительно и в наименьшей степени готовой к вопросу. А он все смотрел на нее и, может быть, видя ее смущение, формировал собственное мнение по этому поводу. Она подумала, что детям мотивы поведения и по-

ступки взрослых должны казаться огромными и зловещими, словно опасные животные, мелькающие в тени дремучего леса, которых дергают, словно кукол на веревочках. От этой мысли у нее снова защипало в глазах, и, борясь со слезами, она наклонилась, взяла поломанный планер и стала крутить его в руках.

— Твой папа готовил команду на состязание спорщиков, Дэнни. Помнишь?

— Конечно, — ответил он. — Споры для забавы, так?

— Так. — Она все крутила планер в руках, разглядывая его фирменный знак (БЫСТРО-ЛЕТ) и синие звезды на крыльях, внезапно осознав, что рассказывает сыну всю правду.

— Там был мальчик Джордж Хэтфилд, которого папа был вынужден исключить из команды. Это значит, что у того получалось не так здорово, как у остальных ребят. Джордж сказал, что твой папа исключил его, потому что невзлюбил его, а не потому, что тот недостаточно хорошо выступал. Потом Джордж совершил очень плохой поступок. Я думаю, ты знаешь, о чем я говорю.

— Это он проколол шины нашему букашке?

— Да, он. Это было после уроков, и папа поймал его за этим занятием. — Она снова колебалась, но тут уже речь не шла о том, чтобы уклониться от ответа; теперь вопрос стоял так — сказать правду или солгать.

— Твой папа... иногда он совершает поступки, о которых позже сожалеет. Иногда он не думает о том, о чем бы следовало подумать. Это случается не очень часто, но иногда случается.

— Он сделал Джорджу Хэтфилду больно, как в тот раз, когда я рассыпал все его бумаги?

Иногда

(Дэнни с рукой в гипсе.)

Он совершает поступки, о которых позже сожалеет.

Уэнди отчаянно моргала, изо всех сил пытаясь отогнать подступившие слезы.

— Что-то вроде этого, милый. Твой папа ударил Джорджа, чтобы заставить его прекратить уродование наших шин, а Джордж ударился головой. Тогда дяди, которые отвечают за школу, сказали, что Джорджу больше нельзя в нее ходить, а твоему папе там преподавать.— Она замолчала, не зная, что прибавить к сказанному, и с ужасом ожидала потока вопросов.

— А-а,— протянул Дэнни и снова уставился на уходящую вверх улицу. Было очевидно, что вопрос закрыт. Если бы так же легко он мог быть закрыт и для нее!

Она встала.

— Я пойду наверх, выпью чашечку чая, док. Хочешь пару печений и стакан молока?

— Я бы хотел подождать здесь папу.

— Не думаю, что он будет дома раньше пяти.

— Может, он придет раньше.

— Может,— согласилась она,— может, и придет.

Уэнди уже отошла, когда он позвал ее с полдороги:

— Мама?

— Что, Дэнни?

— Тебе хочется ехать жить в этом отеле зимой?

Ну, и какой из пяти тысяч возможных ответов она должна дать? Тот, что приходил ей в голову вчера, или прошлой ночью, или сегодня утром? Все они были разные, и связанные с ними чувства тоже были всех оттенков — от нежно-розового до непроглядно-черного.

Она сказала:

— Раз твой отец хочет, значит, и я тоже. — Она остановилась. — А ты что думаешь?

— Думаю, что хотел бы, — сказал он наконец. — Здесь тоже у меня не слишком большая компания.

— Ты ведь скучаешь по друзьям, правда?

— Иногда мне не хватает Скотта и Энди. Это, пожалуй, все.

Она повернулась и, подойдя к Дэнни, поцеловала его, взъерошила его светлые волосы, только что начавшие терять свою детскую шелковистость. Он был такой серьезный малыш, и иногда она с тревогой думала, как же он сумеет выжить, имея таких родителей, как она и Джек. Большие надежды, с которых они начинали, привели их в эту неприятную квартиру в незнакомом городе. Вновь пред ней возник образ Дэнни в гипсовой повязке. Кто-то там, в Службе Божественного Промысла и Размещения, совершил ошибку, как ей часто казалось, роковую, за которую расплатиться должен был самый невинный из всех возможных свидетелей.

— Только осторожнее с дорогой, док, — сказала она, крепко обняв его.

— Конечно, мам.

Она поднялась наверх и прошла в кухню. Поставила на стол чайник, положила на тарелку пару печений для Дэнни на тот случай, если он все-таки решит прийти, пока она приляжет. Сидя за столом с большой керамической чашкой в руках, она видела его в окне, все еще сидящим на краю тротуара в джинсах и чересчур большом для него темно-зеленом свитере с эмблемой Стовингтонской школы, с планером, валяющимся рядом. Слезы, которые угрожали хлынуть весь день, наконец прорвались ливнем, и она плакала, наклонившись над тонкой извивающейся струйкой пара, поднимавшейся из чайной чашки. Плакала от горя, и утраченного прошлого, и от ужаса перед будущим.

УОТСОН

Вы вышли из себя, сказал Ульман.

— О'кей, а вот и твоя печка.

Уотсон зажег свет в темной затхлой комнате. Это был коренастый человек с растрепанными соломенными волосами, в белой рубашке и в темно-зеленых шароварах. Он распахнул дверцу топки и вместе с Джеком стал вглядываться внутрь.

— Вот это фитилек.

Ровное бело-голубое пламя с шипением устремлялось вверх из сопла, сдерживавшего разрушительную силу, но ключевым здесь, подумал Джек, было слово *разрушительная*, а не *сдерживала*: сунешь туда руку, и через три секунды из нее выйдет жаркое.

Вышли из себя.

(Дэнни, с тобой все в порядке?)

Печь заполняла целую комнату и была много больше и старше всех, когда-либо виденных Джеком.

— Сторожевой фитилек горит постоянно, — сообщил ему Уотсон. — Маленькое сенсорное устройство измеряет температуру в печи. Если она упадет ниже определенной отметки, у вас в комнате загудит сигнал. Котел находится по другую сторону стены. Я провожу тебя туда. — Он с шумом захлопнул дверцу и провел Джека мимо железной громады печки к другой двери. От железа исходил размаривающий жар, и Джек почему-то подумал о большом дремлю-

щем коте. Уотсон посвистывал и звенел ключами.

Вышли.

(Когда он вернулся в комнату и увидел улыбающегося Дэнни, алое облако гнева медленно затмило Джеку разум. Медленно по внутреннему, субъективному ощущению, но на самом деле все должно было произойти меньше, чем за минуту. Ему только показалось, что медленно, как кажутся медленными сны. Дурные сны. Впечатление было такое, словно в его отсутствие комнату обыскали. Все нараспашку — шкаф, буфет, книжные полки. Все ящики выдвинуты до отказа. А его рукопись, трехактная пьеса, в которую он постепенно превращал написанный семь лет назад рассказ, была разбросана по полу. Он как раз пил пиво и работал над вторым актом, когда Уэнди позвала его к телефону, и Дэнни разлил пиво по страницам. Может быть, чтобы посмотреть, как оно пенится. *Посмотреть, как оно пенится, посмотреть, как оно пенится*, — эти слова звенели и звенели у него в голове, одна фальшивая струна на расстроенном пианино, завершая круг его гнева. Он медленно приближался к своему трехлетнему сыну, который смотрел на него с радостной улыбкой, довольный тем, что такую непростую работу ему так успешно удалось только что завершить в папином кабинете, Дэнни начал что-то говорить, и в этот момент он схватил руку сына и вывернул ее, чтобы заставить бросить зажатые в кулаке ластик и механический карандаш. Дэнни тихо вскрикнул ...нет ...нет ...если быть абсолютно честным, он пронзительно взвизгнул. Все это было трудно осознать

сквозь пелену гнева, одинокий удар по нестройной струне. Откуда-то Уэнди спросила, в чем дело. Ее голос был едва слышен сквозь внутреннюю мглу. Это касалось лишь их двоих. Он развернул Дэнни, чтобы его отшлепать, его взрослая рука вцепилась в слабую плоть детской руки, наткнулась на скрюченное запястье — хруст сломанной кости был не громким, а *очень* громким, ОГРОМНЫМ, но не громким. Его оказалось достаточно, чтобы стрелой пронзить алый туман, но его окутал не солнечный свет, а тяжелые облака стыда и угрызений, ужаса и конвульсивной боли в душе. Чистый звук, по одну сторону которого было прошлое, а по другую — все будущее, звук, похожий на треск сломанного карандаша или тонкой лучины, когда ломаешь ее о колено. По другую сторону мгновение стояла полная тишина, может быть, из почтения перед наступающим будущим, перед всей его оставшейся жизнью. Увидев, как кровь отлила от лица Дэнни, которое и так было бледным, увидев его остекленевшие глаза, раскрывавшиеся все шире и шире, Джек решил, что мальчик сейчас потеряет сознание и упадет прямо в лужу из пива, в которой плавали бумаги; его собственный голос, пьяный, нетвердый, невнятный, пытающийся все вернуть вспять, найти такой путь, который не вел бы к этому слишком громкому треску кости, вернуть прошлое — где же здесь статус-кво? — говорящий: «Дэнни, с тобой все в порядке?» Вскрик Дэнни в ответ, испуганный вздох Уэнди, когда она подошла к ним и увидела, под каким странным углом изогнулась рука Дэнни; в мире нормальных семей не бывает рук,

которые висели бы так странно. Потом ее вскрик, когда она схватила ребенка на руки, и бессмысленное бормотание: *О Боже, Дэни о Боже, Господи, и Боже милостивый, твоя бедная ручка.* А Джек так и стоял, ошеломленный, обалдевший, пытаясь понять, как такое могло случиться. Когда он встретился глазами с женой, он увидел, что Уэнди его ненавидит. Он тогда еще не понимал, что на практике означает эта ненависть, только позже он осознал, что в ту ночь она могла уйти от него, поселиться в мотеле, а утром прислать к нему поверенного для переговоров о разводе или же позвонить в полицию. Он увидел только, что жена ненавидит его, и это его ошеломило, он почувствовал себя таким одиноким. Это было ужасное состояние. Так, должно быть, ощущают приближение смерти. Потом она кинулась к телефону и позвонила в больницу, их кричащий ребенок повис на ее руках, а Джек не пошел за ней, он просто стоял в своем разоренном кабинете, вдыхая запах пива и думая.)

Вы вышли из себя.

Он резко провел рукой по губам и пощелкнул за Уотсоном в котельную. Там было влажно, но он почувствовал себя дурно и с ног до головы покрылся липким потом вовсе не по этой причине. А из-за памяти, принуждавшей вспоминать ту ночь два года назад так, словно прошло всего два часа. Она не оставляла его. Она снова приносила стыд и отвращение, ощущение бессмысленности, а это чувство всегда вызывало в нем желание выпить, что приводило его в еще большее отчаяние — будет ли когда-нибудь хоть

час, даже не неделя или день, а всего лишь час, когда его не охватит, вот так вот, желание выпить?

— Котел,— объявил Уотсон. Он вытащил из кармана яркий красно-синий носовой платок, шумно высморкался и, засовывая его обратно в карман, взглянул на платок так, словно там появилось что-то интересное.

Котел — длинный, обшитый медью и многократно латаный металлический цилиндр — стоял на четырех цементных плитах. Он весь съезжился под сплетением труб, опутывавших его своими извивами и поднимавшимися к высокому, покрытому паутиной потолку. Справа от Джека две широкие трубы отопления выходили из стены, за которой стояла печь.

— Измеритель давления вот здесь.— Уотсон похлопал по нему рукой.— В фунтах на квадратный дюйм, пси. Думаю, ты в этом разберешься. Я сейчас догнал его до ста, и в комнатах по ночам бывает прохладно. Некоторые из гостей жалуются, черт бы их побрал. Чокнутые — приезжать сюда в сентябре? А он ведь уже совсем на ладан дышит. Этих заплаток на две новых обшивки хватит.

Снова на свет явился платок. Сморкание. Взгляд. В карман.

— Чертов насморк,— разговорился Уотсон.— И так каждый раз в сентябре. Латаешь тут эту старую хреновину, потом траву стрижешь или метешь площадку для роука. Простынешь и заболеешь, как говаривала моя мамаша. Царствие ей небесное, она шесть лет как умерла. Рак. Как раком заболеешь — заказывай похороны.

Держи давление не выше пятидесяти, ну, шестидесяти. Мистер Ульман говорит, чтоб топили один день западное крыло, один день — среднее, один день — восточное. Прямо свихнулся. Терпеть не могу этого чертова типа. Яп-яп-яп, весь божий день; ему должны нравиться эти собачонки, которые кусают тебя за коленку, а потом бегут и писают на ковер. Набей ему мозги порохом, он и нос утереть не сможет. Когда такое увидишь, пожалеешь, что ружья нет. Гляди сюда. Эти штуки ты открываешь и закрываешь, дергая за эти колечки. Я их тут для тебя все пометил. Синие бирки — это в восточное крыло. Красные — посредине. Желтые — западное. Когда будешь топить в западном крыле, учти, что на него все ветры приходятся. Когда задувает, эти комнаты холодны как фригидная баба. Тут давление можно поднять и до восьмидесяти, я бы на твоём месте так бы и сделал.

— А термостаты наверху... — начал Джек.

Уотсон решительно покачал головой, так что его растрепанные волосы заметались.

— Они не подключены. Это только для видимости. Некоторые из калифорнийцев думают, что что-то не в порядке, если у них в их чертовых спальнях не парилка, в которой могут расти пальмы. Все тепло идет отсюда. За давлением, правда, надо следить. Вишь, как растет?

Он похлопал по измерителю, на котором за время его монолога стало сто два вместо ста фунтов на квадратный дюйм. Джек почувствовал, что по спине у него побежали мурашки, и подумал: *кто-то ходит по моей могиле*. В это время Уотсон повернул вентиль и сбросил да-

вление. Раздалось громкое шипение, и стрелка упала до девяности одного. Уотсон подрегулировал клапан, и постепенно шипение смолкло.

— Растет,— сказал Уотсон.— Скажешь этому жирному Ульману, пусть достает свои расходные книги и хоть три часа объясняет, что до 82-го года он не сможет найти денег на новый котел. Поверь моему слову, в один прекрасный день все это взлетит на воздух, и надеюсь, что этот толстый черт будет здесь, чтоб его подбросило. Господи, почему бы мне не быть таким же добрым, как моя мамаша. Она во всех видела только хорошее. А я злобный, как больная змея. Ну и черт с ним, таким уж я уродился. Теперь запомни — приходить сюда нужно два раза в день и потом еще раз ночью, пока не задрыхнешь. Следи за давлением. Если ты о нем позабудешь, он станет раскочегариваться потихоньку, так что скорей всего ты с семьей проснешься однажды на луне... Эта хренобень рассчитана на девяносто,— но я бы не рискнул спуститься и встать около нее, когда она раскочегарится хотя бы до шестидесяти пяти...

— А автоматического контроля нет?

— Не-а, нету. Его делали, когда этого никто не требовал. Это теперь федеральное правительство всюду сует свой нос. ФБР почти вскрывает, разведка к телефонам подключается... и погляди только, что стало с этим ихним Никсоном. Прямо жалко было смотреть. Но если будешь регулярно спускаться сюда и проверять давление, все у тебя будет путем. И не забудь поворачивать эти штуковины как надо. В комнатах не должно быть выше сорока пяти, разве что зима будет

очень теплая. А в своей квартире топи как хочешь.

— А водопровод можно посмотреть?

— Ага, ща покажу. Вот сюда, через арку.

Они вошли в длинную прямоугольную комнату, которая, казалось, тянулась на несколько миль. Уотсон дернул выключатель, и единственная семидесятипятиваттная лампочка осветила своим неприятным неровным светом место, где они стояли. Прямо перед ними находилось дно шахты лифта, густо покрытые смазкой кабели, сложенные в бухты диаметром в двадцать футов, и огромный, тоже покрытый смазкой мотор. Повсюду лежали бумаги, связанные в пачки или упакованные в коробки. Картонные папки с надписями: *Записи, Накладные, Квитанции* — ХРАНИТЬ! Стоял жуткий, затхлый запах. Некоторые из пачек рассыпались, и пожелтевшие ветхие бумажки двадцатилетней давности разлетелись по полу. Джек завороченно осматривался. В этих гниющих картонках была похоронена вся история «Оверлука».

— Чертовски трудно заставить этот лифт бегать, — сказал Уотсон, указывая на него пальцем. — Я знаю, что Ульман подкупает государственного инспектора по лифтам несколькими зваными обедами, только чтобы ремонтники не добрались до этой хреновины. А вот и водопровод.

Перед ними поднимались к потолку и исчезали в темноте пять толстых труб, обмотанных изоляцией и укрепленных стальными обручами.

Уотсон указал на покрытую паутиной полку.

На ней лежали несколько грязных тряпок и пачка бумаг.

— Это схема водопровода,— пояснил он.— Думаю, проблем с протечками у тебя не будет — никогда и не было, но иногда трубы замерзают. Бороться с этим можно только пустив тонкой струйкой воду на ночь, но в этом чертовом доме сотни четыре кранов. И этот толстый хрыч там наверху будет орать во всю глотку, когда увидит счет за воду. Ведь правда?

— Я бы сказал, что это поразительно пронизывающее замечание.

Уотсон посмотрел на него с восхищением:

— Э, да ты, выходит, человек образованный? Говоришь, как по писаному. Я этим восхищаюсь, если, конечно, такой тип не корчит из себя незнамо что. А то многие как раз такие. Знаешь, кто поднял все эти бунты в колледжах несколько лет назад? Педики, вот кто. От неудовлетворенности они с цепи посрывались. Вышли из подполья, как они сами выражались. И куда мы катимся? Так вот, если все-таки она замерзнет, то замерзнет скорей всего именно здесь. Здесь нет отопления, видишь? Если замерзнет, пользуйся вот этой штуковиной,— он залез в сломанную корзину для апельсинов и извлек оттуда маленькую газовую горелку.— Распусти изоляцию там, где найдешь ледяную пробку, и прогрей. Понял?

— Да. Но если труба замерзнет где-нибудь в другом месте?

— Если будешь делать свое дело и топить эти хоромы, ничего такого не случится. Да и все равно больше нигде ты до труб не доберешься.

Не дергайся из-за этого. Проблем не будет. Ну и местечко здесь. Все в паутине. Страшиновато.

— Ульман рассказывал, что первый смотритель убил себя и свою семью.

— Ага, Грейди. Слабак он был, я сразу понял, как только увидел его. Все время улыбался, будто пьяный кобель. Тогда здесь все еще только налаживалось, и этот толстый черт Ульман нанял бы и бостонского удушителя, согласись тот на эту зарплату. Их нашел лесник из Национального Парка, телефон не работал. Все они лежали на полу на третьем этаже в западном крыле, замерзшие напрочь. Девчонок жаль. Одной было шесть, другой восемь. Симпатяшки. Жуткое дело что было. Ульман, а он в межсезонье еще управляет каким-то пижонским заведением во Флориде, поймал самолет до Денвера, там нанял сани, чтоб доехать до Сайдвиндера, потому что дороги были перекрыты, — представляешь себе, сани? Кишки надорвет, но от газет все скроет. И здорово справился, надо признать. Было только сообщение в денверской «Пост», ну и, конечно, некролог в этом грязном листке в Эстес Парке, ну и все. Здорово, при той репутации, что есть у этого места. Я все боялся, что какой-нибудь репортер снова все вытащит наружу и использует Грейди как предлог порываться в скандалах.

— А что за скандалы?

Уотсон пожал плечами:

— Во всех больших отелях свои скандалы, — сказал он. — Как и привидения. Почему? Черт возьми, люди снуют туда-сюда. Иногда кто-нибудь из них да отдаст Богу душу у себя в комна-

те, сердце там, удар или еще что-нибудь в этом роде. В гостиницах уважают суеверия. В них нет тринадцатого этажа и тринадцатого номера, никаких зеркал на входных дверях, ну и все такое. Так вот, у нас тут одна дама померла в июле. Ульману пришлось похлопотать, и можешь не сомневаться, он выкрутился. За это ему и платят двадцать две тыщи баксов за сезон, и, хоть я его терпеть не могу, он их зарабатывает. Некоторые приезжают сюда развеяться и нанимают парня вроде Ульмана, чтобы улаживать неприятности. Так вот, эта женщина — ей не меньше шестидесяти было — моя ровесница! — волосы как красный фонарь, сиськи до пупа — она ходила без лифчика — из-за варикозных вен ноги у нее были как чертовы дорожные карты, лохмы свисали с шеи, с рук и из ушей. А с собой она привезла мальчишку лет семнадцати с волосами до задницы, а торчало у него так, словно он туда комиксов натолкал. Так они прожили у нас с неделю, может — дней десять, и каждый вечер одно и то же. С пяти до семи они сидели в Колорадо-холле, и она накачивалась сингапурскими слингами¹, словно с завтрашнего дня их запретят, а он — только одну бутылку «Олимпиа» потягивал, растягивал удовольствие. Она все шутила и говорила всякие остроумные вещи, а он каждый раз улыбался что твоя обезьяна, словно она дергала его рот за веревочки. Только через несколько дней стало заметно, что улыбаться ему все труднее, и Бог его знает, что ему приходилось выдумывать, чтобы не оплошать в постели. Потом

¹ Напиток из джина с сахаром и мускатным орехом.

они отправлялись обедать, она шаталась, пьяная как сапожник, а он щипал официанток и подмигивал им, пока она не видела. Мы уж и пари стали заключать на то, сколько он протянет.

Уотсон пожал плечами.

— Однажды вечером, часов в десять, он спустился и сказал, что его «жена» «плохо себя чувствует» — что значило, что она, как обычно, отрубилась — и что он пойдет купить ей лекарств. Сел в «порше», на котором они к нам приехали, и больше мы его не видели. На следующее утро она спустилась вниз и попыталась сделать вид, что все в порядке, но только все бледнела и бледнела, а мистер Ульман ее спросил, таким дипломатом, не поставить ли, мол, полицию в известность, не случилось ли чего, может, парень в аварию попал. Она на него как кошка набросилась. Нет-нет, он прекрасно водит машину, незачем беспокоиться, все под контролем, к обеду он вернется. В холл она спустилась уже к трем, а обедать не пошла вовсе. В пол-одиннадцатого поднялась к себе, и живой ее больше никто не видел.

— А что же с ней случилось?

— Местный коронер сказал, что она напилась и приняла тридцать таблеток снотворного. На следующий день явился ее муж, какой-то важный адвокат из Нью-Йорка. Устроил Ульману сцену. Я, мол, подам на вас в суд и уж позабочусь о том, чтобы все ваше грязное белье вытащили наружу, и все такое прочее. Но Ульман не дурак, Ульман ему быстро мозги вправил. Может, поинтересовался он, вам понравится, если фото вашей жены пойдет по всем нью-йоркс-

ким газетам: жена видного нью-йоркского Тра-та-та наглоталась снотворного. После того, как поиграла в пятнашки с мальчишкой, годящимся ей во внуки.

Копы нашли «порше» позади ночной забега-ловки в Лайонзе, и Ульман уладил дело так, что машину вернули адвокату. Потом они оба под-мазали старого Арчера Хаутона — местного ко-ронера и уговорили вынести вердикт о несчаст-ном случае. Сердечный приступ. Теперь старина Арчер ездит на «крайслере». Я его не виню. Нужно брать, что дают, особенно когда годы уже не те.

Появился носовой платок. Сморкание. Взгляд. В карман.

— И что потом? Через неделю эта дурочка, горничная, Долорес Викери ее звать, идет уби-рать комнату, где те двое останавливались, орет как резаная и валится без сознания. Очухавшись, она заявляет, что видела мертвую женщину — та голая лежала в ванне. «У нее лицо было такое опухшее и все красное, — говорит, — и она мне улыбнулась». Ульман выдал ей двухнедельное жалование и велел убираться. Думаю, человек пятьдесят умерли в этой гостинице с тех пор, как мой отец открыл ее в 1910-м.

Он хитро посмотрел на Джека.

— Знаешь, как они обычно отдают Богу ду-шу? Сердечный приступ или удар, когда они тра-хают женщину, с которой приехали. Эти все ку-рорты полны такими стариканами, решившими погулять напоследок. Они приезжают сюда в го-ры, делая вид, что им снова двадцать. Кое-что порой срывается, и не все управляющие умеют,

как Ульман, скрывать это от газет. Так что у «Оверлука» неплохая репутация. Думаю, и у чертова Балтимора в Нью-Йорке тоже неплохая репутация, надо только знать, у кого спрашивать.

— А привидения есть?

— Мистер Торренс, я проработал здесь всю свою жизнь. Я играл здесь, когда был не старше вашего сына на той фотографии, что вы мне показали. И я ни разу не видел привидения. Пойдемте, я еще покажу вам сарай.

— Прекрасно.

Когда Уотсон потянулся к выключателю, Джек сказал:

— Здесь очень много бумаг.

— Да, твоя правда. Выглядят так, словно их тыщу лет копили. Газеты, счета, накладные и Бог знает что еще. Мой папаша прекрасно с ними расправлялся, пока у нас была дровяная печка, но сейчас бумагами никто не занимается. Как-нибудь я найму мальчишку, чтобы отвез их в Сайдвиндер и сжег. Если Ульман возьмет на себя расходы. Думаю, он согласится, если я подниму достаточно громкий шум из-за крыс.

— Так, значит, здесь есть крысы?

— Ага, небось есть. Я уже достал ловушки с ядом, которые мистер Ульман велел вам поставить на чердаке и здесь, внизу. Присматривайте за мальчиком, мистер Торренс. Как бы с ним чего не случилось.

— Я уверен, что ничего не случится.

В устах Уотсона этот совет не был обидным.

Они подошли к лестнице и остановились на минуту, пока Уотсон сморкался.

— Там ты найдешь нужный, да и не нужный тоже, инструмент. Да еще дранка. Ульман тебе о ней говорил?

— Да, он хочет, чтобы наново перекрыли часть крыши.

— Он выжмет из тебя все, что сможет, этот маленький толстый хрен, а весной будет канючить, что ты плохо справился с работой. Я ему однажды прямо в лицо сказал, что...

Пока они поднимались по лестнице, слова Уотсона звучали как успокаивающее гудение. Джек Торренс оглянулся через плечо, всматриваясь в непроницаемую затхлую тьму, и подумал, что если на свете существуют привидения, то здесь им самое место. Он вспомнил о Грейди, погребенном под мягким, нетронутым снегом, постепенно сходящем с ума и решающемся на свое страшное дело. Интересно, они кричали? Бедный Грейди, он чувствовал, как это к нему подступает, и наконец понял, что для него весна не настанет никогда. Ему не стоило здесь находиться. И он не должен был выходить из себя.

Пока он шел вслед за Уотсоном, слова снова зазвучали у него в мозгу как похоронный звон, сопровождаемый резким треском — словно карандаш сломался. Боже мой, ему нужно выпить. Или напиться.

СТРАНА ТЕНЕЙ

В четверть пятого Дэнни проголодался и пошел наверх за молоком и печеньями. Он быстро проглотил их, не спуская глаз с окна, потом подошел поцеловать лежавшую маму. Она предложила ему остаться дома и посмотреть «Улицу Сезам» — так быстрее пройдет время, — но он, решительно покачав головой, вернулся на свой пост на углу.

Было уже пять вечера, и хотя у него не было часов и он все равно не умел определять время, он видел, что время идет, по тому, как удлинялись тени, а вечерний свет становился все более золотистым.

Вертя в руках планер, он напевал про себя: «Беги ко мне, Лу, нет, мне все равно... беги ко мне, Лу, нет, мне все равно... мой хозяин ушел... Лу, Лу, беги ко мне, Лу...»

Они пели эту песенку хором в детском саду Джека и Джилли в Стовингтоне. Здесь он в детский сад не ходил, потому что у папы не было на это денег. Он знал, что его родители беспокоятся из-за этого, боятся, что ему будет слишком одиноко (а в глубине души, не говоря об этом между собой, что Дэнни осуждает их), но на самом деле он не хотел больше ходить к Джеку и Джилли. Это для маленьких. А он, хотя еще не большой мальчик, но уже и не малыш. Большие мальчики ходят в большую школу и получают там горячий ланч. Первая ступень. На следующий год. А этот год был где-то между малышом и большим мальчиком. Все в порядке. Он скучает по Скотту и по Эн-

ди — особенно по Скотту, — но все-таки все в порядке. Лучше в одиночку дожидаться того, что будет впереди.

Он очень многое понимал про своих родителей, и он знал, что часто им не нравилось его понимание, а еще чаще они отказывались ему верить. Но когда-нибудь им придется поверить. Он был согласен подождать.

Очень жаль, что они многому не верили, особенно в такие минуты, как сейчас. Мама лежала в постели в квартире и до слез беспокоилась о папе. Кое-что из того, что ее беспокоило, было слишком взрослым, чтобы Дэнни мог ее понять, что-то, связанное с безопасностью, с папиным представлением о себе, с чувством вины, гневом и страхом перед тем, что с ними случится, — но сейчас она думала о двух вещах — о том, что с папой что-то случилось в горах (*иначе почему он не позвонил?*) или что папа сделает Плохо. Дэнни прекрасно понимал, что значит Плохо, с тех пор как Скотти Ааронсон, который был на полгода старше его, все ему объяснил. Скотти знал об этом, потому что его папа тоже сделал Плохо. Однажды, рассказал ему Скотти, его папа стукнул маму в глаз и сбил ее с ног. В итоге папа и мама Скотти РАЗВЕЛИСЬ из-за Плохого, и когда Дэнни с ним познакомился, Скотти жил с мамой, а папу видел только по воскресеньям. Больше всего в жизни Дэнни боялся РАЗВОДА, это слово всегда появлялось у него в уме написанным алыми буквами, покрытыми шипящими ядовитыми змеями. При РАЗВОДЕ твои родители уже не живут вместе. Они сражаются за тебя в суде (интересно, в баскетбольном или теннисном¹, ведь его родители играют и в ту и в дру-

¹ По-английски слово «court» одновременно означает «суд, корт, игровая площадка».

гую игру), потом ты должен пойти с одним из них и уже почти никогда не увидишь другого, а тот, с кем ты остался, если захочет, может жениться на ком-то совсем не знакомом. Самым страшным в связи с РАЗВОДОМ было то, что он уловил слово — или понятие, или что-то еще, появившееся в его сознании — парящее над головами его родителей, иногда размытое и далекое, а иногда такое же плотное, темное и пугающее, как черные гроззовые тучи. Так было тогда, когда папа наказал его за разбросанные бумаги в кабинете и доктор наложил ему гипс на руку. Это воспоминание уже потускнело, но воспоминание об их мыслях о РАЗВОДЕ было ясным и пугающим. В то время это было вокруг мамы, и он очень боялся, что она вытащит это слово из своего сознания и выскажет его, превратив в реальность. РАЗВОД. Это было постоянным фоном их мыслей, одним из немногих, которые он всегда мог уловить, как мелодию простенькой песни. Но, как и мелодия, эта основная мысль была лишь костяком более сложных мыслей, мыслей, которые он и не пытался расшифровать. Они виделись ему только как цвета и настроения. Мамины мысли о РАЗВОДЕ собирались вокруг того, что папа сделал с его рукой, и того, что случилось в Стовингтоне, когда папа потерял работу. Этот парень, Джордж Хэтфилд, написавший на папу и проделавший дырки в лапах их букашки. Папины мысли о разводе были сложнее, они были окрашены в темно-лиловый цвет и прорезаны страшными черными полосами. Кажется, он считал, что без него им будет лучше.

Тогда не будет так больно. Папе все время было больно, особенно — из-за Плохого. Дэнни почти всегда мог это уловить: папа почти все

время хотел забраться в темную комнату, смотреть цветной телевизор, есть ананасы из чашки и делать Плохо, пока его душа не замолчит и не оставит его в покое.

Но сегодня маме не о чем было волноваться, и ему хотелось пойти к ней и сказать об этом. Букашка не сломалась. Папа не делает где-то Плохо. Он уже почти дома, на шоссе между Лайонзом и Боулдером. На минуту папа даже не думал о Плохом. Он думал о... о...

Дэнни осторожно оглянулся на кухонное окно. Иногда, если он слишком сильно задумывался, с ним что-то происходило. Вещи — реальные вещи — уходили куда-то, и он видел то, чего на самом деле не было. Однажды, вскоре после того, как ему наложили гипс, это случилось с ним за ужином. Они тогда мало разговаривали друг с другом. Но они думали. Да. Мысли о РАЗВОДЕ висели в кухне как темная дождевая туча, налитая, готовая разразиться бурей. Было так тяжело, что он не мог есть. Мысль о еде, когда вокруг висел этот РАЗВОД, вызывала рвоту. И так как казалось, что это безумно важно, он полностью сосредоточился на этом, и тут что-то произошло. Когда он вернулся назад, он лежал на полу, бобы и картошка — у него на коленях, мама обнимала его и плакала, а папа звонил по телефону. Он испугался и попытался объяснить им, что все нормально, просто это с ним иногда бывает, когда он сосредоточенно пытается понять то, что обычно ему недоступно. Он пытался рассказать им про Тони, которого они называли его «невидимым другом».

Папа сказал: «У него Га Лю Ци Нация. Он выглядит нормально, но пусть доктор лучше его посмотрит».

Когда доктор ушел, мама заставила его пообещать, что больше он так не будет, что он больше *никогда* не станет их так пугать, и Дэнни согласился. Он и сам испугался. Потому что, когда он сосредоточился, он коснулся ума отца и всего на секунду, пока Тони не появился (далеко-далеко, как обычно, подзывая его) и странные вещи заслонили кухню и мясо на тарелке, всего на секунду он погрузился в папино сознание и там в темноте он увидел слово, гораздо более страшное, чем РАЗВОД,— САМОУБИЙСТВО. Дэнни никогда больше не встречал его в папином сознании, и, конечно же, не искал его. Он не хотел знать, что это слово значит на самом деле.

Но ему нравилось сосредоточиваться, потому что иногда приходил Тони. Не всегда. Чаше всего просто на минуту становилось неясным, смутным и вдруг снова прояснялось, но иногда на самом горизонте появлялся Тони, звал его издали и манил к себе...

С тех пор, как они переехали в Боулдер, это случилось уже дважды, и он помнил, как был удивлен и обрадован, когда понял, что Тони вслед за ним приехал из Вермонта. Так что не со всеми друзьями ему пришлось расстаться.

В первый раз это случилось, когда он был во дворе. В тот раз Тони только поманил его, потом наступила темнота, и вскоре он пришел в себя с несколькими туманными обрывками воспоминаний, как после путаного сна. Второй раз, две недели назад, было интереснее. Тони поманил его, крикнув: «Дэнни... иди посмотри...» Было такое ощущение, что он начал подниматься и вдруг упал в глубокую яму, как Алиса в стране чудес. Он оказался в подвале, Тони был рядом

и показывал в темноту на сундук, в котором папа перевозил важные бумаги и «ПЬЕСУ».

— Видишь? — сказал Тони далеким напевным голосом. — Он под лестницей. Прямо под лестницей. Грузчики поставили его ...прямо ...под лестницей.

Дэнни подошел ближе, чтобы лучше рассмотреть это чудо, и вот он уже снова падает, теперь уже с качелей во дворе, на которых сидел в это время. У него даже дух отшибло.

Дня через три-четыре папа, топая ногами, сердито повторял маме, что он перерыл весь этот чертов подвал, а сундука нигде не нашел, и он потянет в суд этих проклятых грузчиков, которые потеряли сундук где-нибудь между Вермонтом и Колорадо. Интересно знать, как ему теперь закончить «ПЬЕСУ», если все время случаются подобные вещи?

Дэнни сказал: «Нет, папа. Он под лестницей. Грузчики поставили его прямо под лестницей».

Папа странно взглянул на него и пошел вниз посмотреть. Сундук был там, именно там, где показал Тони. Папа отвел его в сторонку, усадил на колени и спросил, кто впустил его в подвал. Том с верхнего этажа? В подвале опасно, сказал папа. Поэтому хозяин его запирает. Если кто-то оставил его незапертым, папа хотел бы это знать. Он рад, что его бумаги и «ПЬЕСА» нашлись, но они не стоят того, чтобы Дэнни свалился с лестницы и сломал... сломал ногу. Дэнни серьезно сказал отцу, что он не ходил в подвал. Дверь всегда заперта. Мама подтвердила. Дэнни никогда не подходил к черному ходу, сказала она, потому что там сыро, темно и много пауков. И он не врет.

— Тогда как же ты узнал, док? — спросил папа.

— Тони мне показал.

Мама с папой переглянулись у него над головой. Это случалось и раньше, временами. Так как это их пугало, они постарались побыстрее прогнать это из своего ума. Но он знал, что они беспокоятся из-за Тони. Особенно мама, и он был осторожен, чтобы Тони не появился там, где она может его увидеть. Но сейчас, подумал он, она лежит, даже не ходит по кухне, и он старательно сосредоточился, чтобы понять, о чем думает папа.

Он наморщил лоб, а его немножко грязные руки сжались в кулачки. Глаз он не закрывал — в этом не было нужды, — он только прикрыл их так, что остались узкие щелочки, и представил себе папин голос, голос Джека, голос Джона Дэниеля Торренса, глубокий и низкий, иногда странно дрожавший от смеха, становившийся еще глубже от гнева, или просто спокойный голос, когда он думал. Думал о... Думал...

(думал)

Дэнни тихо вздохнул, и его тельце опустилось, словно его покинули все мускулы. Он был в полном сознании; он видел улицу и девочку с мальчиком, шедших по тротуару на другой стороне, держась за руки, потому что они были

(влюблены?)

Они так радовались дню и друг другу. Он видел осенние листья, которые несло вдоль мостовой, желтые неровные колесики. Видел дом, мимо которого они шли, и заметил, что крыша покрыта

(бранкой, думаю, это будет не трудно, если ничего не загорится, да, все будет нормально. Этот уотсон.

чудо что за тип. хорошо бы найти для него местечко в «ПЬЕСЕ». я в ней разделяюсь со всем этим чертовым родом человеческим, если за собой не поспежу. да. дранка. а гвозди там есть? а черт, забыл спросить, ладно их легко достать. в скобяной лавке в сайдвиндере. осы. они в это время года делают гнезда. нужно достать одну из этих блошиных бомбочек на случай, если они окажутся там, когда я буду сдирать старую дранку. новая дранка. старая)

дранка. Вот о чем он думает. Он нашел работу и думает о дранке. Дэнни не знал, кто такой Уотсон, но все остальное казалось вполне понятным. Надо постараться увидеть осиное гнездо. Так же верно, как и то, что его зовут

Дэнни... Дэнни...

Он поднял глаза и увидел Тони, стоявшего рядом с дорожным знаком в конце улицы и махавшего ему рукой. Дэнни, как всегда, почувствовал радость при виде старого друга, но на этот раз к ней примешивался страх, потому что Тони пришел с чем-то темным за спиной. Кувшин с осами, которые, если их выпустить на свободу, больно ужалят.

Но о том, чтобы не пойти, не могло быть и речи.

Он совсем опустился на землю, разжал кулаки, и руки его свободно повисли вдоль тела. Подбородок опустился на грудь. Потом он почувствовал безболезненный смутный толчок, словно часть его отделилась и побежала к Тони в воронкообразную темноту.

Дэнни

Теперь темноту прорезала вращающаяся белизна. Кашляющий, шлепающий звук и искривленные, изогнутые тени, оказавшиеся ночными

елями, которые мотал воющий ветер. Вокруг плясал снег. Снег был повсюду.

— Слишком глубокий, — сказал Тони из темноты, и в его голосе прозвучала испугавшая Дэни печаль. — Слишком глубокий, чтобы выбрать-ся.

Шатаясь, поднялась еще одна тень. Большая и прямоугольная. Покатая крыша. Неясно маячившая белизна посреди темной бури. Много окон. Длинное здание с покрытой дранкой крышей. Некоторые кусочки дранки явно зеленее, новее. Его папа их положил. С помощью гвоздей из скобяной лавки в Сайдвиндере. Сейчас дранка была покрыта снегом. Все было покрыто снегом.

Зеленый колдовской свет замаячил перед зданием и превратился в гигантский смеющийся череп над двумя перекрещенными костями.

— Яд, — сказал Тони в плывущей тьме. — Яд.

Перед глазами у него проплыли другие знаки, некоторые были написаны зелеными буквами, некоторые — на фанерках, косо воткнутых в сугробы. НЕ ПЛАВАТЬ. ОПАСНО! ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. ОТКРЫТАЯ ПРОВОДКА. ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ. ТРЕТИЙ РЕЛЬС. ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ. НЕ ПОДХОДИТЬ. НЕТ ПРОХОДА. ВХОД ВОСПРЕЩЕН. НАРУШИТЕЛИ БУДУТ ЗАСТРЕЛЕНЫ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ. Ни одну из этих надписей он до конца не понял — ведь он не умел читать! — но смысл уловил, и неясный страх окружил его тело темными коричневыми спорами, которые исчезнут лишь с солнечными лучами.

Они исчезли. Теперь он оказался в темной комнате, наполненной странной мебелью. Снег налип на окна словно мокрый песок. У него пе-

ресохло во рту, глаза — словно горячий мрамор, сердце затрепетало в груди. Снаружи донесся гулкий шум, словно распахнулась ужасная дверь. Раздались шаги. На другой стороне комнаты стояло зеркало, и в самом низу его серебряного обода возникло написанное зелеными огнями слово: РЕДРЭМ.

Комната пропала. Появилась другая. Он знал (должен был знать)

ее. Перевернутый стул. Разбитое окно, через которое врывается снег; он уже засыпал ковер. Занавески раздвинуты и косо висят на сломанной перекладине. Низенький столик валяется на боку.

Снова раздались гулкие, ритмичные, ужасные звуки. Звон битого стекла. Разрушение приближалось. Грубый голос, голос безумца, ставший еще страшнее из-за того, что он такой знакомый:

Выходи! Выходи, маленькое дерьмо! Прими лекарство!

Треск. Треск. Треск. Треск дерева. Рев ярости и удовлетворения. РЕДРЭМ. Все ближе.

Двигается по комнате. Срывает картины со стен. Проигрыватель

(мамин проигрыватель?)

падает на пол. Ее пластинки — Григ, Гендель, «Битлз», Арт Герфанкель, Лист, Бах — раскиданы повсюду. Осколки, похожие на кусочки торта. Луч света появляется из соседней комнаты, из ванной, резкий белый свет, и слово, мерцающее на зеркале в медицинском кабинете, словно красный глаз, РЕДРЭМ, РЕДРЭМ, РЕДРЭМ.

— Нет,— прошептал он.— Нет, Тони, пожалуйста.

И свешивающаяся с белого фарфорового края ванны рука. Безжизненная. И медленно капает кровь (РЕДРЭМ), стекая по среднему пальцу на кончик изящного ногтя.

Нет о нет о нет

(ну пожалуйста, Тони, мне страшно)

РЕДРЭМ РЕДРЭМ РЕДРЭМ

(перестань, Тони, перестань).

Все исчезло.

В темноте звуки стали громче, еще громче, эхом доносясь отовсюду.

Теперь он притаился в темном холле, спрятавшись за синим ковром с ткаными черными узорами, прислушиваясь к приближающимся шагам, и вот уже Тень повернула за угол и стала приближаться, покачиваясь, испуская запах крови и рока. Размахивая молотком (РЕДРЭМ), обрушивая удары на стены, разрывая шелковые обои, выбивая туманные облака пыли:

Выходи и прими лекарство! Будь мужчиной!

Тень приближалась, гнилостно воняя, гигантская, со страшным шипением, разрезая воздух молотком и гулкими ударами обрушивая ее на стены, вызывая облака пыли, осязаемые, сухие, вызывающие зуд. Маленькие красные глазки светились в темноте. Чудовище догнало его, нашло его, спрятавшегося, прижавшегося спиной к стене. А люк на чердаке заперт.

Темнота. Движение.

— Тони, прошу тебя, заberi меня отсюда, пожалуйста.

И он вернулся, он снова сидел на углу Арапагоу-стрит, рубашка прилипла к спине, он весь покрылся потом. В ушах Дэнни еще звучал этот гулкий контрапунктичный звук, и стоял запах собственной мочи, потому что от страха он опи-

сался. Он видел безжизненную руку на краю ванны, и кровь, стекавшую по среднему пальцу, и это необъяснимое слово, самое ужасное из всех слов: РЕДРЭМ.

Но теперь снова светило солнце. Все вещи были реальными. Только Тони, теперь уже в шести кварталах от него, только точка на углу, и его голос, совсем далекий и мягкий: «Осторожнее, док...»

В следующую секунду Тони исчез, и папина потрепанная красная букашка заворачивала за угол и тарахтела по улице, оставляя за собой голубоватый дымок. Через секунду Дэнни уже сорвался с места, размахивая руками, подпрыгивая, крича: «Папа! Привет, папа!»

Папа завернул за угол, заглушил мотор и открыл дверцу. Дэнни подбежал было к нему и вдруг застыл с расширенными от ужаса глазами. Сердце замерло у него в горле. Рядом с папой, на сиденье, лежал молоток, покрытый кровью и волосами.

Это была просто сумка с продуктами.

— Дэнни... с тобой все в порядке, док?

— Да. Все в порядке.— Он подошел к папе и зарылся в его хлопчатобумажную куртку на овечьем меху и крепко-крепко прижался. Джек отодвинулся от него, слегка озадаченный.

— Эй, не стоит тебе так долго сидеть на солнце, док. Ты весь вспотел.

— Я, кажется, заснул. Я люблю тебя, папа. Я ждал тебя.

— Я тоже тебя люблю, Дэн. Я тут кое-чего купил. Ты уже достаточно большой, чтобы отнести сумку наверх, правда?

— Конечно!

— Док Торренс, самый сильный человек в мире, — сказал Джек и потрепал мальчика по голове. — Чье хобби — спать на углу улицы.

Они подошли к двери, и мама вышла их встретить, и, стоя на ступеньку ниже, он смотрел, как они целуются. Они были рады видеть друг друга. Любовь исходила из них, как из тех мальчика и девочки, которые шли по улице, держась за руки. Дэнни был рад этому.

Сумка с продуктами — *просто* сумка с продуктами — похрустывала у него в руках. Все хорошо. Папа дома. Мама его любит. Нет ничего плохого. И не все, что Тони ему показывает, происходит на самом деле.

Но у него в сердце прочно угнездился глубокий и ужасный страх и то непонятное слово, которое он увидел в зеркале души.

ТЕЛЕФОННАЯ БУДКА

Джек припарковал свой «фольксваген» перед витриной «Рексол» в торговом центре «Столовая гора» и заглушил мотор. Он снова задумался над тем, не пойти ли ему сменить насос для бензина, и снова напомнил себе, что на это нет денег. Если машина будет бегать до ноября, она с почетом уйдет на заслуженный отдых. А к ноябрю снег здесь, в горах, будет выше крыши его букашки... может, даже выше, чем три таких букашки друг на друге.

— Останься-ка в машине, док. Я принесу тебе леденец.

— Почему мне нельзя выйти из машины?

— Мне нужно позвонить. Это личное дело.

— Ты поэтому не стал звонить из дому?

— Цыц.

Уэнди настояла на телефоне, несмотря на плачевное состояние их финансов. Она утверждала, что с маленьким ребенком — особенно с таким, как Дэнни, который страдает обмороками, — они не могут себе позволить обойтись без телефона. И Джек оплатил установку телефона, целых тридцать долларов, девяносто долларов страховки, а это уже было многовато. С тех пор телефон молчал, не считая двух ошибочных звонков.

— А можно мне «Бэби Руфь», папа?

— Да. Сиди тихо и не играй с педалями, хорошо?

— Хорошо. Я буду рассматривать карты.

— Валяй.

Когда Джек ушел, Дэнни открыл бардачок и вытащил оттуда пять потрепанных карт: Колорадо, Небраска, Юта, Вайоминг, Нью-Мексико. Ему нравились карты, нравилось водить пальцем по дорогам. В том, что касалось его, карты были самым лучшим следствием переезда на Запад.

Джек подошел к прилавку, купил леденец для Дэнни, газету и экземпляр октябрьского *«Дайджеста Писателя»*. Он расплатился пятеркой и попросил сдачу двадцатипятицентовиками. С монетами в руках он подошел к телефонной будке возле мастерской по изготовлению ключей и проскользнул внутрь. Отсюда, сквозь три слоя стекла, он мог видеть Дэнни. Мальчик с серьезным видом склонился над картами. Джек почувствовал почти отчаянную любовь к мальчику. Чувство отразилось у него на лице каменной мрачностью.

Наверное, необходимый благодарственный звонок Элу он мог сделать и из дому; он не собирался говорить ничего такого, что не понравилось бы Уэнди. Но гордость сказала «нет». В последнее время он постоянно прислушивался к голосу гордости, потому что, когда у человека жена и сын, шестьсот долларов на счету и потрепанный «фольксваген» 68-го года, все, что ему остается, — это гордость. Единственное, что ему принадлежит. Потому что даже счет у него был общим. Еще год назад он преподавал английский в одной из лучших подготовительных школ в Новой Англии. У него были друзья — правда, не совсем те же, что до того, как он слетел с катушек, — улыбки, коллеги по работе, восхищавшиеся его искусством вести занятия и писательским даром. Полгода назад все было заме-

чительно. Вдруг денег стало столько, что к следующей двухнедельной выплате от предыдущей зарплаты оставалось достаточно, чтобы начать откладывать. Когда он пил, не оставалось ни пенни лишнего, хотя платил в основном Эл Шо-кли. Они с Уэнди стали уже осторожно обсуждать покупку дома и возможность через год выплатить первый взнос. Какой-нибудь сельский домик, на ремонт которого, конечно, ушло бы лет шесть-восемь, да черт с ним, они же еще молоды, у них есть время.

А потом он вышел из себя.

Джордж Хэтфилд.

Аромат надежды превратился в запах старой кожи в кабинете Кроммерта, все происходило как будто в сцене из его собственной пьесы: старые фотографии прежних директоров, гравюры на стали, представляющие школу в 1879 году, когда она была открыта, и в 1895-м, когда на средства Вандербильта был выстроен полевой корпус, и поныне стоящий на западном краю соссег поля, большой, приземистый, увитый плющом. Апрельский плющ и сейчас шелестел за приоткрытым окном кабинета, и усыпляюще шумела теплая вода в батареях. Это не вымысел, подумалось ему тогда. Это реально. Это его жизнь. Как он мог так бездарно ее профукать?

— Дело серьезное, Джек. Очень серьезное. Правление просило меня довести до вашего сведения его решение.

Правление хотело, чтобы Джек ушел, и Джек уволился. Сложись обстоятельства по-другому, в июле он бы получил постоянную должность.

То, что последовало за этой беседой в кабинете Кроммерта, было самой черной, самой ужасной ночью в его жизни. Желание, *потребность* выпить никогда еще не были такими сильными. Руки у него дрожали. И ему так хотелось выместить это на Уэнди и Дэнни. Его нрав походил на злобное животное на драчливом leash. Боясь дать волю рукам, он выбежал из дома. Остановился перед баром, и единственным, что удержало его, не дало ему войти, было сознание, что, если он это сделает, Уэнди наконец уйдет от него и заберет Дэнни с собой. Это был бы конец.

Вместо того, чтобы пойти в бар, где темные тени манили в сладкие реки забвенья, он пошел домой к Элу Шокли. Правление проголосовало шесть к одному. Этим одним был Эл.

Теперь он набрал номер, и оператор сообщил ему, что за доллар и восемьдесят пять центов он может позвонить Элу за две тысячи миль и говорить три минуты. Время относительно, детка, подумал он и опустил восемь двадцатипятицентовиков в автомат. До него доносились едва слышные гудки — его вызов пробирался на восток.

Эл был сыном Артура Лонгли Шокли — стального барона. Тот оставил Альберту состояние и множество инвестиций, директорских постов и председательских кресел в различных правлениях. Одним из них был совет директоров Стовингтонской подготовительной академии, любимое детище старика. И Артур, и Альберт Шокли учились здесь, к тому же Эл жил в Барре достаточно близко, чтобы прини-

мать личное участие в жизни школы. Несколько лет Эл был здесь тренером по теннису.

Джек с Элом стали друзьями совершенно естественно и не случайно: они оба принимали участие в одних и тех же школьных мероприятиях и всегда были там самыми пьяными людьми. Шокли разошелся с женой, брак Джека медленно катился в пропасть, хотя он по-прежнему любил Уэнди и искренне (и часто) обещал исправиться ради нее и ради Дэнни.

Они вместе уходили со многих факультетских вечеринок, чтобы пошляться по барам, пока те не закроются, а потом закупить в какой-нибудь лавочке ящик пива и распить его в машине в каком-нибудь тупике. Порой Джек, шатаясь, возвращался в снимаемый ими дом с рассветом, и Уэнди с ребенком спали на кушетке, Дэнни всегда у стенки, подоткнув кулачок под щеку Уэнди. Тогда он смотрел на них, и клятвы, даваемые самому себе, стояли горьким комом у него в горле, комом, вкус которого был сильнее пива, сигарет и martinis — марсиан, как говорил Эл. В такие минуты он хладнокровно обращался мыслью к ружью, веревке или бритве.

Если загул приходился на рабочий день, он спал часа три, вставал, одевался, разжевывал четыре экседрина и отправлялся на девятичасовую лекцию об американских поэтах еще не протрезвев. Доброе утро, дети, сегодня Красноглазая Диковина расскажет вам, как Лонгфелло потерял жену при пожаре.

Он не верил, что он алкоголик, думал Джек, когда телефон Эла загудел ему в ухо. Уроки, которые он пропускал или на которые приходил небритым, еще воняя вчерашним martinis. Нет,

я не алкоголик, я всегда смогу остановиться. Но-чи, которые они с Уэнди провели в разных постелях. Слушай, я в порядке. Вмятины на крыле машины. Я вполне в состоянии вести машину. Слезы, которые она проливала в ванной. Подозрительные взгляды коллег на всех вечеринках, где подавали алкоголь, даже вино. Постепенное осознание того, что о нем говорят. Понимание, что он ничего не производит на своем «Ундервуде», кроме почти пустых листов, отправлявшихся в мусорную корзину. Он был находкой для Стовингтона, возможно, постепенно расцветающий американский писатель, и, уж конечно, человек, прекрасно одаренный для преподавания этой великой тайны — писательства. Он опубликовал с дюжину рассказов. Работал над пьесой, а где-нибудь в глубине его сознания, возможно, зрел роман. Но сейчас он ничего не пишет, а его преподавание стало неровным.

Все это вдруг прекратилось однажды ночью, меньше чем через месяц после того, как он сломал руку сыну. Ему казалось, что это конец его браку. Уэнди лишь оставалось собрать волю в кулак... если бы ее мать не была такой сукой, он был уверен, что Уэнди села бы на автобус в Нью-Гэмпшир, едва только Дэнни смог бы выдержать это путешествие. Все было кончено.

Это случилось вскоре после полуночи. Джек с Элом въезжали в Барр по 31-му национальному шоссе, Эл сидел за рулем своего «ягуара», с трудом выруливая на поворотах, порой пересекая двойную желтую линию. Оба были сильно пьяны; они приняли много мартини в этот вечер. Они обогнули последний поворот перед мостом на скорости семьдесят, и тут — детский

велосипед на дороге, потом — резкий болезненный визг покрышек, и Джеку врезалось в память лицо Эла, неясно маячившее над рулем, словно белая полная луна. Потом — звон и треск, когда они на скорости в сорок миль налетели на велосипед, и он взлетел на воздух как подстреленная, скрюченная птица, руль ударился о стекло, и снова велосипед взлетел в воздух, только на стекле остались трещины перед вытаращенными глазами Джека. Еще через секунду он услышал ужасный звук удара — велосипед упал на мостовую. Что-то глухо стукнулось о машину, и шины прошлись по нему. «Ягуар» повело, Эл все еще пытался справиться с рулем, и откуда-то издали Джек услышал собственный голос: «Боже мой, Эл. Мы его переехали. Я это почувствовал».

Телефон все звонил. *Подойди, Эл. Будь дома. Дай мне разделаться с этим.*

Эл резко затормозил всего в трех футах от опоры моста. Две покрышки «ягуара» стали совершенно лысыми. Они оставили за собой зигзагообразные следы горелой резины длиной в сто тридцать футов. Джек с Элом переглянулись и кинулись назад в холодную тьму.

Велосипед был вдребезги. Одно колесо отлетело, и, обернувшись через плечо, Эл увидел, что оно лежит посреди дороги, и полдюжины спиц торчит из него, как струны для рояля. Эл неуверенно сказал: «Думаю, его-то мы и переехали, Джеки».

— Тогда где же ребенок?

— А ты *видел* ребенка?

Джек нахмурился. Все произошло с такой безумной скоростью. Они выскочили из-за угла. В свете фар замаячил велосипед. Эл что-то

крикнул. Потом столкновение и долгое торможение.

Они отнесли велосипед на обочину. Эл вернулся к машине и включил все четыре фары. Следующие два часа они обыскивали дорогу при свете мощных фар. Ничего. Хотя было уже поздно, несколько машин проехали мимо остановившегося «ягуара» и двух мужчин в дрожащем свете. Никто не остановился. Позже Джек думал, что это Провидение дало им последний шанс и уберегло от полиции и прохожих.

В четверть третьего они вернулись к машине, трезвые, их мутило.

— Если на нем никто не ехал, то что он делал посреди дороги? — спросил Эл. — Он не был припаркован на обочине, он стоял прямо *посередине*, черт побери!

Джек только покачал головой.

— Номер не отвечает, — сказал оператор. — Мне продолжать набор?

— Еще пару звонков, если вас не затруднит.

— Да, сэр, — дежурно произнес голос.

Ну, подойди же, Эл!

Эл пешком через мост дошел до телефонной будки, позвонил холостому приятелю и попросил за пятьдесят долларов привезти им сменные покрышки для «ягуара» на хайвей 31, у моста перед въездом в Барр. Приятель появился через двадцать минут, одетый в джинсы и пижамную куртку. Он оглядел место происшествия.

— Кого-нибудь задавили? — спросил он.

Эл уже подвел домкрат под задние колеса, а Джек ослаблял гайки.

— Слава Богу, нет, — сказал Эл.

— Я, пожалуй, поеду. Завтра утром запла-
тишь.

— Хорошо,— сказал Эл, не оглядываясь.

Вдвоем они без эксцессов сменили покрыш-
ки и поехали домой к Элу. Эл завел машину
в гараж и заглушил мотор.

И в темноте сказал: «Я завязал, Джеки. Ко-
нец. Я убил последнего марсианина».

Теперь, истекая потом в телефонной будке,
Джек понял, что ни минуты не сомневался, что
Эл с этим справится. Сам он вернулся домой на
«фольксвагене», по радио какая-то диско-группа
снова и снова повторяла как заклинание в доме
перед рассветом: *Делай так, как хочется... делай
как хочется...* То, насколько громким был визг
шин и удар, не имело значения. Когда он закры-
вал глаза, он видел одинокое размоленное колесо
с торчащими в небо спицами.

Когда он вошел, Уэнди спала на кушетке. Он
заглянул к Дэнни в комнату, Дэнни лежал
в кровати на спине и крепко спал; его рука еще
была в гипсе. В мягком рассеянном свете улич-
ных фонарей он видел темные полосы на белой
повязке там, где расписались доктор и медсе-
стры детского отделения.

Это был несчастный случай. Он упал со звезд.

(грязный ты лжец)

Это был несчастный случай. Я вышел из себя.

*(ты грязная пьяная шваль Бог плюнул и полу-
чился ты)*

*Послушайте, а, ну послушайте, это просто не-
счастный случай.*

Но последнее оправдание было сметено вос-
поминанием о дрожащем свете фар, когда они
рыскали в ноябрьской сухой траве в ожидании

полиции, в поисках распростертого тела, которое по всей логике должно было здесь быть. Не важно, что за рулем был Эл. В другие ночи машину вел он.

Джек натянул одеяло на Дэнни, пошел в спальню, взял с верхней полки шкафа испанский Ллама 38-го калибра. Пистолет лежал в коробке из-под обуви. Он сидел на кровати с оружием в руках около часа, замороженно глядя на его поблескивающий ствол.

Уже рассветло, когда он положил его обратно в коробку, а коробку — в шкаф.

Утром он позвонил Брюкнеру, заведовавшему кафедрой, и попросил заменить его на занятиях. У него грипп. Брюкнер неохотно согласился. Джек Торренс в последнее время слишком подвержен простудам.

Уэнди приготовила ему яйца всмятку и кофе. Они молча поели. Только со двора слышалось, как Дэнни здоровой рукой радостно катает свои машинки по песку.

Она стала мыть посуду. Стоя к нему спиной, Уэнди сказала: «Джек, я тут подумала...»

— Да? — Дрожащими пальцами он зажег сигарету. Странно, сегодня не было похмелья. Только руки дрожат. Он моргнул. В секундной темноте снова возник велосипед, ударившийся о ветровое стекло. Взвизгнули тормоза. Вспыхнули фары.

— Я хочу поговорить с тобой о том... о том, что будет лучше для нас с Дэнни. А может быть, и для тебя. Не знаю. Нам давно уже следовало об этом поговорить.

— Ты не могла бы сделать мне одно одол-

жение? — спросил он, глядя на кончик дрожащей сигареты.

— Что? — У нее стал ровный, невыразительный голос. Он смотрел ей в спину.

— Давай поговорим об этом через неделю. Если ты этого захочешь.

Теперь она обернулась, по рукам стекало мыло, хорошенькое лицо было бледно и разочаровано.

— Джек, обещания не помогут. Ты их не...

Она замолчала, глядя ему в глаза, замороженная, неуверенная.

— Через неделю, — сказал он. Вся сила ушла из его голоса, он почти шептал. — Пожалуйста. Я ничего не обещаю. Если ты захочешь к этому вернуться, мы поговорим. О чем ты захочешь. — Через освещенную солнцем кухню они смотрели друг на друга довольно долго, потом она вернулась к посуде, больше уже ничего не говоря, а он весь затрясся. Боже, как нужно выпить. Чуть-чуть похмелиться, чтобы все встало на место.

— Дэнни сказал, что ему приснилось, будто ты попал в аварию, — резко сказала она. — У него порой бывают странные сны. Он рассказывал утром, пока я его одевала. Ты действительно попал в аварию, Джек?

— Нет.

К полудню желание выпить превратилось в лихорадку. Он пошел к Элу.

— Ты трезвый? — спросил Эл, прежде чем впустить. Выглядел он ужасно.

— Как стеклышко. Ты похож на Лона Чейни в *«Привидении в Опере»*.

— Заходи.

Весь вечер они вдвоем играли в вист. И не пили.

Прошла неделя. Они с Уэнди мало разговаривали. Но он знал, что она наблюдает и не верит. Он пил черный кофе и бесконечные банки кока-колы. Однажды он выпил целую упаковку, и ему пришлось бежать в ванную, его рвало. Уровень в бутылках в баре не понижался. После занятий он шел к Элу Шокли — она ненавидела Эла Шокли как никого на свете, — и, когда он возвращался домой, она могла поклясться, что чувствует запах виски, но говорил он трезво, пил кофе, играл с Дэнни после ужина, делясь с ним кока-колой, читал ему на сон грядущий, а потом сидел и правил сочинения, поглощая кофе чашку за чашкой, и ей приходилось признавать, что она не права.

Неделя шла за неделей, и невысказанное слово уходило все глубже, все дальше от губ. Джек чувствовал это, но знал, что никогда оно не уйдет совсем. Стало легче. И тут Джордж Хэтфилд. Он снова вышел из себя, теперь уже — совсем трезвый.

— Сэр, номер все еще не отвечает...

— Хелло? — запыхавшийся голос Эла.

— Говорите, — сурово сказал оператор.

— Эл, это Джек Торренс.

— Джеки! — Искренняя радость. — Как дела?

— Хорошо. Я звоню просто поблагодарить.

Я нашел работу. Все прекрасно. Если я не сумею дописать проклятую пьесу за эту зиму, я ее вообще никогда не напишу.

— Напишешь.

— Как ты? — осторожно спросил Джек.

— Трезв, — ответил Эл. — А ты?

— Как стеклышко.

— Сильно мучаешься?

— Каждый день.

Эл засмеялся:

— Я знаю. Но не представляю, как ты выдержал после этой истории с Хэтфилдом. Это было выше всяких сил.

— Я сам себе все испортил, — спокойно ответил Джек.

— О, черт. К весне я уговорю совет. Эффинджер уже говорит, что они погорячились. А если пьеса получится...

— Да. Послушай, у меня тут сын в машине, похоже, он там уже заскучал.

— Конечно. Понял. Счастливо перезимовать, Джек. Рад помочь.

— Еще раз спасибо, Эл.

Он повесил трубку, закрыл глаза и снова увидел сломанный велосипед и дрожащий свет. На следующий день в газете была язвительная заметка, просто, чтобы заполнить место, владелец не был назван. Почему велосипед стоял там среди ночи, навсегда останется для них тайной, и, возможно, так оно и должно быть.

Он вернулся к машине и протянул Дэнни его слегка растаявший леденец.

— Папа?

— Что, док?

Дэнни колебался, глядя на отсутствующий взгляд отца.

— Когда я ждал твоего возвращения из отеля, мне приснился плохой сон. Помнишь? Я тогда уснул?

— Угу.

Ничего не выйдет. Папа думает о чем-то другом. Опять о Плохом.

(Мне снилось, что ты сделал мне больно, папа)

— Что за сон, док?

— Ничего,— сказал Дэнни, когда они въезжали на стоянку. Он снова засунул карты в бардачок.

— Точно?

— Да.

Джек с беспокойством посмотрел на сына, а потом стал думать о пьесе.

НОЧНЫЕ МЫСЛИ

Любовь кончилась, и ее мужчина спал рядом.
Ее мужчина.

Она улыбнулась в темноте. Его теплая сперма медленно вытекала между ее слегка раздвинутых ног, и ее улыбка была одновременно печальной и довольной, потому что слова *ее мужчины* вызвали сотню разных чувств. Каждое из них по отдельности озадачивало. Вместе, в этой сонной темноте, они были похожи на далекую грустную мелодию в почти пустом ночном клубе, грустную, но приятную.

Твоя любовь на мне как кандалы.

Но если я не могу быть твоей женщиной, я не собираюсь становиться твоим псом.

Это был Билли Холидей? Или кто-то более прозаичный, вроде Пегги Ли? Неважно. Голос был низким и нежным, и в тишине он мягко звучал в ее голове, словно исходил из одного из тех старомодных механических музыкальных автоматов, «Вурлицера», например, за полчаса до закрытия.

Теперь, погружаясь в сон, она вспоминала, в скольких постелях она спала с этим мужчиной. Они познакомились в колледже и впервые занимались любовью в его квартире... всего через три месяца после того, как мать выставила ее из дому и велела не возвращаться, сказав, что, если ей понадобится к кому-то ехать, пусть едет к отцу, потому что развод — это ее вина. Это бы-

ло в 1970-м. Так давно? Через семестр они стали жить вместе, нашли работу на лето и остались в той же квартире и на выпускной год. Эту постель она помнила наиболее отчетливо, широкая двуспальная кровать с проваленной серединой. Когда они занимались любовью, ржавые пружины отбивали ритм. Той осенью ей наконец удалось порвать с матерью. Джек помог. Она хочет продолжать тебя бить, сказал Джек. Чем чаще ты ей звонишь, чем чаще выпрашиваешь прощение, тем чаще она будет мстить тебе за отца. Ей так удобнее, Уэнди, потому что она может делать вид, что это твоя вина. Но для тебя это плохо. Они много раз обсуждали это в той постели, в тот год.

(Джек сидел, натянув одеяло до талии, с сигаретой в руках, глядя ей в глаза — у него была привычка делать это полуиронично, полухму-ро — и говорил ей: *Она велела тебе не возвращаться, так? Не засвечивать? Тогда почему она не бросает трубку, когда ты звонишь? Почему не скажет, что тебе нельзя приходить, потому что ты со мной? Потому что она боится, что я не впишусь в ее стиль? Потому что она хочет по-прежнему запускать в тебя когти? Глупо с твоей стороны позволять ей это. Она тебе сказала не возвращаться, почему же ты не ловишь ее на слове? Забудь об этом.* И постепенно она стала смотреть на вещи его глазами.)

Джек предложил ей расстаться на время — чтобы разобраться в их отношениях. Она боялась, что он заинтересовался кем-то другим. Позже она узнала, что это не так. Весной они снова были вместе, и он спросил, не ездила ли

она к отцу. Она подпрыгнула, словно он ударил ее арапником.

Как ты узнал?

Тень знает.

Ты что, за мной следил?

И он рассмеялся — этот отрывистый смех всегда заставлял ее чувствовать себя неловко — так, словно ей лет восемь, и ему легче понять мотивы ее поступков, чем ей самой.

Тебе нужно было время, Уэнди.

Зачем?

Думаю... для того, чтобы понять, за кого из нас ты хочешь выйти замуж.

Джек, о чем это ты?

Полагаю, что я делаю тебе предложение.

Свадьба. Ее отец был там, матери не было. Она обнаружила, что сможет к этому привыкнуть, если у нее будет Джек. Потом появился Дэнни, ее сын.

Это был лучший год и лучшая постель. После рождения Дэнни Джек нашел ей работу машинистки для полудюжины преподавателей английского отделения — контрольные, экзамены, материалы для уроков, научные записки, списки литературы. В конце концов она напечатала роман для одного из них, роман, который никогда не был опубликован... к скрытой недостойной радости Джека. Она работала за сорок долларов в неделю и довела свои заработки до шестидесяти в те два месяца, что печатала неудачный роман. Тогда они купили свою первую машину, «бьюик» пятилетней давности с детским сиденьем посередине. Заметная, продвигающаяся

вверх молодая пара. Дэнни заставил ее помириться с матерью, это перемирие было напряженным и не принесло счастья, но все-таки они помирились. Когда она отвозила Дэнни к матери, то ездила без Джека. И она не рассказывала Джеку о том, что ее мать всегда перепеленывала ребенка, не одобряла его рецептов, всегда умела обнаружить первые тревожные признаки сыпи на груди или в паху ребенка. Ее мать никогда не говорила этого открыто, но все и так было ясно: ценой, которую она начала (и, возможно, всегда будет) платить за примирение, было сознание того, что Уэнди плохая мать. Так ее мать поддерживала когти в готовности.

Целыми днями Уэнди сидела дома, наполняя бутылочки для Дэнни в залитой солнцем кухне в их четырехкомнатной квартире на третьем этаже, слушая пластинки на старом портативном стереопроекторе, который был у нее еще со школы. Джек возвращался домой часа в три (или в два, если мог сократить последний урок), и, пока Дэнни спал, они уходили в спальню, и страх перед неудачами отступал.

По ночам она печатала, а он писал или проверял домашние задания. В такие дни порой, выйдя из спальни, где стояла пишущая машинка, она заставляла их обоих спящими на диване в кабинете. Джек в одних подштанниках и Дэнни, уютно устроившись на груди отца, засунув палец в рот. Она перекладывала Дэнни в кроватку и, прежде чем разбудить Джека настолько, чтобы он мог лечь в постель, читала то, что он написал за ночь.

Лучшая постель, лучший год.

/ *Солнце однажды заглянет в мой дворик...*

В то время Джек еще контролировал себя. Субботними вечерами компания студентов закатывалась к ним с ящиком пива и спорами, в которых она не принимала участия, потому что специализировалась в социологии, а Джек — в английском; они спорили о том, принадлежат ли дневники Пеписа литературе или истории, обсуждали стихи Чарлза Олсона, порой читали новые работы. И еще сотня тем. Нет, тысяча. Она совсем не чувствовала потребности принимать в этом участие, ей было достаточно того, что она рядом с Джеком: она — в своем кресле, а Джек на полу с пивом в одной руке, положив другую ей на колено или обнимая за ногу.

Конкурс в штаб-квартире ООН был суровым, и Джек стал писать еще больше. Он тратил на это не меньше часа каждый вечер. Писание превратилось в рутину. Субботние беседы были необходимой разрядкой. Они позволяли ему выпустить из себя то, что иначе все нарастало и нарастало бы, пока не взорвалось.

Получив степень, он нашел место в Стовингтоне, большей частью благодаря своим рассказам — к тому времени четыре из них были опубликованы, один даже в *«Эсквайре»*. Она ясно помнила тот день; трех лет мало для того, чтобы это забыть. Она уже почти выкинула конверт, думая, что это какая-то подписка. Вскрыв его, достала письмо, сообщавшее, что *«Эсквайр»* хотел бы опубликовать рассказ Джека «О Черных Дырах» в начале следующего года. Они заплатят де-

вятьсот долларов, и не при публикации, а по получении. Это было почти равно ее полугодовому заработку за машинопись, она побежала к телефону, оставив Дэнни, смешно таращившего на нее глазенки, перемазанного горохом со сметаной и мясным пюре, сидеть на кухне на высоком стульчике.

Джек приехал из университета через сорок пять минут, в «бьюике» с друзьями и бочонком пива. После церемонного тоста (Уэнди тоже взяла стакан, хотя пиво не любила) Джек подписал письмо, вложил его в конверт и пошел опустить в почтовый ящик. Вернувшись, он торжественно провозгласил: «*Veni, vidi, vici*». Все засмеялись и заплодировали. К одиннадцати часам бочонок опустел, и Джек с двумя друзьями, которые еще могли держаться на ногах, отправился по барам.

На лестнице она подозвала его. Двое других уже сидели в машине и пьяно распевали боевую песнь Нью-Гэмпшира. Стоя на одном колене, Джек безуспешно вертел в руках шнурки ботинок.

— Джек, — сказала она. — Тебе не стоит ехать. Ты же даже шнурки завязать не можешь.

Он встал и спокойно взял ее за плечи.

— Сегодня я могу до луны долететь, если только захочу.

— Нет, — сказала она. — Ни за какие публикации на свете.

— Я скоро вернусь.

Но появился он только в четыре утра, спотыкаясь и бормоча что-то по дороге, разбудил Дэн-

ни. Попытавшись успокоить ребенка, он уронил его на пол. Уэнди кинулась к нему, думая, что скажет мать, увидев синяк, прежде, чем успела подумать о чем-нибудь еще — да поможет ей Бог, да поможет Бог им обоим, — подхватила Дэнни, села в кресло-качалку и стала его успокаивать. О матери она думала большую часть тех пяти часов, что Джек отсутствовал, она думала о ее пророчестве, о том, что из Джека ничего никогда не выйдет. *Грандиозные планы*, говорила мать. Конечно. *Множество образованных идиотов с грандиозными планами рыскают в поисках денег.* Публикация в «Эсквайре» подтвердила или опровергла эти слова? *Уиннифред, ты неправильно обращаешься с ребенком. Дай его мне.* Может, она и с мужем обращается неправильно? Иначе почему он унес свою радость вон из дома? Бесполезный ужас поднимался в ней, и ей так никогда и не пришло в голову, что он ушел по причине, никак с ней не связанной.

— Поздравляю, — сказала она, укачивая Дэнни — он уже почти уснул. — Может, у него теперь сотрясение мозга.

— Это просто синяк, — угрюмо ответил он покаянным тоном: прямо маленький мальчик. На мгновение она возненавидела его.

— Может быть, — сказала она резко. — А может, и нет.

Она так часто слышала, как ее мать говорит с ушедшим отцом ее собственным голосом, что почувствовала болезненный страх.

— Яблочко от яблони... — пробормотал Джек.

— Проспись сначала! — закричала она, ее страх звучал как гнев. — Иди спать, ты пьян!

— Не указывай мне!

— Джек... прошу тебя, не надо... — Она не могла найти слов.

— Не указывай мне, — повторил он мрачно и ушел в спальню. Она осталась одна в своем кресле с уснувшим Дэнни на руках. Через пять минут до нее донесся храп Джека. Ту ночь она впервые провела на диване.

Теперь она беспокойно ворочалась, уже почти задремав. Ее мысли, которые приближающийся сон освободил от пут хронологии, перенесли к первому году в Стовингтоне, сквозь все ухудшавшиеся времена, которые подошли к последней черте, когда Джек сломал Дэнни руку, к тому утру на кухне.

Дэнни на улице играл в машинки, рука его была еще в гипсе. Джек сидел за столом, бледный, седеющий, с дрожавшей в пальцах сигаретой. Она решила предложить развестись. Она рассмотрела этот вопрос под сотней разных углов, обдумывая его целых полгода, еще до перелома. Она говорила себе, что уже давно пора принять решение, если бы не Дэнни, но дело даже было не в этом. Она размышляла все те долгие ночи, когда Джека не бывало дома, и мысли приводили ее всегда к лицу матери и к ее собственной свадьбе.

(Кто отдает эту женщину? Ее отец стоит в своем лучшем костюме, который уже далеко не нов — отец был коммивояжером и продавал консервы, дела уже тогда шли плохо — у него

усталое лицо, как же плохо он выглядит, как он бледен: Я.)

Даже после несчастного случая — если только его можно считать несчастным случаем — она не смогла об этом сказать, признать, что ее брак был провалом. Она ждала, глупо надеясь, что случится чудо и Джек поймет, что происходит не только с ним, но и с ней. Но все продолжало сыпаться. Рюмка перед уходом в академию. Пара стаканов пива за ланчем в Стовингтон Хауз. Три-четыре martini перед обедом. Еще пять-шесть при проверке тетрадей. По выходным еще хуже. Ночи, проведенные Джеком в компании Эла Шокли, просто кошмар. Она не могла себе представить, что в жизни может быть столько боли, когда физически все в порядке. Ей постоянно было больно. Насколько она была виновата в этом? Этот вопрос преследовал ее постоянно. Она чувствовала себя своей матерью. Своим отцом. Иногда, когда она снова была собой, она думала о том, чем все это обернется для Дэнни, и боялась того дня, когда он вырастет настолько, чтобы их судить. И еще она думала, куда же им поехать. Она не сомневалась, что мать примет ее, и что через год, глядя, как ребенка перепеленывают, как переделывают приготовленную ею еду, как, придя домой, она будет видеть, что его переодели и перепричесали, а книги, которые мать сочтет неподходящими, брошены на чердак... через полгода такой жизни у нее наступит нервный срыв. А ее мать будет похлопывать ее по руке и утешать: *Хотя это не твоя вина, ты сама во всем виновата. Ты не была*

к этому готова. Ты показала свое истинное лицо, когда встала между твоим отцом и мной.

Мой отец, отец Дэнни. Мой, его.

(Кто отдает эту женщину? Я. Через полгода он умер от сердечного приступа.)

Ночь перед тем утром она почти не спала, все думала и копила решимость.

Развод необходим, твердила она себе. Ее родители не имеют отношения к этому решению. Как и ее чувство вины по поводу их брака и ее комплекс неполноценности по поводу своего. Это было необходимо для блага ее сына, и для нее, если она вообще хочет хоть что-нибудь спасти. Надпись на стене была жестокой, но ясной. Ее муж пьяница. У него дурной нрав, который он уже не в силах контролировать, потому что пьет по-черному, а его работа идет из рук вон плохо. Случайно или нет, но руку Дэнни он сломал. Он скоро потеряет работу, не в этом году, так через год. Она уже стала замечать сочувствующие взгляды жен его коллег. Она говорила себе, что она терпела этот кошмар, сколько было сил. Теперь уже это дело можно бросить. У Джека останется право посещать сына, и ей бы хотелось, чтобы он поддерживал их какое-то время, пока она не найдет работу и не встанет на ноги — а это нужно сделать как можно скорее, потому что она не знала, как долго он будет в состоянии давать им хоть сколько-нибудь. Она постарается сделать это как можно менее болезненным. Но это конец.

Думая так, она задремала, беспокойно и некрепко, посещаемая образами матери и отца. Ты

просто разрушительница семьи, — говорила мать. *Кто отдает эту женщину?* — спрашивал священник. Я, ответил ее отец. Но и ясным солнечным утром она чувствовала себя так же. Повернувшись к нему спиной, погрузив руки в теплую воду для мытья посуды, она начала.

— Я хочу поговорить с тобой о том... о том, что будет лучше для нас с Дэнни. А может быть, и для тебя. Не знаю. Нам следовало давно уже об этом поговорить.

И тут он сказал нечто странное. Она ожидала гнева, горечи, обвинений. Она ожидала, что он кинется к бутылке. Но только не этого мягкого, почти без выражения произнесенного ответа, который был так не похож на него. Словно Джек, с которым она прожила шесть лет, не вернулся сегодня, словно его подменил какой-то двойник, которого она никогда не распознает и в котором она никогда не будет уверена.

— Ты не могла бы сделать мне одно одолжение?

— Что? — Ей пришлось взять себя в руки, чтобы голос не дрожал.

— Давай поговорим об этом через неделю. Если ты этого захочешь.

И она согласилась. Это так и осталось невысказанным между ними. Всю ту неделю он бывал у Эла Шокли чаще обычного, но возвращался рано и трезвый. Ей казалось, что от него пахнет алкоголем, но она знала, что это не так. Еще неделя. И еще.

Развод был снят с повестки дня без голосования.

Что же произошло? Она по-прежнему не могла этого понять, у нее по-прежнему не было об этом ни малейшего представления. Эта тема была табу для них. Он был похож на человека, который, заглянув за угол, неожиданно увидел поджидающее его в засаде чудовище, притаившееся среди костей своих прежних жертв. Бу-тылки так и стояли в баре, он к ним не прика-сался. Она много раз подумывала о том, чтобы их выбросить, но в конце концов отказалась от этой мысли, боясь нарушить этим какое-то неве-домое заклятие.

И потом, нужно было учитывать интересы Дэнни.

Если, как она чувствовала, своего мужа она не знала, то сын внушал ей благоговение — благоговение в изначальном смысле этого слова: нечто вроде невыразимого словами суеверного страха.

Сквозь дремоту ей представился момент его рождения. Она как будто снова лежала на боль-ничном столе, мокрая от пота, со слипшимися волосами, ноги раскорячены на стременах

(в какой-то момент она пробормотала, что чувствует себя как объявление о групповом изна-силовании, и медсестра, стреляный воробей, присутствовавшая при появлении на свет такого количества детей, что хватило бы на целый уни-верситет, нашла это очень смешным)

доктор у нее между ног, медсестра, что-то напевая, готовит инструменты. Острые, леденя-щие приступы боли, наступающие со все более

сокращающимися интервалами — несколько раз, несмотря на стыд, она даже вскрикнула.

Потом доктор строго приказал тужиться, она послушалась и тут же ощутила, что у нее что-то забрали. Это было очень ясное, четкое ощущение, которое ей никогда не забыть, — *забрали*. Доктор поднял ее сына за ножки — она увидела его тоненький пенис и сразу поняла, что это мальчик, — а когда доктор ощупью искал маску, она заметила еще кое-что, нечто настолько ужасное, что у нее даже нашлись силы вскрикнуть, хотя ей казалось, что на это уже не осталось сил:

У него не было лица!

Но, конечно же, лицо было, милое личико Дэнни, а «сорочка», закрывавшая его при рождении, теперь хранилась в баночке, которую она, стыдясь, берегла. Она не придерживалась суеверий, но тем не менее сохранила «сорочку». Она не обращала внимания на бабьи рассказы, но ее мальчик с самого начала был необычным. Она не верила в ясновидение, но...

Папа попал в аварию? Мне приснилось, что папа попал в аварию.

Что-то заставило его измениться. Она не верила, что это была ее готовность потребовать развода. Это случилось еще раньше, в то утро. Что-то произошло, пока она беспокойно спала. Эл Шокли сказал, что ничего не случилось, совсем ничего, но при этом отвел глаза, и, если верить сплетням, Эл тоже завязал.

Папа попал в аварию?

Может быть, это было случайное столкновение с судьбой, ничего конкретного. Газеты в тот

день и на следующий она читала внимательнее, чем обычно, но не нашла там ничего, что могло быть связано с Джеком. Да поможет ей Бог, она искала сообщений о наезде или о закончившейся тяжелыми увечьями драке в баре, или о ...кто знает? И нужно ли знать? Но полицейские не приходили ни с вопросами, ни с ордером на обыск «фольксвагена» и снятие с него проб краски. Ничего. Только ее муж резко изменился, а сын сонно спросил, когда она его разбудила:

Папа попал в аварию? Мне приснилось...

Она оставалась с Джеком в первую очередь ради Дэнни, хотя, бодрствуя, не сознавалась себе в этом, но теперь, в дремоте, могла это признать: Дэнни целиком и полностью принадлежал Джеку, почти с самого начала. Как и она была папиной дочкой, тоже с самого начала. Она не могла припомнить, чтобы Дэнни хот раз оплевал Джеку рубашку. Джеку всегда удавалось заставить его есть, когда она уже с отвращением сдавалась, даже когда у Дэнни резались зубки и ему было ощутимо больно жевать. Когда у Дэнни болел живот, ей приходилось укачивать его часами, прежде чем он успокаивался, Джеку же было достаточно взять его на руки, пару раз пройтись по комнате, и Дэнни уже спал у него на плече, умиротворенно засунув палец в рот.

Он всегда безропотно менял пеленки, даже те, которые называл «экстренная доставка». Часами сидел с Дэнни, качал его на коленях, играя с ним, корчил рожи, а Дэнни, заливаясь смехом, хватал его за нос. Он сочинял для него смеси и безошибочно с ними управлялся, подбирая все

до последнего глотка. Он мог взять еще грудного Дэнни с собой на машине, когда ездил за газетами, в магазин за молоком или за гвоздями в скобяную лавку. Он как-то даже повез шестимесячного Дэнни с собой на матч футболистов Стовингтон-Кини, и тот тихо просидел весь матч, завернутый в одеяло и прижимающий к груди стовингтонский вымпелок.

Он любил маму, но был папенькиным сыном.

И разве не чувствовала она время от времени безмолвное сопротивление сына самой идее развода? Она иногда думала об этом на кухне, поворачивая эту мысль в голове, как поворачивала под ножом картофелины. А оборачиваясь, видела, как Дэнни сидит, скрестив ножки на кухонном стуле, глядя на нее со страхом и осуждением. Когда они гуляли в парке, он иногда вдруг хватал ее за руки и говорил — почти требовал: «Ты меня любишь? Ты любишь папу?» Она смущенно кивала и говорила: «Конечно, люблю, родной». И тогда он бежал к пруду и распугивал уток, уплывавших с недовольным кряканьем на дальний конец пруда, в панике хлопая крыльями, боясь жестокости его обвинений, а она, недоумевая, смотрела ему вслед.

А временами ей казалось, что ее решимость поговорить с Джеком о разводе пропадала не по ее слабости, а из-за сильной воли ее сына.

Я не верю в такие вещи.

Но во сне она верила, и во сне, когда сперма ее мужа еще сохла на ее бедрах, она чувствовала, что они все трое связаны друг с другом навсе-

гда — и что если их триединство и будет разрушено, то сделает это внешняя сила, а не кто-нибудь из них.

Большая часть того, во что она верила, концентрировалась вокруг ее любви к Джеку. Она никогда не переставала его любить, разве что в тот мрачный период сразу после «несчастливого случая» с Дэнни. И она любила сына. Она любила их обоих, гуляющих, едущих на машине или просто сидящих, когда большая голова Джека и головка Дэнни обе настороженно склонялись над старинными веерами, когда они пили вдвоем кока-колу и смотрели комиксы. Ей нравилось, когда они были рядом, и она надеялась, что Бог смилостивится и эта работа в гостинице, которую Эл нашел для Джека, станет началом новой, хорошей жизни.

*И ветер поднимется, бэби,
и сдует печали твои...*

Мягкий, нежный, ласковый напев вернулся и последовал за нею в более глубокий сон, в котором больше не было мыслей, а лица, являвшиеся в снах, сразу забывались.

В ДРУГОЙ СПАЛЬНЕ

Когда Дэнни проснулся, гулкий звук все еще стоял у него в ушах, а пьяный, дикий и обиженный голос грубо кричал: *Выходи и прими лекарство! Я тебя найду! Я тебя проучу!*

Но сейчас единственным шумом был стук его бьющегося сердца, а единственным голосом, слышавшимся в ночи, был голос далекой полицейской сирены.

Он лежал, не шевелясь, и смотрел, как ветер колышет на потолке тени листьев. Они складывались в узоры, похожие на лианы в джунглях, на линии, вытканные на толстом ворсистом ковре. На нем была пижама, но между пижамой и кожей все тело облежала фуфайка пота.

— Тони? — прошептал он. — Это ты?

Нет ответа.

Он выскользнул из постели, молча прошлепал к окну и выглянул на Арапагоу-стрит, которая теперь совсем затихла. Минуту два часа ночи. На улице ничего не было, кроме пустынных тротуаров, засыпанных опавшими листьями, запаркованных машин и длинноногого фонаря на углу напротив бензоколонки Клиффа Брайса. Голова в капюшоне и неподвижный корпус делали фонарь похожим на чудовище из космических шоу.

Он осмотрел улицу, напрягая зрение, чтобы разглядеть Тони, неясного, манящего, но того нигде не было.

Ветер постанывал в деревьях, и опавшие листья шуршали по пустынной улице и вокруг колес машин. Это был тихий печальный звук, и мальчик подумал, что он, возможно, единственный во всем Боулдере сейчас не спит и слушает его. По крайней мере — единственный человек. Потому что как узнать, нет ли в ночи кого-то крадущегося, голодно вглядывающегося и принюхивающегося.

Я тебя найду! Я тебя прочу!

— Тони? — прошептал он снова, но без особой надежды.

Но только ветер ответил ему более сильным порывом, рассеявшим листья по покатым крышам. Некоторые из них соскользнули в канаву и замерли там, словно усталые танцоры.

Дэнни... Дэнни...

При звуке знакомого голоса он вздрогнул и высунулся из окна, опираясь ручками о подоконник. Едва зазвучал голос Тони, как вся ночь, казалось, наполнилась незаметной и тихой жизнью, ветер снова стих, но шепот остался, хотя листья не шелестели и тени стали неподвижны. Ему показалось, что он видит на автобусной остановке, в квартале от него, темную тень, но трудно было понять, действительно ли там что-то есть или это только кажется.

Не едь, Дэнни...

Когда снова налетел ветер, заставивший его зажмуриться, тень у автобусной остановки исчезла... если вообще там кто-то был. Он стоял у окна

(минуту? час?)

еще какое-то время, но больше никто не появлялся. Наконец он снова забрался в постель, натянул на себя одеяло и смотрел, как тени, отбрасываемые уличным фонарем, превращаются в извивающиеся джунгли, полные плотоядных растений, которые стремятся обвиться вокруг него, высосать из него жизнь и затянуть его в черную тьму, где алыми буквами сияло одно только слово:

РЕДРЭМ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РАЗЪЕЗД

Глава 8

ВИД НА «ОВЕРЛУК»

Мама беспокоилась.

Она боялась, что букашка не сможет одолеть все эти горные подъемы и спуски и они застрянут где-нибудь на дороге, и кто-нибудь врежется в них на полной скорости. Дэнни был настроен более оптимистично: если папа считал, что букашка справится с этим последним путешествием, то, вероятно, так оно и будет.

— Мы уже почти на месте, — сказал Джек.

Уэнди отбросила назад волосы: «Слава Богу».

Она сидела справа, открытый роман Виктории Холт лежал бумажной обложкой кверху у нее на коленях. Она была одета в синее платье, которое Дэнни нравилось больше других. У него был воротник, как у матроски, и в нем мама выглядела очень юной, как старшеклассница. Папа все время клал руку ей на ногу, а она каждый раз, смеясь, скидывала ее, приговаривая: «Кыш, муха».

Горы произвели на Дэнни большое впечатление. Однажды папа возил его в горы рядом с Боулдером, они назывались Утюгами, но эти горы были гораздо выше, а на самой высокой из них

виднелся замечательный снег, который, как сказал папа, держался там круглый год.

И на этот раз они были именно в горах, а не болтались вокруг них. Со всех сторон поднимались отвесные скалы, такие высокие, что их вершины едва можно было разглядеть, даже высунувшись из окна и задрав голову. Когда они выехали из Боулдера, было почти восемьдесят градусов. А сейчас, хотя полдень едва миновал, стало свежо и прохладно, как в ноябре в Вермонте, и папа включил печку... хотя она не слишком хорошо работала. Они проехали несколько знаков, на которых было написано ЗОНА КАМЕННЫХ ОБВАЛОВ (мама все их ему прочла), и хотя Дэнни с нетерпением ждал, когда обвалится какой-нибудь камень, этого так и не случилось. Во всяком случае, пока.

Полчаса назад они проехали еще один знак, который, как сказал папа, был очень важным. На знаке было написано ВЪЕЗД НА ПЕРЕВАЛ САЙДВИНДЕР, и папа сказал, что этот знак действует так далеко, как далеко смогут зимой добраться снеговые плуги. После этого дорога пойдет совсем круто. Зимой дорога закрыта от городка Сайдвиндер, который они проехали как раз перед этим знаком, и до самого Букланда, штат Юта.

Сейчас они проехали мимо еще одного знака.

— Мама, а этот про что?

— Здесь написано: МАЛОМОЩНОМУ ТРАНСПОРТУ РЕКОМЕНДУЕТСЯ ОБЪЕЗД ПО ПРАВОЙ ДОРОГЕ. Это про нас.

— Букашка справится, — сказал Дэнни.

— Тьфу-тьфу-тьфу, — сказала мама и сцепила пальцы, Дэнни посмотрел на ее ноги в открытых сандалиях и увидел, что она скрестила и их. Он хихикнул. Она ответила улыбкой, но он знал, что она все еще беспокоится.

Дорога петляла, извиваясь плавными S-образными кривыми, и Джек перевел переключатель с четвертой скорости на третью, потом — на вторую. Букашка протестовала и хрипло вздыхала, а взгляд Уэнди был прикован к стрелке спидометра, которая упала с тридцати на двадцать и там неохотно замерла.

— Бензонасос... — осторожно начала Уэнди.

— Он продержится еще мили три, — коротко ответил Джек.

Справа от них каменная стена исчезла, открыв вид на узкую долину, дно которой казалось бесконечно далеким. Ее склоны заросли темно-зелеными горными соснами и елями. Сосны спускались с серых скал, отвесные склоны которых тянулись еще на сотни футов. Она увидела, как с одного из них струится водопад, в котором солнце блестело, словно золотые рыбки в голубых сетях. Это были красивые, но жестокие горы. Она думала, что они не прощают ошибок. Тяжелые предчувствия охватили ее. Дальше на запад, в Сьерра-Невада, команда Доннера попала в снежные заносы и в борьбе за существование дошла до каннибализма. Горы не прощают ошибок.

Ударив по сцеплению, Джек рывком перешел на первую скорость, и они продолжали с трудом взбираться наверх, мотор букашки недовольно урчал.

— Знаешь,— сказала она.— Мы, кажется, и пяти машин не видели с тех пор, как проехали Сайдвиндер. И одна из них была гостиничным лимузином.

Джек кивнул:

— Он отвозит постояльцев прямо в аэропорт в Денвер. За отелем, по словам Уотсона, уже есть несколько ледяных языков, а на завтра обещают большой снегопад. И все, кто едет через горы, сейчас предпочитают держаться главных дорог, на всякий случай. Но лучше бы этот проклятый Ульман еще был наверху. Думаю, он еще там.

— Ты уверен, что в кладовой достаточно запасов? — спросила она, думая о Доннерах.

— Он так говорит. Он хотел, чтобы Хэллоранн все тебе показал. Хэллоранн — это повар.

— О,— прошептала она, глядя на спидометр. Стрелка упала с пятнадцати до десяти миль в час.

— Вон вершина,— сказал Джек, указывая на три ярда вперед.— Там живописный поворот, и оттуда уже виден «Оверлук». Я собираюсь съехать с дороги и дать букашке передохнуть.— Он перегнулся через плечо к Дэнни, сидевшему на куче одеял.— Как ты думаешь, док? Мы, может быть, увидим оленя. Или карибу.

— Конечно, папа.

«Фольксваген» полз все выше и выше. Спидометр показывал уже не больше пяти миль в час, мотор почти не тянул, когда Джек съехал с дороги.

(«Мама, а это что за знак? **ЖИВОПИСНЫЙ ПОВОРОТ**»,— покорно прочитала она.)

И поставил машину на ручной тормоз.

— Вылезайте, — сказал он и выбрался из автомобиля.

Они все вместе подошли к изгороди.

— Вот он, — сказал Джек и указал на юг.

Для Уэнди это было открытием истинного смысла избитого выражения: у нее дух захватило. Мгновение она вообще не могла вздохнуть; от зрелища занялось дыхание. Они стояли у вершины одного из пиков. Прямо перед ними — кто знает, как далеко? — к небу вздымалась еще более высокая гора, и ее зубчатая вершина была лишь силуэтом, окруженным ореолом заходящего солнца. Вся долина простиралась перед ними, склоны, по которым они с таким трудом взбирались на своей букашке, обрывались вниз столь отвесно, что она понимала, что, если смотреть на них слишком долго, может вырвать. Воображение, казалось, расцвело, не зная ограничений, и, глядя вниз, казалось, видишь себя, беспомощную, погружающуюся все ниже и ниже, небо и склоны сменяли друг друга в непрерывном коловращении, и из гортани рвется крик, как спущенный воздушный шар, а ваши волосы и платье полощутся на ветру...

Она резко, с усилием, отвела взгляд от скал и посмотрела туда, куда указывал Джек. Она увидела, как по похожему на собор пику взбирается, петляя, но неуклонно устремляясь к северо-западу, шоссе. Чуть дальше мрачные ползущие сосны расступились, давая место широкой зеленой лужайке, посреди которой, словно прилепившись на самом склоне, глядя сверху вниз

на все вокруг, стоял отель. Когда она увидела его, то снова обрела дар речи.

— О, Джек, это потрясающе!

— Да,— сказал он.— Ульман говорит, что более красивого места во всей Америке нет. Я ему не слишком доверяю, но думаю, что он... Дэнни! Дэнни, с тобой все в порядке?

Она обернулась к нему, и ее резкий страх за него заслонил все остальное, как бы дивно оно ни было. Она ринулась к сыну. Он вцепился ручками в решетку и смотрел вниз на гостиницу, его лицо стало землистого цвета. У него был отсутствующий взгляд человека, близкого к обмороку.

Она встала рядом с ним на колени и взяла за плечи.

— Дэнни, что...

Джек опустил рядом с ней.

— Ты в порядке, док?

Он резко встряхнул Дэнни, и его взгляд прояснился.

— Все в порядке, папа. Все хорошо.

— Что с тобой было, Дэнни? — спросила она.— У тебя закружилась голова?

— Нет, просто я... думал. Извините. Я не хотел вас пугать.

Он посмотрел на родителей, стоявших рядом на коленях, и растерянно улыбнулся.

— Может быть, это от солнца. Солнце попало мне в глаза.

— Мы отвезем тебя в гостиницу, там ты выпьешь воды,— сказал папа.

— Хорошо.

И, сидя в букашке, которая теперь более уверенно взбиралась вверх, так как уклон стал плавнее, он продолжал смотреть на уходившую вверх дорогу, время от времени бросая взгляды на отель «Оверлук», на его мощную стену с глядевшими на запад окнами, отражающими солнце. Это было то самое место, которое он видел в метель, то темное и гулко звучащее место, где пугающе знакомая фигура гналась за ним по длинным, застланным джунглями коридорам. То место, о котором предупреждал его Тони. Это здесь. Здесь. Чем бы ни было редрэм, оно было здесь.

ДЕНЬ ОТЪЕЗДА

Ульман ждал их сразу за широкими старомодными дверями. Он пожал руку Джеку и холодно кивнул Уэнди, может быть, заметив, как все обернулись, когда она — золотоволосая, одетая в простенькую матроску вошла в вестибюль. Край платья скромно поднимался всего на два дюйма над коленями, но этого было достаточно, чтобы понять, какие у нее красивые ноги.

Только по отношению к Дэнни Ульман повел себя по-настоящему радушно, но Уэнди уже сталкивалась с этим раньше. Дэнни был из тех детей, которые нравятся даже тем, кто терпеть не может малышей. Он слегка наклонился и протянул Дэнни руку. Дэнни официально пожал ее, не улыбнувшись.

— Это мой сын Дэнни, — сказал Джек. — И моя жена Уиннифред.

— Рад с вами познакомиться, — проговорил Ульман. — Сколько тебе лет, Дэнни?

— Пять, сэр.

— Уже *сэр*. — Ульман улыбнулся и взглянул на Джека. — Он хорошо воспитан.

— Конечно, хорошо, — ответил Джек.

— Миссис Торренс. — Он также слегка поклонился, и на мгновение Уэнди смутилась — ей показалось, что он сейчас поцелует ей руку. Она почти протянула ее, и он взял ее, но только на минуту, в обе свои руки. У него были маленькие, сухие и мягкие руки, и она догадалась, что он их пудрит.

В вестибюле кипела жизнь. Почти все старомодные клубные кресла были заняты. Рассыльные с чемоданами сновали туда-сюда, а к стойке портье, над которой возвышался огромный медный кассовый аппарат, стояла очередь. Устройства для кредитных карточек казались слишком современными для него.

Справа от них, рядом с парой высоких двойных дверей, которые были плотно закрыты и огорожены канатом, находился старомодный камин, в котором сейчас пылали березовые поленья. Три монахини сидели на софе, придвинутой почти к самому огню. Они болтали и смеялись в ожидании того, когда очередь к кассиру уменьшится. Их багаж стоял рядом. Когда Уэнди взглянула на них, они как раз рассмеялись, звонко, по-девичьи. Она почувствовала, что и ее губ коснулась улыбка; монахиням было за шестьдесят.

Постоянно слышался шум разговоров, приглушенное звяканье серебряного колокольчика рядом с кассовым аппаратом, когда один из дежурных клерков стучал по нему, слегка нетерпеливые крики «Вперед, пожалуйста». Это вызвало у нее сильные теплые воспоминания об их медовом месяце в Нью-Йорке, в Бикман Тауэр. И тут она впервые позволила себе поверить, что это как раз то, что было так нужно им троим: несколько месяцев, проведенных вдали от мира, что-то вроде семейного медового месяца. Она с любовью улыбнулась Дэнни, который без стеснения таращил на все глаза. Еще один лимузин, серый, как пиджак банкира, подъехал к дверям.

— Последний день сезона, — говорил

Ульман.— Заккрытие. Всегда много суеты. Я ждал вас ближе к трем, мистер Торренс.

— Я хотел дать машине фору, на случай срыва, если она вдруг закапризничает,— ответил Джек.— Но все обошлось.

— Очень рад,— сказал Ульман.— Чуть позже я хотел бы вам показать гостиницу, а Дик Хэллоранн, конечно же, захочет показать миссис Торренс кухню «Оверлука». Но, боюсь...

Один из клерков подошел, теребя волосы.

— Простите, мистер Ульман...

— Да? В чем дело?

— Миссис Брант,— неловко сказал клерк.— Она отказывается платить по счету чем-нибудь, кроме карточки «Америкэн Экспресс». Я сказал ей, что мы не принимаем карточки «Америкэн Экспресс» с конца прошлого сезона, но она...— Он перевел взгляд на семью Торренс, потом обратно на Ульмана. И пожал плечами.

— Я займусь этим.

— Благодарю вас, мистер Ульман.— Клерк вернулся за стойку, где громко протестовала мощная женщина, закутанная в шубу и во что-то еще, похожее на боа из черных перьев.

— Я езжу в «Оверлук» с пятьдесят пятого года,— говорила она улыбавшемуся и пожимавшему плечами клерку.— Я продолжала приезжать сюда даже после того, как мой муж умер от удара на площадке для игры в роук — я ведь ему говорила, что слишком жарко,— и я *никогда...* повторяю: *никогда...* не платила иначе, чем кредитной карточкой «Америкэн Экспресс». Вызывайте полицию, если хотите! Пусть они уведут меня силой! Но я все равно не стану платить иначе, чем карточкой «Америкэн Экспресс». Повторяю...

— Простите, — сказал Ульман.

Они наблюдали, как он прошел через вестибюль, почтительно тронул миссис Брант за локоть, как разводил руками, кивал и что-то отвечал. Миссис Брант с торжествующей улыбкой обернулась к несчастному клерку и громко заявила: «Слава Богу, хоть один служащий в этой гостинице не стал абсолютным филистером!»

Она позволила Ульману, доходившему ей едва до плеча, взять ее под руку и увести прочь, по-видимому, в свой кабинет.

— Уф! — улыбаясь, сказала Уэнди. — Этот прощелыга отработывает свою зарплату.

— Но ему не нравится эта леди, — тут же заметил Дэнни. — Он только делает вид, что она ему нравится.

Джек улыбнулся ему:

— Ты наверняка прав, док. Но лесть — это смазка для колес, движущих миром.

— Что такое лесть?

— Лесть, — сказала Уэнди, — это когда папа говорит, что ему нравятся мои желтые брюки, даже если это не так, или когда он говорит, что ему не нужно сбросить пять фунтов.

— А-а... Вранье для забавы?

— Что-то вроде этого.

Он пристально посмотрел на нее и сказал:

— Ты красивая, мама, — и смущенно нахмурился, когда они переглянулись и рассмеялись.

— На меня Ульман лесть особо не расходовал, — заметил Джек. — Подойдите-ка к окну, ребята. Мне не хочется стоять у всех на виду в моей бумажейной куртке. Честное слово, я не думал, что в день закрытия здесь будет так много народу. Выходит, я ошибся.

— Ты прекрасно смотришься,— сказала Уэнди, и они рассмеялись. Дэнни не все было ясно, но все было в порядке. Они любили друг друга. Дэнни казалось, что это место напоминает ей о чем-то еще

(о доме человека с клювом¹)

где она была счастлива. Ему хотелось, чтобы это место ему нравилось так же, как и ей, и он все повторял и повторял про себя, что не все, что показывает ему Тони, случается на самом деле. Он будет осторожен. Он будет остерегаться чего-то под названием Редрэм. И он ни о чем не станет рассказывать, если это не будет совсем необходимо. Потому что они были счастливы, они смеялись, и дурных мыслей не было.

— Посмотри, какой вид,— сказал Джек.

— Потрясающе! Дэнни, посмотри!

Но Дэнни он не показался особенно потрясающим. Он не любил высоту, от нее у него кружилась голова. За широкой верандой, окружавшей отель, спускалась к длинному прямоугольному бассейну красиво подстриженная лужайка. Знак «ЗАКРЫТО» был прикреплен к шесту с одной стороны бассейна, *закр*ыто было одним из тех слов, которые он умел читать сам, как и *Стоп*, *Выход*, *Пицца* и несколько других.

За бассейном среди маленьких сосенок, елочек и осин извивалась посыпанная гравием дорожка. Там стоял маленький знак, которого он раньше не видел: *РОУК*. Под ним была нарисована стрелка.

— Папа, а что такое Р-О-У-К?

¹ Игра слов: фамилия Бикман (Beekman) слышится ребенку как beak-man — «человек с клювом».

— Это такая игра, — ответил папа. — Похожа на крокет, только в нее играют не на траве, а на посыпанной гравием площадке с бортиками, как у бильярда. Это очень старая игра, Дэнни. Иногда здесь устраиваются соревнования.

— В нее играют крокетным молотком?

— Чем-то вроде него, — согласился Джек. — Только у него рукоятка короче, и у бойка две стороны — одна резиновая, а другая — деревянная.

(Выходи, маленькое дерьмо!)

— Если хочешь, я научу тебя играть, — продолжал папа.

— Может быть, — сказал Дэнни странным бесцветным голосом, заставившим его родителей удивленно переглянуться. — Хотя мне вряд ли понравится.

— Если тебе не понравится, можешь не играть. Хорошо?

— Конечно.

— Тебе нравятся зверушки? — спросила Уэнди. — Это называется топиарий. — По ту сторону дорожки, ведущей к *роуку*, были изгороди, подстриженные в форме разных животных. Своими острыми глазами Дэнни разглядел зайца, собаку, лошадь, корову и трех больших животных, похожих на резвящихся львов.

— Именно из-за этих зверей дядя Эл предложил мне эту работу, — сообщил Джек. — Он знал, что, когда я учился в колледже, я работал в ландшафтной компании. Они занимаются уходом за лужайками, кустарниками и изгородями. Я подстригал такой топиарий для одной леди.

Уэнди прыснула. Глядя на нее, Джек сказал:

— Да, я подстригал ее топиарий не реже раза в неделю.

— Кыш, муха, — сказала Уэнди и снова прыснула.

— У нее были красивые изгороди, папа? — спросил Дэнни, и тут оба они рассмеялись. Уэнди смеялась так, что слезы потекли у нее по щекам и ей пришлось достать из сумочки бумажную салфетку.

— Это были не звери, Дэнни, — сказал папа, когда снова овладел собой, — это были игральные карты. Пики, черви, трефы и бубны. Но, понимаешь ли, изгороди растут...

(Растет. Уотсон сказал... нет, не изгородь, а давление в котле. Ты должен следить за давлением или проснешься как-нибудь на луне.)

Они в недоумении посмотрели на него. Улыбка сошла с его лица.

— Папа? — спросил Дэнни.

Он моргнул, словно вернулся откуда-то издалека: «Они растут, Дэнни, и теряют форму. Так что мне придется их подстригать раз или два в неделю, пока не станет так холодно, что они сами перестанут расти».

— Да тут есть еще и площадка для игр, — сказала Уэнди. — Повезло тебе.

Площадка для игр находилась за топиарием. Две горки, с полдюжины качелей, подвешенных на разной высоте, канаты, тоннель из цементных обручей, песочница, и игрушечный домик — точная копия «Оверлука».

— Тебе нравится, Дэнни? — спросила Уэнди.

— Конечно, — сказал он, надеясь, что в голосе звучит больше интереса, чем он чувствовал на самом деле. — Она чистая.

Позади площадки для игр тянулась незаметная защитная изгородь, за ней — широкая, мощенная щебнем дорога вела к гостинице, а там уже начиналась долина, конец которой терялся в яркой голубизне послеполуденного неба. Дэнни не знал слова *изоляция*, но если бы кто-нибудь объяснил ему его смысл, оно бы поразило его. Далеко внизу, лежа на солнце, как длинная черная змея, решившая ненадолго вздремнуть, тянулась дорога, которая вела назад через Сайдвиндерский перевал, а там и в Боулдер. Дорога, которая будет перекрыта всю зиму. При этой мысли он начал задыхаться и чуть не подпрыгнул, когда папа опустил руку ему на плечо.

— Я постараюсь принести тебе попить поскорее, док. Но сейчас все слишком заняты.

— Конечно, папа.

Миссис Брант с торжествующим видом вышла из кабинета. Через несколько мгновений двое рассыльных, спотыкаясь, потащили, как могли, ее восемь чемоданов, а она прошествовала к двери. В окно Дэнни увидел, как человек в серой униформе и в фуражке, как у армейского капитана, подогнал к дверям длинную серую машину, приветственно приподнял фуражку и побежал открывать багажник.

И в одно из тех озарений, которые порой с ним случались, он уловил целую мысль, которая плавала у нее в мозгу над мешаниной эмоций и цветов, которые бывают обычно в людных местах.

(мне бы хотелось забраться к нему в штаны)

Нахмурившись, Дэнни смотрел, как рассыльные положили ее чемоданы в багажник. Она пристально смотрела на человека в серой уни-

форме, наблюдавшего за погрузкой. Зачем ей штаны этого человека? Ей что, холодно, даже в этой шубе? А если ей так холодно, почему же она не надела свои брюки? Его мама носила брюки почти всю зиму.

Человек в серой форме закрыл багажник и вернулся, чтобы помочь ей сесть в машину. Дэнни смотрел на них внимательно, чтобы понять, не скажет ли она чего-нибудь о штанах, но она только улыбнулась и дала ему доллар — на чай. И через минуту уже уехала.

Он подумал, не спросить ли маму, зачем миссис Брант штаны шофера, но не решился. Иногда вопросы приносят много проблем. С ним и раньше такое случалось.

И вместо этого он пристроился между ними на маленьком диванчике и стал смотреть, как люди расплачиваются у кассы. Он был рад, что его папа и мама счастливы и любят друг друга, но он все равно немного беспокоился. И ничего не мог с собой поделать.

ХЭЛЛОРАНН

Внешне повар никак не соответствовал представлениям Уэнди о хозяине изысканной кухни курортного отеля. Начать с того, что личность, называемая «шеф-повар», не должна иметь ничего общего с приземленным понятием ежедневной готовки — для Уэнди это ограничивалось возней на кухне, когда она обычно перемешивала в тяжелой глубокой кастрюле из огнеупорного стекла все остатки и засыпала туда лапшу. Помимо этого, чародей, колдующий в ресторане отеля «Оверлук», который помещает свои рецепты на страницах воскресных выпусков «Нью-Йорк таймс», должен быть маленьким, кругленьким, пухленьким (почти как «мальчуган-сладкоежка» с рекламы кондитерских полуфабрикатов). Он должен иметь тоненькую ниточку усов, как у эстрадной звезды 40-х годов, черные глаза, обязательно французский акцент и скверный характер.

Из всего этого у Хэллоранна имелись только черные глаза. Это был высокий негр с умеренно пышной шевелюрой, которая уже начала седеть. Он говорил с легким южным акцентом, широко улыбаясь и демонстрируя великолепные, отменно белые зубы, напомнившие Уэнди зубные протезы фирмы «Сиэрс энд Робак» образца 1950 года, с которыми иногда баловался ее отец, украшая ими накрытый к ужину стол. Уэнди вспоминала, что отец проделывал это, когда мать выходила на кухню или к телефону.

Дэнни заворуженно смотрел на черного великана в голубом костюме и улыбнулся, когда Хэллоранн легко подхватил его на руки и сказал:

— Ты ведь не собираешься торчать здесь всю зиму?

— Собираюсь,— застенчиво улыбнулся Дэнни.

— Нет, ты же едешь со мной в Сент-Питс, будешь учиться готовить по-настоящему и каждый Божий день ловить на берегу крабов, верно?

Дэнни весело захихикал и отрицательно покачал головой. Хэллоранн опустил его на пол.

— Если ты все же передумаешь,— серьезно проговорил Хэллоранн, наклонившись к нему,— то делай это побыстрее. Через тридцать минут я должен сидеть в своей машине. Два с половиной часа спустя я уже буду находиться перед воротами 32 в зале «В» в международном аэропорту «Стэплтон» в городе Денвер в штате Колорадо, который расположен на высоте одной мили над уровнем моря. А еще через три часа после этого я найму машину в аэропорту Майами и двинусь в солнечный Сент-Питс, облачусь в пляжный костюм и с улыбкой буду вспоминать всех занесенных снегом людей. Ты понял, мой мальчик?

— Да, сэр,— улыбнулся Дэнни. Хэллоранн повернулся к Джеку и Уэнди.

— Похоже, сюда приехал славный парень.

— Мы надеемся, что ему здесь понравится,— сказал Джек, протягивая руку. Хэллоранн пожал ее.

— Я Джек Торренс, это моя жена Уиннифред. С Дэнни вы уже познакомились.

— И с огромным удовольствием. Вы Уинни или Фредди, мадам?

— Я Уэнди, — с улыбкой ответила она.

— Отлично. Лучший вариант, мне кажется. Сюда, пожалуйста. Мистер Ульман хотел, чтобы вы все осмотрели, и мы это сделаем. — Он покачал головой и со вздохом добавил: — Надеюсь, я его видел в последний раз.

Осмотр Хэллоранн начал с кухни — самой огромной кухни, которую когда-либо видела Уэнди. Все сияло безукоризненной чистотой. Поверхности и покрытия были надраены до блеска. Размеры кухни оказались просто устрашающими. Уэнди шагала рядом с Хэллоранном, а Джек, чувствовавший себя не в своей тарелке, держался вместе с Дэнни чуть позади. Вдоль стены тянулась деревянная панель, на которой располагались всевозможные режущие инструменты — от маленьких ножичков до огромных ножей. Внизу находилась мойка с четырьмя емкостями. Доска для резки хлеба была размером с кухонный стол в их квартире. Великое множество кастрюль, мисок, сковородок закрывало одну из стен полностью — от пола до потолка.

— Мне кажется, всякий раз здесь будет оставаться куча хлебных крошек, — заметила Уэнди.

— Пусть это вас не расстраивает, — сказал Хэллоранн. — Хоть она и большая, но это всего лишь кухня. Большинство предметов вам здесь даже не понадобится. Поддерживайте чистоту — вот все, о чем я прошу вас. Я рекомендовал

бы пользоваться вот этой плитой. Вообще их три, но эта — самая маленькая.

«Самая маленькая», — мрачно подумала Уэнди, оглядывая плиту. Двенадцать горелок, две духовки, гриль, на разных уровнях разная температура — для соусов, для бланширования, для запекания — да еще тысячи ручек, кнопок, индикаторов.

— Все на газе, — сказал Хэллоранн. — Вы когда-нибудь пользовались газовой плитой, Уэнди?

— Да...

— Мне нравится газ. — Он включил одну из горелок. Пламя вспыхнуло, и он легким движением уменьшил его до слабого мерцания. — Я люблю, когда видно огонь, на котором готовишь. Видите, где расположены переключатели?

— Да.

— Вот эти — для духовки, все с указателями. Сам я обычно пользуюсь средней, она дает самый сильный жар, но вы можете выбрать любую или все сразу.

— И в каждой обед, как в кулинарном телешоу, — усмехнулась Уэнди.

Хэллоранн расхохотался.

— В таком случае, действуйте! Вот здесь, возле раковины, я оставил список съестных припасов.

— Вот он, мама! — Дэнни принес два листа бумаги, исписанных с двух сторон убористым почерком.

— Умница, — сказал Хэллоранн, взяв их у Дэнни и потрепав мальчика по голове. — Ты уверен, что не хочешь поехать со мной во Фло-

риду, мой мальчик? Научишься готовить сладкие креветки по-креольски — райская пища!

Дэнни тихонько засмеялся, прикрыв ладошкой рот, и подвинулся к отцу.

— Друзья мои, всем этим вы втроем сможете питаться целый год, — говорил Хэллоранн. — У нас имеются холодные кладовые, огромный морозильник, в котором можно гулять, несколько бункеров для овощей и несколько холодильников. Пойдемте, я вам все покажу.

Следующие десять минут Хэллоранн открывал двери, дверцы, задвижки, за которыми хранилось столько провизии, сколько Уэнди не видела никогда. Запасы еды успокоили ее, но не настолько, чтобы забыть историю про «Вечеринку у Доннеров», конечно, не в связи с каннибализмом (такое количество продуктов долго позволит не опускаться до строгой диеты в виде поедания друг друга), просто стало очевидно, какое серьезное им предстоит испытание: снежные заносы сделают их затворниками, выбраться отсюда станет целой проблемой. Они будут сидеть в огромном пустом отеле, есть-пить и, совсем как в страшной сказке, слушать завывания вьюги и ветра. В Вермонте, когда Дэнни сломал руку

(когда *Джек* сломал Дэнни руку),

она вызвала «Скорую помощь» по телефону. И врачи приехали через десять минут. Полиция приехала бы через пять минут, а пожарные и того раньше, потому что пожарная часть в двух шагах от их дома. Запросто можно было вызвать электрика, если случались нелады со светом, сантехника — если ломался душ, телемасте-

ра — когда замолкал телевизор. А как быть здесь, если с Дэнни опять случится этот приступ, когда у него нарушается речь, перехватывает дыхание, западает язык?

(О Боже, что в голову лезет!)

А что, если вспыхнет пожар? Если Джек упадет с лестницы и разобьет голову? А что, если?..

(...а что, если мы славно здесь проживем, все, хватит, Уиннифред!)

Хэллоранн сначала продемонстрировал им гигантский морозильник, размером с комнату, где изо рта клубами валил пар и казалось, что зима уже наступила.

Гамбургеры в больших пластиковых упаковках, по десять фунтов в каждой, всего двенадцать пакетов. Сорок тушек замороженных цыплят на специально укрепленных крючках. Банки с консервированной ветчиной дюжинами громоздились, как жетоны на покерном столике. Рядом с цыплятами красовались филейные куски говядины и свинины и огромная баранья нога.

— Любишь жареного барашка, док? — широко улыбаясь, спросил Хэллоранн.

— Люблю, — быстро ответил Дэнни. Он никогда не ел жареного барашка.

— Я так и думал. В долгий зимний вечер ничто не сравнится с двумя хорошими ломтями баранины, да еще поданными с капелькой мятного соуса-желе. Мятное желе тоже имеется. Наш желудок благоволит к баранине, это мясо из разряда удобоваримых.

Джек с интересом спросил:

— Откуда вы узнали, что мы зовем его док?

Хэллоранн повернулся к нему:

— Простите?

— Дэнни. Мы иногда называем его док. Как в мультфильмах про зайца Багз Банни.

— Значит, он выглядит, как док, а? — Он строил Дэнни смешную гримасу, причмокнул губами. — Э-э-эй, ну как, док?

Дэнни захихикал, и тут Хэллоранн сказал ему что-то

(Ты уверен, что не хочешь поехать со мной во Флориду, док?)

очень четко и ясно. Дэнни слышал каждое слово. Он посмотрел на Хэллоранна удивленно и немного испуганно. Хэллоранн молча подмигнул ему и снова повернулся к съестным припасам. Уэнди переводила взгляд с широкой спины шеф-повара на своего сына. Ее охватило странное чувство, будто между ними что-то произошло, но что именно, ей было непонятно.

— В вашем распоряжении двенадцать упаковок сосисок и двенадцать упаковок бекона, — говорил между тем Хэллоранн. — Хватит любому обжоре. А вот здесь двадцать фунтов сливочного масла.

— Настоящего масла? — спросил Джек.

— Высший класс.

— Кажется, настоящего масла я не ел со времен своего детства в Берлине в штате Нью-Гэмпшир.

— Ну, здесь вы сможете им наесться, пока это не станет для вас пыткой, — рассмеялся Хэллоранн. — А вот в этом контейнере хлеб ваш настоящий. Тридцать батонов белого, двадцать — черного. Вы ведь, наверное, знаете, что

мы в нашем отеле стараемся соблюдать расовый баланс. Конечно, пятидесяти батонов вам не хватит, но у нас много полуфабрикатов, в том числе и замороженных, так что свежая выпечка у вас всегда будет. А здесь хранилище рыбных запасов. Пища для мозгов, так, док?

— Это правда, мама?

— Если мистер Хэллоранн так говорит, значит, правда, милый,— улыбнулась Уэнди.

Дэнни сморщил нос.

— Я рыбу не люблю.

— Ты страшно ошибаешься,— сказал Хэллоранн.— Просто тебе еще не встретилась рыба, которая полюбила бы тебя. А нашим рыбам ты очень понравишься. Пять фунтов радужной форели, десять фунтов палтуса, пятнадцать банок консервированного тунца...

— О! Тунца я люблю!

— ...и пять фунтов самой сладкой камбалы, которая когда-либо плавала в море. Мальчик мой, когда придет весна, ты поблаговаришь старого...— он прищелкнул пальцами, словно что-то вспоминая.— Ну, как меня зовут? Что-то я вдруг позабыл.

— Мистер Хэллоранн,— просяяв, подсказал Дэнни.— А для друзей — Дик.

— Точно. И ты как мой друг можешь называть меня Диком.

Он увлек их в дальний угол, Уэнди и Джек тем временем удивленно переглянулись, пытаясь вспомнить, когда же Хэллоранн успел назвать им свое имя.

— А вот это специально для вас,— произнес

Хэллоранн.— Надеюсь, друзья мои, вам это понравится.

— Ой, ну что вы. Не стоило беспокоиться,— растроганно сказала Уэнди. Это была двадцатифунтовая индейка, перевязанная алой лентой и украшенная бантом.

— На День Благодарения должна быть индейка, Уэнди,— серьезно ответил Хэллоранн.— Думаю, найдется и молодой петушок для рождественского стола. Надеюсь, с этим у вас проблем не будет. Ну, пойдем отсюда, пока мы все тут не простудились. Верно, док?

— Верно!

В холодной бакалейной кладовой тоже было немало чудес. Сотни коробок с сухим молоком (Хэллоранн серьезно советовал Уэнди покупать свежее молоко как можно дольше, сколько погода позволит), пять пятифунтовых мешков сахара, целый галлон патоки, хрустящие хлопья к завтраку, банки с рисом, макаронами, вермишелью; батареи банок с фруктами и компотами; ящик свежих яблок наполнял помещение запахом осени; изюм, курага, чернослив («Регулярное питание — залог здоровья и счастья», — заявил Хэллоранн и огласил хохотом кладовку, где под потолком на цепи висела старинная круглая лампа); глубокий бункер для картофеля и поменьше — для помидоров, лука, репы, кабачков и капусты.

— Ну, скажу я вам, — произнесла Уэнди, когда они вышли. Все эти запасы после их тридцатидолларового недельного бюджета настолько ошеломили ее, что она так и не смогла сказать что-нибудь более вразумительное.

— Мне надо поторапливаться,— заметил Хэллоранн, посмотрев на часы,— так что я на ходу покажу вам шкафы и маленькие холодильники. Там у нас сыры, консервированное молоко, дрожжи, сода, печенье, несколько связок бананов, которые еще и не думают созреть.

— Довольно,— засмеявшись, подняла руку Уэнди.— Я всего этого не запомню. Это уж слишком. Обещаю вам следить за чистотой.

— Это все, о чем я прошу.— Он повернулся к Джеку.— Мистер Ульман изложил вам «принципы борьбы с крысами» в башне?

Джек ухмыльнулся.

— Он сказал, что крысы могут быть на чердаке, а мистер Уотсон уверил, что и в подвале они встречаются. Там внизу, похоже, тонны две бумаги, но я не заметил изгрызенной и порванной, как бывает, когда крысы устраивают себе гнезда.

— Ох, уж этот Уотсон,— с притворной грустью покачал головой Хэллоранн.— Вам не кажется, что это человек, который говорит самые безнадежные глупости?

— Да, он большой оригинал,— согласился Джек. Самые безнадежные глупости всегда говорил отец Джека.

— Вообще это грустная история,— сказал Хэллоранн, подходя к распашным дверям, ведущим в большую столовую отеля.— В этой семье когда-то водились деньги. И то ли прадед, то ли прапрадед Уотсона, не помню точно кто, построил это заведение.

— Да, так и мне говорили,— заметил Джек.

— А что произошло? — спросила Уэнди.

— В общем, дело у них так и не пошло. Уотсон расскажет вам все подробности и будет делать это дважды в день, если вы его не остановите. Его предок просто помешался на этом отеле. Мне кажется, это место погубило его. У него были два парня, один погиб в автокатастрофе, когда строительство еще не закончилось. В 1908 или 1909 году. Жена старика скончалась от горячки, остался он сам да младший сын. Так они и жили, словно смотрители, в отеле, который старик сам и строил.

— Как грустно, — сказала Уэнди.

— А что случилось с этим прадедом? — поинтересовался Джек.

— Он случайно попал пальцем в электрическую розетку — вот такой нелепый конец, — сказал Хэллоранн. — Это случилось где-то в начале тридцатых, до того, как Великая депрессия закрыла отель на целых десять лет. В любом случае, Джек, я буду признателен вам, если вы проследите, чтобы крысы не забрались на кухню. А если вы их заметите, то используйте ловушки, а не яд.

— Конечно, — кивнул Джек. — Кому же придет в голову изводить крыс на кухне с помощью яда?

— Как кому? Мистеру Ульману, вот кому! — рассмеялся Хэллоранн. — Эта гениальная идея осенила его в прошлом году. Но мне удалось его переубедить. Я сказал ему: «Вот соберемся мы все здесь, мистер Ульман, на следующий год в мае, и приготовлю я первый традиционный обед — скажем, это будет лосось с замечательным соусом — и все, как один, отравим-

ся. Приедет врач и спросит: «Что же вы тут устроили, Ульман? Восемьдесят самых богатых ребят во всей Америке занедужили от крысиного яда!»

Запрокинув голову, Джек весело рассмеялся: — И что же сказал на это Ульман?

Хэллоранн надул щеки и, еле ворочая языком, как будто у него полный рот еды, прошептал:

— Поставьте несколько ловушек, Хэллоранн.

На этот раз они расхохотались все вместе, даже Дэнни, хотя он не совсем понял смысл шутки, за исключением того, что речь шла о мистере Ульмане и что тот никуда не годится.

Все четверо пересекли столовую, пустую и гулкую, из которой открывался великолепный вид на снежные вершины гор. Льняные скатерти на всех столах были прикрыты прозрачной пленкой. Ковер, свернутый теперь на всю зиму, стоял в углу, как часовой на посту.

Двойные двери на противоположной стене сверху были украшены позолоченной витиеватой надписью «Колорадо-холл». Перехватив взгляд Джека, Хэллоранн заметил:

— Если вы употребляете спиртное, то, наверное, неплохо запаслись. Здесь все выметено подчистую. Накануне у нас была прощальная вечеринка. Такие дела, знаете ли. Каждый коридорный, каждая горничная сегодня маются головной болью. И я тоже.

— Я не пью, — коротко ответил Джек. Они вернулись в вестибюль.

Он заметно опустел за те полчаса, что они провели в кухне. Главный зал тоже принял спокойный вид, к которому, как подумал Джек, он скоро совсем привыкнет. Все массивные кресла пустовали. Уже не было двух монахинь, сидевших у огня, да и сам огонь едва мерцал над угольями. Уэнди посмотрела на улицу: на стоянке оставалось не больше дюжины машин.

Вдруг ей ужасно захотелось, чтобы они вернулись в Боулдер... или еще куда-нибудь.

Джек оглянулся в поисках Ульмана, но в вестибюле того не оказалось.

Молоденькая горничная с заколотыми на затылке пепельными волосами подошла к ним:

— Ваш багаж уже на крыльце, Дик.

— Спасибо, Сэлли.— Он легонько поцеловал ее в лоб.— Надеюсь, ты хорошо проведешь зиму. Слышал, ты выходишь замуж.

Она удалилась, вызываяще покачивая бедрами. Хэллоранн повернулся к Торренсам.

— Надо спешить, а то я точно опоздаю на самолет. Хочется напоследок пожелать вам всего хорошего. Надеюсь, все будет отлично.

— Спасибо,— сказал Джек.— Вы были очень добры.

— Я хорошенько присмотрю за вашим хозяйством,— еще раз пообещала Уэнди.— Счастливого вам отдохнуть во Флориде.

— А как же иначе,— сказал Хэллоранн. Упершись руками в колени, он наклонился к Дэнни.— У тебя последний шанс, дружок. Хочешь со мной во Флориду?

— Пожалуй, нет,— улыбнулся Дэнни.

— О'кей. А вещи в машину поможешь погрузить?

— Если мама разрешит...

— Конечно,— сказала Уэнди.— Только надо застегнуть куртку.— Она наклонилась к сыну, но Хэллоранн опередил ее. Его большие темные пальцы ловко справились с пуговицами на куртке мальчика.

— Я его сразу отправлю обратно,— пообещал Хэллоранн.

— Отлично,— сказала Уэнди, провожая их к дверям. Джек все высматривал Ульмана. Последние постояльцы отеля «Оверлук» сдавали ключи.

СВЕЧЕНИЕ

На крыльце красовались четыре чемодана. Три из них — огромные, выдавшие виды старые саквояжи, отделанные искусственной крокодиловой кожей черного цвета. Последний оказался громадной сумкой из выцветшей шотландки на «молнии».

— Вот эта будет тебе по силам, а? — спросил его Хэллоранн. Он поднял два своих чемодана, третий пристроил под мышкой.

— Конечно, — сказал Дэнни. Он решительно схватил сумку двумя руками и двинулся по лестнице вслед за поваром, стараясь не закричать и не показать, как ему тяжело.

Резкий порывистый осенний ветер поднялся еще до их приезда; сейчас он пронизывал стоянку вдоль и поперек, заставив Дэнни сильно сощуриться. Он тащил свою ношу впереди себя обеими руками, поддавая ее коленками при каждом шаге. Под ногами попадались одинокие осинового листочки, они хрустели, шуршали, и в какой-то миг Дэнни вдруг вспомнил, как недавно ночью он очнулся от кошмарного сна и услышал — или ему показалось, что он услышал, — как Тони просил его никуда не ездить.

Хэллоранн поставил свои чемоданы около багажника бежевого «плимута».

— Разве это автомобиль, — доверительно сообщил он Дэнни, — такие только напрокат можно брать. Моя старушка в других краях. Вот это действительно машина. «Кадиллак» 1950 года выпуска, а как бежит! Такую поискать, я вам доложу. Я держу ее во Флориде, все-таки она

слишком стара, чтобы карабкаться по горам. Тебе помочь с этой штуковиной?

— Нет, сэр,— сказал Дэнни. Он-таки протащил сумку последние десять-двенадцать шагов без стонов и кряхтения и опустил ее на землю с превеликим облегчением.

— Молодец,— сказал Хэллоранн.

Он вытащил из кармана своего голубого костюма огромную связку ключей и отпер багажник. Укладывая чемоданы, он произнес:

— От тебя, парень, исходит свечение. Больше, чем от кого-либо, с кем я встречался. А мне в январе будет уже шестьдесят.

— А?

— У тебя дар,— повернулся к нему Хэллоранн.— Я называю это свечением. И моя бабушка так это называла. И обладала этим даром. Когда я был мальчишкой твоих лет, мы любили, сидя на кухне, подолгу разговаривать, не открывая рта.

— Правда?

Хэллоранн улыбался, глядя на лицо мальчика, на его приоткрытый от удивления рот, горевшие жадным любопытством глаза.

— Залезай в машину, посидим немного. Надо поговорить.— Он захлопнул багажник.

Из вестибюля Уэнди Торренс наблюдала, как ее сын уселся рядом с Хэллоранном на переднее сиденье. Внезапно ее охватил ужас, и она уже открыла рот, чтобы позвать Джека и сообщить ему, что Хэллоранн отнюдь не шутил с их сыном насчет Флориды — налицо похищение. Но они просто сидели в машине. Она с трудом различала маленькую головку своего сына, повернутую в сторону Хэллоранна. Даже с такого расстояния она узнала особый поворот его головы,

ту позу, в которой Дэнни смотрел телевизор, если там его что-нибудь особенно интересовало, или когда они с отцом играли в карты. Джек, который все искал Ульмана, ничего не заметил. Уэнди молчала, с тревогой глядя на автомобиль Хэллоранна, и гадала, о чем таком они могут говорить, если Дэнни так задрал голову.

В машине шел такой разговор.

— Бывает тебе одиноко, как будто ты один на всем белом свете?

Дэнни кивнул — ему иногда бывало и страшно, и одиноко.

— Вы других таких не встречали? — спросил он.

— Встречал, встречал, малыш, — засмеялся Хэллоранн. — Но ты светишься ярче других.

— Их много, этих других?

— Нет, — ответил Хэллоранн, — но они встречаются. Некоторые лишь поблескивают, даже не подозревая об этом. Правда, они твердо знают, когда ублажить цветами недомогающую жену; они сдают экзамены, даже не заглядывая толком в учебник; чувствуют настроение человека, вошедшего в комнату. Таких я встречал пятьдесят, ну шестьдесят человек. Но знали секрет своего свечения человек двенадцать, не больше, включая мою бабушку.

— Ого! — сказал Дэнни и задумался. — А вы знаете миссис Брант?

— Ее-то? — презрительно скривился Хэллоранн. — Нет у нее никакого дара. Она может только отсылать свой ужин обратно на кухню по два-три раза за вечер.

— Я знаю, что у нее ничего нет, — сказал Дэнни серьезно. — А вы знаете того человека в серой форме, который подгоняет машины?

— Майка? Конечно, знаю. А что?

— Мистер Хэллоранн, а почему она хочет его штаны?

— О чем это ты, мой мальчик?

— Ну, когда она его видит, она всегда думает, как было бы хорошо надеть его штаны, вот я и думаю, почему...

Он не закончил. Хэллоранн запрокинул голову, и раздался его громкий, оглушительный, как канонада, хохот. Сиденья просто сотрясались от его смеха... Дэнни озадаченно улыбнулся. Наконец взрыв хохота начал стихать. Хэллоранн извлек из нагрудного кармана шелковый носовой платок, словно белый флаг побежденного, и вытер им слезящиеся от смеха глаза.

— Дружок,— сказал он, немного отдышавшись,— к десяти годам ты узнаешь все, что положено, узнаешь о человеке, о его устройстве. Даже не знаю, завидовать тебе или нет.

— Но миссис Брант...

— Выкини ее из головы,— сказал он,— и у мамы, пожалуйста, ничего не спрашивай. Она только расстроится, понимаешь?

— Да, сэр,— сказал Дэнни. Он все прекрасно понял. Бывало, что он действительно расстраивал маму такими вопросами.

— Эта миссис Брант — просто грязная беспокойная старуха, вот все, что тебе следует знать.— Он внимательно посмотрел на Дэнни.— Сильный у тебя дар, док?

— А?

— Сделай так, чтобы я почувствовал твою силу. Думай обо мне. Я хочу узнать, действительно ли ты силен так, как мне кажется.

— О чем мне думать?

— О чем угодно. Только думай сильно.

— О'кей,— сказал Дэнни. На мгновение он сосредоточился, собрался с мыслями и выплеснул свою энергию на Хэллоранна. Впервые в жизни он делал это намеренно. В последний момент, повинувшись какому-то шестому чувству, Дэнни понял, что надо ослабить напор — он не хотел причинить вреда мистеру Хэллоранну. И все равно мысль его вырвалась с такой бешеной энергией, какую он даже не мог себе представить. Это было, словно великий Нолан Райан нанес удар своей бейсбольной битой.

(Только бы не навредить ему!)

А мысль летела такая:

!!!ПРИВЕТ, ДИК!!!

Хэллоранн вздрогнул и отпрянул, зубы его сжались, на нижней губе показалась капелька крови. Руки непроизвольно дернулись от колен к груди, затем обратно. Веки начали легонько подрагивать. Он был словно в бессознательном состоянии, и Дэнни испугался.

— Мистер Хэллоранн! Дик! Что с вами?

— Не знаю,— слабо улыбнулся Хэллоранн.— Ей-Богу, не знаю. О небо! Ты палишь, как из пистолета, дружок!

— Простите меня,— обеспокоенно сказал Дэнни.— Может, сбегать за папой? Я мигом его позову!

— Не надо, мне вроде полегчало. Спасибо, Денни. Посиди еще немного. Просто в голове шумит, и все.

— Все-таки я не изо всех сил думал,— смутился Дэнни.— В последнюю минуту я испугался.

— Похоже, мне повезло, а то мозги полезли бы из ушей.— Он посмотрел на встревоженное

лицо Дэнни и улыбнулся. — Все в порядке. А что ты чувствовал?

— Мне казалось, что я был, как Нолан Райан в момент броска, — четко ответил Дэнни.

— Любишь бейсбол? — Хэллоранн осторожно массировал виски.

— Мы с папой любим команду «Энджелс», — сказал Дэнни, — «Рэд сокс» из Американской Восточной лиги и «Энджелс» из Западной. Мы видели игру «Рэд сокс» против команды Цинциннати в розыгрыше Мировой серии. Я тогда был маленький. А папа был... — Лицо мальчика потемнело и нахмурилось.

— А что папа, Дэн?

— Я забыл, — сказал Дэнни. Он хотел пососать свой большой палец, но застеснялся этой детской привычки и снова опустил руки на колени.

— А ты можешь узнать, что думают твои мама и папа, Дэнни? — Хэллоранн внимательно смотрел на него.

— Почти всегда, если захочу. Но обычно я даже не пытаюсь.

— Почему?

— Ну... — на минуту Дэнни запнулся. — Это ведь, как подсматривать в спальне, когда они занимаются тем, от чего бывают дети. Вы знаете про это?

— Да, мне приходилось с этим встречаться, — серьезно ответил Хэллоранн.

— Им это не понравится. Если я буду подсматривать их мысли, им это тоже не понравится. Это некрасиво...

— Ясно.

— Но я знаю, что они чувствуют, — продолжал Дэнни. — Я с этим ничего не могу поделать.

Я и про вас знаю, что вы чувствуете. Вот только что я сделал вам больно. Простите меня.

— Ничего, просто голова разболелась. Я бывал в переделках и похуже. Дэнни, а ты можешь читать мысли других людей?

— Я пока еще вообще не умею читать, только отдельные слова. Этой зимой папа собирается научить меня. Папа учил детей читать и писать в большой школе. В основном — писать, но и чтением он тоже занимался.

— А ты можешь рассказать, что думают другие?

Дэнни задумался.

— Могу, если они думают «громко», — наконец сказал он. — Как миссис Брант думала про штаны. Или однажды мы с мамой были в большом магазине, покупали мне ботинки, и там был один мальчишка, он все разглядывал радиоприемники и думал, как бы стащить один. Потом он подумал, а вдруг поймают? Потом — так мне хочется, потом опять — вдруг поймают? Он так распсиховался, что мне стало противно. Мама разговаривала с продавцом, а я подошел к тому мальчишке и сказал: «Не надо брать радиоприемник, уходи». Он жутко испугался. И сразу убежал.

Губы Хэллоранна растянулись в улыбке.

— Еще бы. А что ты еще можешь, Дэнни? Мысли, чувства, а еще? — осторожно спросил он. — Иногда... Не так уж часто, иногда бывают видения, сны... Ты видишь сны, Дэнни?

— Иногда. Я сны вижу, когда не сплю. Когда приходит Тони. — Большой палец Дэнни опять захотел забраться к нему в рот. Никому, кроме мамы и папы, Дэнни не рассказывал про Тони. Руку он опять положил на колени.

— Кто это Тони?

Вдруг Дэнни ощутил одну из тех вспышек, то озарение, когда все становилось ему ясно, и что всегда так пугало его. Этот уму непостижимый проблеск мог быть спасением, а мог быть смертельной опасностью. Он был слишком мал, чтобы разобраться в этом.

— Что случилось? — закричал он. — Вы спрашиваете все это, потому что вы встревожены, да? Почему вы так обо мне беспокоитесь? Что вы так беспокоитесь о нас?

Большие темные руки обняли плечи мальчика.

— Перестань, — сказал он. — Может, ничего и нет. Но если что-то есть... В твоей головке, Дэнни, огромная сила. Но тебе еще придется подрасти, прежде чем ты научишься с ней управляться. Но бояться не надо.

— Я не понимаю, что происходит! — взорвался Дэнни. — Понимаю и не понимаю. Люди — они что-то ощущают, я это знаю, чувствую, но что я чувствую, я не знаю. — Он удрученно посмотрел на коленки. — Вот умел бы я читать. Иногда Тони показывает мне знаки, буквы, но я почти ничего не разбираю.

— Кто такой Тони? — снова спросил Хэлло-ранн.

— Мама с папой называют его моим «невидимым другом», — четко выговаривая слова, сказал Дэнни. — Но вообще-то он самый настоящий. По крайней мере, я так думаю. Когда я сильно стараюсь понять что-нибудь, он иногда приходит. И говорит: «Дэнни, я хочу тебе кое-что показать». И я как бы исчезаю, теряю сознание, что ли. Остаются только сны, видения, как вы сказали. — Он сглотнул. — Обычно они при-

ятные. Но сейчас... Я не помню, как называются сны, от которых плачешь от страха?

— Кошмары? — подсказал Хэллоранн.

— Да. Верно. Кошмары.

— Кошмарные сны об этом месте? Об этом отеле?

Дэнни опять взглянул на свой большой палец.

— Да, — прошептал он. И заговорил дрожащим голосом, глядя Хэллоранну прямо в лицо: — Но я не могу сказать об этом папе, и вы тоже не можете. Ему надо было получить это место, потому что дядя Эл больше ничего не мог для него сделать, а ему надо закончить пьесу, а то ему опять будет ПЛОХО, я знаю, что это такое, это когда он напивается, всегда напивается, а это ПЛОХО. — Он замолчал, готовый рыдаться.

— Ш-ш-ш, — Хэллоранн привлек Дэнни к себе. Грубая ткань его пиджака немного пахла нафталином. — Все правильно, сынок. А если твой большой палец любит сидеть во рту, пусть сидит. — Лицо его было встревожено. — То, что с тобой происходит, я называю свечением, в Библии это зовется озарением, ясновидением, ученые говорят: дар предвидения, предсказания. Я читал об этом, специально интересовался. Все хотят узнать будущее, понимаешь?

Не отрываясь от плеча Хэллоранна, Дэнни покачал головой.

— Я вспоминаю самое сильное озарение, которое я испытал, — продолжал Хэллоранн. — Я просто не имею права забыть об этом. Был 1955 год. Я еще служил в армии, в войсках, находившихся в Западной Германии. Дело было перед ужином. Я бранил одного из молодых солдати-

ков за то, что он срезает слишком много картошки вместе с кожурой. Я сказал: «Ну-ка дай я покажу тебе, как это делается». Он передал мне картофелину, нож, и тут вся кухня исчезла. Бах — и нет. Ты говоришь, перед видением у тебя всегда появляется Тони?

Дэнни кивнул. Хэллоранн приобнял мальчика.

— А я всегда слышу запах апельсинов. В тот день этот запах преследовал меня с утра, но я не обращал внимания. Мы тогда получили сразу несколько ящиков из Испании, и запах этот преследовал всех и каждого.

Какое-то время я был как бы без сознания, потом услышал взрывы, грохот, увидел пламя. Кричали люди. Выли сирены. Было еще такое шипение, как от вырывающегося пара. Тут картина как бы стала четче, ближе, и я увидел сошедший с рельсов поезд, он лежал на боку, была видна надпись «Железные дороги Джорджии и Южной Каролины», и я уже знал, что в этом поезде ехал мой брат Карл и что он погиб в этой катастрофе. Вот так. Потом все исчезло, передо мной стоял этот молоденький солдат и смотрел на меня глупо и испуганно. «Все в порядке, сержант?» — спросил он. «Нет, — сказал я, — только что в Джорджии погиб мой брат». И когда я дозвонился своей матери, она сообщила мне, что все так и было. Но я уже знал это.

Он встряхнул головой, отгоняя воспоминания, и посмотрел в широко раскрытые глаза Дэнни.

— Но вот что ты должен знать, мой мальчик: такие явления не всегда оказываются правдой. Четыре года назад я работал поваром в ла-

гере бойскаутов в штате Мэн, на Лонг-Лэйке. Ждал своего самолета в аэропорту «Логан» в Бостоне и вдруг ощутил запах апельсинов. Первый раз за пять лет, наверное. «Боже, что же мне сейчас явится?» — подумал я, помчался в туалет, закрылся в кабинке, чтобы побыть в одиночестве. Я голову никогда не теряю, но тут это чувство охватило меня всего целиком, и я увидел, что мой самолет разобьется. Потом все так же быстро исчезло и запах апельсинов тоже, было ясно, что сеанс окончен. Я подошел к администратору и перерегистрировал свой билет на другой рейс, тремя часами позже. И как ты думаешь, что произошло?

— Что? — прошептал Дэнни.

— Ни-че-го! — провозгласил Хэллоранн и расхохотался. Он с облегчением увидел, как мальчик тоже робко улыбнулся. — Вообще ничего! Этот самолет приземлился точно по расписанию, без сучка, без задоринки. Так что иногда наши видения ничего не значат.

— О! — сказал Дэнни.

— Или возьми скачки. Я много играл, часто выигрывал. Когда я стоял у ограды, меня иногда озаряло насчет успеха той или иной лошади. Обычно это помогало, я угадывал. И еще неоднократно собирался поднатужиться и угадать сразу трех лошадей, чтобы на них поставить и получить тройной выигрыш. Правда, так и не собрался. Но ведь бывало и так, что домой со скачек я возвращался вместо такси на своих двоих, и кошелек мой был пуст. Никто не может быть озарен светом постоянно, только, пожалуй, Господь Бог на небесах.

— Да, сэр, — сказал Дэнни, подумав о том, как почти год назад Тони показал ему младенца

в колясочке в их доме в Стовингтоне. Он тогда был так рад этому и все ждал, зная, что такие дела сразу не делаются, но время шло, а малыша все не было.

— Теперь послушай,— сказал Хэллоранн, беря в свои руки ладошки мальчика.— У меня бывали здесь дурные сны, нехорошие предчувствия. Я тут работаю уже два года, и, наверное, раз десять-двенадцать бывали и настоящие кошмары. И еще — я видел кое-что. Нет, не буду говорить, что. Это рассказ не для маленького мальчика. Жуткие, отвратительные вещи. Однажды это было связано с этими чертовыми кустами, выстриженными под животных. В другой раз экономка, ее звали Долорес Викери, почувствовала что-то дурное (у нее была способность предвидения, легкое свечение, скажем, но, по-моему, она и не подозревала об этом). Мистер Ульман уволил ее... Ты знаешь, что это такое, док?

— Да, сэр,— искренне признался Дэнни,— папу уволили из школы, поэтому мы и приехали в Колорадо... наверное, так...

— Так вот, Ульман уволил ее из-за того, что она рассказала, как видела нечто в одном из номеров, в котором, э-э... когда-то случилось несчастье. Это номер 217, и я хочу, чтобы ты, Дэнни, пообещал мне никогда туда не входить. Всю зиму. Ни в коем случае.

— Хорошо,— согласился Дэнни.— А та женщина, экономка, она просила вас зайти туда посмотреть?

— Просила. Там было нечто отвратительное. Но... мне кажется, та мерзость вряд ли могла кому-нибудь причинить вред, вот что я пытаюсь тебе объяснить, Дэнни. Люди-ясновидцы могут предсказать, что произойдет, могут узнать, что

произошло... Но это только видения, как картинки в книжке. Тебе, наверное, попадались страшные картинки?

— Да,— сказал он, вспомнив сказку про Синюю Бороду, где на картинке была изображена потайная комната с отрубленными головами.

— Но ты же понимал, что для тебя это не опасно?

— Да-а...— не совсем уверенно подтвердил Дэнни.

— Вот так и здесь. Не знаю, почему, но кажется, что все зло, которое когда-либо совершалось в этом отеле, сейчас то ли рассыпано повсюду мельчайшими кусочками, то ли неряшливо размазано по всем уголкам. Почему все это происходит, не знаю. Несчастья и преступления случаются во всех отелях, а я работал во многих. Но такие страшные видения у меня только здесь. Но, Дэнни, эти видения никому не причинят вреда.

Он четко выговаривал каждое слово, в такт легко похлопывая плечики Дэнни.

— И если ты вдруг увидишь нечто в холле, в комнатах или на улице среди кустарника, то... просто отведи взгляд на минуточку, а когда посмотришь снова, уже ничего не будет. Понял?

— Ага,— сказал Дэнни. Ему стало гораздо легче, спокойнее. Он с коленками забрался на сиденье, поцеловал Хэллоранна в щеку, они крепко обнялись. Хэллоранн отпустил мальчика и спросил:

— А твои... бывают у них озарения, нет?

— Нет, думаю, не бывает.

— Я пытался понять. У мамы твоей, по-моему, немного получается. Впрочем, все матери чуть-чуть провидицы, во всяком случае, пока их

дети не подрастут, чтобы самим следить за собой. А твой папа...

Хэллоранн на минуту запнулся. С Джеком не все было ясно. Не похоже было, что он из тех, от кого исходит свечение, но и обратного нельзя было сказать с уверенностью. Приглядываясь к Джеку, Хэллоранн чувствовал, как что-то от того исходит, что-то глубинное, скрываемое, неуловимое.

— ...не думаю, что с папой бывают такие явления, — сказал наконец Хэллоранн. — Так что за них ты не беспокойся. Позаботься о себе. Здесь вряд ли есть что-нибудь опасное для тебя. Ну, держись, молодцом, о'кей?

— О'кей.

— Дэнни! Эй, док!

Дэнни оглянулся.

— Мама меня зовет. Мне пора.

— Конечно, — сказал Хэллоранн. — Чтобы у тебя все было хорошо, Дэнни. Ты уж постарайся.

— Ага. Спасибо, мистер Хэллоранн. Мне теперь получше стало.

В голове у него весело мелькнуло:

(Дик — для своих)

(Конечно, Дик, отлично)

Их глаза встретились, и Дик Хэллоранн подмигнул.

Дэнни сполз с сиденья и открыл дверцу. Когда он выбирался, Хэллоранн окликнул его:

— Дэнни!

— Что?

— Если все-таки случится беда... зови меня. Вот так, как ты позвал меня только что — громко, пронзительно. Чтобы я за тридевять земель,

во Флориде, услышал. А уж если я услышу, то сразу приеду.

— О'кей! — улыбнулся Дэнни.

Ну, смотрите, молодой человек.

— Ага.

Дэнни захлопнул дверцу машины и побежал через стоянку к крыльцу, где стояла Уэнди, съевшись от пронизывающего ветра. Хэллоранн провожал его взглядом, и улыбка постепенно сползала с его лица.

Вряд ли здесь есть что-нибудь опасное для тебя.

Вряд ли.

А если он ошибается? Про себя он твердо решил, что это был его последний сезон в «Оверлуке». Решил еще тогда, когда увидел это в ванной двести семнадцатого номера. Хуже в своей жизни он ничего не видел, даже на картинках, ничего, а мальчишечка, бежавший сейчас к маме, казался таким маленьким...

Вряд ли...

Он посмотрел на фигурно подстриженные кусты.

Неожиданно Хэллоранн рванул машину с места и поехал, стараясь не оглядываться. И, конечно, оглянувшись, и, конечно, на крыльце уже никого не было. Они были уже внутри, как будто «Оверлук» заглохнул их.

ЭКСКУРСИЯ

— О чем это вы говорили, а? — поинтересовалась Уэнди, когда они оказались внутри.

— Так, ничего особенного.

— Неплохой разговор получился из ничего особенного.

Дэнни пожал плечами — точь-в-точь, как отец, заметила Уэнди. Еще неизвестно, кто лучше. Больше из него ничего не вытянешь. Она ощутила внезапный прилив сильного раздражения, смешанного с еще более сильным чувством любви: с любовью все ясно — тут ничего не поделаешь, а вот раздражение было вызвано тем, что и сын, и муж часто сознательно не принимали ее «в игру», в свои дела, она была аутсайдером в то время, как на поле разыгрывались основные действия. Впрочем, этой зимой им, ее нервным мужчинам, вряд ли удастся продолжать в том же духе: новые ограниченные владения не располагают к этому. Вдруг она осознала, что просто-напросто ревнует сына к мужу, завидует их близости, и смутилась. Наверное, она становится похожей на свою мать, слишком похожей.

Вестибюль был теперь совершенно пуст, оставались только Ульман и портье (они подсчитывали выручку), две горничные, облаченные в теплые одежды, стояли у дверей, разбирая свои чемоданы, да еще Уэтсон. Уэтсон перехватил ее взгляд, подмигнул ей... нахально и вульгарно. Она спешно отвернулась. Джек застыл

у окна, созерцая открывавшийся из него вид. Он выглядел задумчивым и углубленным в свои мысли.

Судя по всему, выручка в кассе была подсчитана, так как Ульман с важным видом захлопнул ящик. Он проставил свои подписи на всех бланках и убрал их в папку на «молнии». Уэнди мысленно аплодировала портье, который выглядел почти счастливым от того, что развязался с таким важным делом. Похоже, Ульман был способен вытрясти из этого клерка любую недостаточу... спустив с него шкуру без единой капли крови.

Уэнди, в общем-то, было наплевать на Ульмана или его подчиненных, на их нарочито энергичные слова и движения. Как всякий начальник, неважно, мужчина он или женщина, Ульман был слащав и предупредителен с гостями и постояльцами, а за кулисами превращался в настоящего тирана. Но сейчас каникулы уже вступили в свои права, и лицо клерка сияло от удовольствия. А вот для нее с Джеком, да и с Дэнни тоже, работа только начиналась.

— Мистер Торренс, — официальным, директорским тоном сказал Ульман, — будьте любезны, подойдите сюда, пожалуйста.

Джек подошел, кивком приглашая Уэнди и Дэнни.

Портье, уже успевший одеться, попрощался:

— Желаю вам хорошо провести зиму, мистер Ульман.

— Сомневаюсь, — сухо ответил Ульман. — Итак, 12 мая, Брэддок. Ни днем раньше, ни днем позже.

— Да, сэр.

Брэддок вышел из-за стойки, лицо его выражало спокойствие и достоинство, но, едва оставив Ульмана за спиной, он просиял мальчишеской улыбкой. Брэддок перекинулся парой слов с девушками-горничными, ждавшими у двери, которые проводили его, еле сдерживая смех.

Только потом Уэнди заметила, как тихо кругом. Как будто толстое одеяло легло на отель, заглушив все звуки, кроме завываний осеннего ветра. Она стояла так, что ей было видно через раскрытые двери девственно чистые столы, мрачные архивные шкафы, а чуть в стороне сияющую безукоризненно чистую кухню Хэлло-ранна.

— Полагаю, мне стоит задержаться еще на некоторое время и показать вам весь отель,— сказал Ульман, и Уэнди поняла, что он намеренно выделяет голосом некоторые слова, как бы произнося их с большой буквы. Все должны слышать это.— Уверен, что ваш муж, миссис Торренс, познакомится с отелем и внутри, и снаружи, но вы и ваш сын, несомненно, будете чаще бывать в нижних этажах, где расположены ваши апартаменты.

— Несомненно,— с притворной скромностью подтвердила Уэнди. Джек бросил на нее взгляд.

— Здесь очень красиво,— горячо сказал Ульман,— сам получаю удовольствие от этой экскурсии.

«Пари держу, что получаешь»,— мелькнуло у Уэнди.

— Давайте поднимемся на четвертый этаж

и начнем осмотр сверху, — в полном восторге говорил Ульман.

— Может, мы вас задерживаем... — начал Джек.

— Нисколько, — разуверил его Ульман. — Мы закрылись. Tout fini¹ — этот сезон, по крайней мере. А потом, я все равно собирался переночевать в Боулдере, в «Боулдерадо», конечно. Единственный приличный отель в этих краях, разумеется, кроме «Оверлука». Сюда, пожалуйста.

Они вошли в лифт, украшенный орнаментом и резьбой из меди: лифт заметно просел под ногами, когда Ульман еще не успел задвинуть решетчатую дверь. Дэнни обеспокоенно вздрогнул, Ульман с улыбкой посмотрел на него. Мальчик без особого успеха попытался улыбнуться в ответ.

— Не беспокойтесь, юноша, — сказал Ульман, — надежен, как дом.

— Как на «Титанике», — сказал Джек, разглядывая круглое стеклянное окошечко в потолке лифта. Уэнди прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Ульману такое сравнение не понравилось. С лязгом и грохотом он задвинул внутреннюю решетку.

— «Титаник» совершил только один рейс, мистер Торренс, а этот лифт уже не одну тысячу с тех пор, как был пущен в 1926 году.

— Тогда другое дело, — сказал Джек. Он потрепал Дэнни по голове. — Не развалится эта посудина, док?

¹ Все закончено (фр.).

Ульман опустил рычаг, и теперь слышно было только дребезжание под полом и жуткие завывания каких-то механизмов. Уэнди показалось, что они, как мухи, попались в ловушку, а весной, когда их найдут и обнаружат то, что осталось... как «Вечеринка у Доннеров»...

(Все, хватит!)

Лифт заскрежетал, загремел и пополз вверх. На четвертом этаже Ульман рывком остановил его, раздвинул решетку, открыл дверь. Кабина была сантиметров на 10—12 ниже уровня пола. Дэнни смотрел на это несоответствие так, как будто ему открылось несовершенство окружающего мира. Ульман прокашлялся, потянул рычаг, и кабина поднялась повыше (хотя пары сантиметров опять не хватило), и они вышли. Пустой лифт почти сровнялся с уровнем пола, но это мало порадовало Уэнди. Может, конечно, он и надежен, как дом, но Уэнди решила, что лучше подняться лишний раз по лестнице. И ни под каким видом нельзя забираться в него всем троим сразу.

— Что ищем, док? — шутливо спросил Джек. — Ты видишь пятна?

— Ни в коем случае, — сердито вступился Ульман. — Все ковры были вычищены два дня назад.

Уэнди тоже принялась рассматривать ковровое покрытие в огромном коридоре. Прелестно, но для своего дома, если он когда-нибудь у нее будет, она бы такое не выбрала. Темно-синий ворс, на котором, как в джунглях, переплетались ветки, лианы, растения, усеянные диковинными птицами. Нельзя было сказать определен-

но, что это за птицы, узор был выткан только черным, без оттенков, и передавал лишь их силуэты.

— Нравится тебе ковер? — спросила Уэнди у сына.

— Да, мама, — невыразительно ответил он.

Они шли по просторному коридору. Стены были обиты голубым шелком в тон ковра, только посветлее. Через каждые три метра на стенах висели электрические светильники, стилизованные под старинные английские газовые фонари. Сейчас на них были матовые плафоны, защищенные медными решеточками.

— Вот это мне очень нравится, — сказала Уэнди. Довольный Ульман кивнул. — Мистер Дервент установил такие лампы во всем отеле — это было сразу после войны. Я имею в виду, конечно, вторую мировую войну. Вообще почти весь — за малым исключением — дизайн четвертого этажа — его идея. Вот номер 300, Президентские апартаменты.

Он повернул ключ в замке массивной двери красного дерева и широко распахнул ее. Роскошный вид из окна гостиной Президентских апартаментов заставил их затаить дыхание, что, судя по всему, как раз и входило в намерение Ульмана.

— Ничего вид, а? — улыбался он.

— Это уж точно, — сказал Джек.

Окно тянулось почти на всю длину комнаты. Солнце как раз садилось между двух островерхих гор, окрашивая теплым золотистым светом скалистые склоны и сахарные головы снежных вершин. Облака на этом почти неправдоподоб-

ном пейзаже были тоже оттенены золотом, солнечные лучи тускло освещали стоящие у подножия гор мрачные тенистые ельники.

Джек и Уэнди были так поглощены созерцанием этого зрелища, что совсем забыли про Дэнни. А взгляд Дэнни был прикован вовсе не к красоте природы, а к шелковой обивке в красную и белую полоску на той стене, где была дверь, ведущая в спальню. И в его взгляде не было восхищения.

Крупные пятна засохшей крови попеременно со множеством грязно-белых комочков покрывали стену. Дэнни затошнило. Это было похоже на картину безумного художника-сюрреалиста, кровью написавшего лицо человека, искаженное от ужаса и боли, рот открыт в крике, половина черепа разmozжена...

(...А если ты и увидишь что-нибудь... просто отведи взгляд, а когда снова помотришь, этого уже не будет. Понял?)

Он специально стал глядеть в окно, стараясь сохранить спокойное выражение лица, и когда мамина рука оказалась рядом, взял ее, стараясь не выдать себя судорожным пожатием или еще каким-то образом.

Управляющий в это время посвящал отца в тонкости обращения с огромным окном — важно было плотно закрывать его, чтобы ветер его не разбил. Джек кивал. Дэнни осторожно посмотрел на стену. Засохшие кровавые пятна исчезли, мелкие грязно-белые точки — тоже.

Ульман направился обратно. Мама спросила Дэнни, понравился ли ему горный пейзаж.

Дэнни ответил, что да, конечно, хотя горы сейчас не волновали его ни в малейшей степени. Ульман стал закрывать дверь, и Дэнни взглянул назад через плечо. Кровавые пятна снова появились. Только теперь они были свежие. Кровь стекала по стене. Ульман смотрел точно в том же направлении и, как ни в чем не бывало, продолжал свое повествование о знаменитостях, которые останавливались в номере. Дэнни почувствовал, что так сильно прикусил себе губу, что показалась капелька крови, а он поначалу этого даже не заметил. В коридоре он отстал от всех на пару шагов, стер кровь тыльной стороной ладони и подумал

(кровь)

(Мистер Хэллоран тоже видел кровь или кое-что похуже?)

(Вряд ли это может навредить тебе)

Крик готов был вырваться из его груди, но он сдержался. У его мамы с папой таких видений не бывало и не бывает. Надо сохранять спокойствие. Мама с папой любят друг друга — вот это действительно так. А все остальное, как картинки в книжке. Бывают картинки страшные, но вреда они не причиняют. Это... не может... навредить тебе.

Мистер Ульман показывал своим спутникам другие помещения на четвертом этаже, ведя их по запутанному лабиринту коридоров. Он уверял, что здесь побывали все звезды, хотя Дэнни не совсем понял, о каких звездах идет речь. Ульман демонстрировал им апартаменты, где однажды останавливалась дама по имени Мери-

лин Монро со своим тогдашним мужем по имени Артур Миллер.

(Дэнни внутри себя уже знал, что Мэрилин и Артур развелись вскоре после посещения «Оверлука».)

— Мам?

— Что, милый?

— Если они были муж и жена, почему у них были разные фамилии? Ведь у вас с папой фамилии одинаковые!

— Да, но мы же не знаменитости, — заметил Джек. — Знаменитые женщины сохраняют свои прежние фамилии, даже когда выходят замуж, потому что эти фамилии их кормят.

— Кормят? — Дэнни был изрядно заинтригован.

— Папа имеет в виду, что люди, собираясь в кино, хотят посмотреть именно на Мэрилин Монро, — сказала Уэнди, — а посмотреть на Мэрилин Миллер им, может, и не захочется.

— Но почему? Ведь это та же самая женщина. Неужели кто-то не узнает ее?

— Да, но... — Уэнди беспомощно посмотрела на Джека.

— В этом номере останавливался Трумэн Капоте, — нетерпеливо прервал их Ульман. Он открыл дверь. — Это было уже при мне. Необыкновенно приятный человек. Изысканные манеры.

Ничего примечательного в этих номерах не было (кроме отсутствия тех самых людей, которых мистер Ульман называл звездами); не было и ничего страшного, чего боялся Дэнни. Пожалуй, его насторожила только одна вещь, но

почему, он не мог объяснить. Это был пожарный кран, укрепленный на стене рядом с лифтом, открытые двери которого напоминали сверкающий золотыми зубами рот.

Пожарный кран был старого образца; рукав плотно скручен, один конец привинчен к огромному красному вентилю, другой заканчивался металлической насадкой. Свернутый шланг был зафиксирован красной металлической планкой. В случае пожара ее можно было выбить одним сильным ударом, и тогда шланг оказывался у вас в руках. Дэнни прекрасно разбирался во всех механизмах, даже не прикасаясь к ним. Когда ему было два с половиной года, он с легкостью отомкнул решетчатую дверь, которую отец установил в их доме в Стовингтоне. Просто понял, как устроен замок, — и открыл. Папа говорил, что это ДАР. У некоторых людей есть ДАР, а у других — нет.

Пожарный кран был не такой современный, как те, которые Дэнни видел, например, в детском саду, однако ничего особенного в нем не было. И все-таки свернутый шланг смутил его, может быть, тем, что немного напоминал свернувшуюся кольцами змею. Поэтому Дэнни вздохнул с облегчением, когда они оставили его позади.

— Само собой разумеется, что все окна должны быть закрыты, — сказал Ульман, когда они зашли в лифт. Кабина опять просела под ногами, вызвав неприятные ощущения. — Но особенно меня беспокоит окно в Президентских апартаментах. Вставить его стоило 420 долларов, но

ведь это было тридцать лет назад. Сегодня это обойдется в восемь раз дороже.

— Я его тщательно закрою,— заверил Джек.

Они спустились на третий этаж, здесь и комнат было больше, и поворотов, углов и закоулков тоже. Солнце уже скрылось за горами, начинало смеркаться. Мистер Ульман показал им пару номеров, и все. Не останавливаясь, они прошли мимо двести семнадцатого номера, о котором предупреждал Хэллоранн. Дэнни зачарованно посмотрел на неброскую табличку «217».

Теперь на второй этаж. Здесь Ульман ничего им не показывал, пока они не подошли к ведущей на цокольный этаж лестнице, покрытой мягким ковром.

— Ну, вот и ваши апартаменты,— сказал Ульман,— надеюсь, они вас устроят.

Они вошли. У Дэнни дух захватило, так он боялся увидеть там что-нибудь. Но ничего не было.

Уэнди Торренс сразу почувствовала облегчение. Строгая элегантность Президентских апартаментов смущала и сковывала ее. Одно дело — осматривать отреставрированные исторические здания, где табличка в спальне гласит, что здесь ночевали Авраам Линкольн или Франклин Рузвельт, но совсем другое — представить себя с мужем на бескрайних просторах постельных принадлежностей, да еще и занимающихся любовью там, где лежали такие великие и могущественные люди. А их номер был проще, уютнее, теплее. Уэнди подумала, что она выдержит пребывание здесь без особого труда.

— Очень славно, — сказала она Ульману, и в голосе ее слышалась благодарность.

Ульман кивнул.

— Просто, но удобно. Когда отель работает, здесь живет повар с женой, или же повар и его помощник.

— Здесь жил мистер Хэллоранн? — вмешался в разговор Дэнни.

Ульман снисходительно наклонил к нему голову.

— Именно так. Он и мистер Неверс. — Ульман обернулся к Уэнди и Джеку. — Вот гостиная.

В гостиной стояло несколько кресел, выглядели они удобными, хотя и недорогими. Зато низкий столик, который, по всей видимости, когда-то стоил немало, теперь здорово пооблупился с одной стороны. Два книжных шкафа были набиты старыми сборниками, детективами, в том числе сороковых годов. (Уэнди порадовалась этому.) Безмянный телевизор смотрелся не более элегантно, чем полированные деревянные консоли в комнатах.

— Кухни, конечно, нет, — сказал Ульман, — зато есть подъемник из кухни. Эти комнаты находятся непосредственно над ней.

Он сдвинул в сторону квадратную задвижку в стене, за ней обнаружилась площадка для подносов. Он нажал на нее, и она исчезла из виду.

— Это же потайной ход! — завопил Дэнни в восторге, мгновенно позабыв все свои страхи при виде этой захватившей его воображение шахты. — Совсем как в «Эббот и Костелло против монстров»!

Ульман нахмурился, и Уэнди смущенно улыбнулась, словно прося у него прощения. Дэнни нагнулся и заглянул внутрь шахты.

— Сюда, пожалуйста, — Ульман открыл одну из дверей в глубине гостиной. Она вела в просторную, светлую спальню. Две кровати стояли порознь, Уэнди, улыбаясь, поглядела на мужа и пожала плечами.

— Ничего, — сказал Джек, — мы их сдвинем. Озадаченный, Ульман обернулся:

— Простите?

— Кровати, — сказал Джек добродушно, — мы можем их сдвинуть.

— Ах, ну да, — Ульман неожиданно сконфузился, начал краснеть, покрываясь краской от шеи к лицу, — как вам будет удобно.

Они снова вышли в гостиную и открыли дверь в другую спальню, где стояла двухэтажная кровать. Ковер в этой комнате был украшен рисунком из густо переплетенных растений — шалфея, кактусов. Уэнди поняла, что Дэнни сразу влюбился в этот ковер. Стены комнаты были обиты натуральным деревом.

— Подойдет тебе, док? — спросил Джек.

— Конечно. Я буду спать на верхнем ярусе, о'кей?

— Как хочешь.

— И ковер мне нравится. Мистер Ульман, почему вы не везде постелили такие ковры?

Ульман вдруг стал похож на человека, жующего лимон. Однако он все же улыбнулся и погладил Дэнни по голове.

— Вот здесь вы и будете жить, — сказал он, — да, в ванную комнату можно попасть из боль-

шой спальни. Апартаменты, конечно, не шикарные, но ведь в вашем распоряжении весь отель. Камин в холле прекрасно работает, по крайней мере, Уотсон мне так сказал, и если вам очень захочется, можете обедать в большой столовой.— Он говорил так, как будто делал им одолжение.

— Хорошо,— сказал Джек.

— Спускаемся вниз? — спросил Ульман.

— Отлично,— ответила Уэнди.

Они спустились на первый этаж, вестибюль теперь совершенно опустел, лишь Уотсон стоял, привалившись к стене рядом с главным входом. На нем была тяжелая кожаная куртка, во рту он зажал зубочистку.

— Я полагал, вы уже далеко отсюда,— несколько холодно сказал Ульман.

— Да вот задержался, чтобы напомнить мистеру Торренсу про паровой котел,— сказал Уотсон, выпрямившись.— Присматривай за ним лучше, приятель, и он не подведет. Пару раз в день надо снижать давление, он подтекает.

«Он дребезжит»,— подумал Дэнни, и слова гулким эхом отозвались во всех уголках его сознания, там, куда очень редко удавалось заглянуть кому-либо.

— Я прослежу,— сказал Джек.

— Все будет хорошо,— протянул руку Уотсон.— Джек пожал ее. Уотсон повернулся к Уэнди, наклонив голову.

— Мадам,— произнес он.

— Очень рада,— ответила Уэнди и подумала, что слова ее прозвучали невпопад. Она приехала сюда из Новой Англии, где прожила всю жизнь,

и ей казалось, что в нескольких коротких фразах этого лохматого Уотсона проявился весь характер людей из западных штатов. И неважно, что он так развязно подмигивал.

— Молодой господин Торренс,— серьезно сказал Уотсон и протянул руку. Дэнни, который уже почти год назад узнал правила рукопожатия, потряс руку Уотсона и почувствовал, как потонул в ней.

— Да, сэр.

Уотсон выпустил ладошку мальчика и выпрямился.

Он посмотрел на Ульмана.

— Значит, до следующего года,— сказал он, протягивая руку и ему.

Ульман равнодушно пожал ее. Тонкая оправа его очков блеснула в свете лампы.

— Двенадцатого мая, Уотсон,— сказал он.— Ни днем раньше, ни днем позже.

— Хорошо, сэр,— ответил Уотсон, и Джек прочитал в его глазах недосказанное «чертов педераст».

— Удачного зимнего сезона, мистер Ульман.

— Что-то я не уверен в этом,— с сомнением сказал Ульман.

Уотсон открыл одну из массивных дверей; завывания ветра слышались сильнее, воротник куртки затрепетал.

— Ну, держитесь, ребята,— сказал Уотсон на прощанье.

— Да, сэр, обязательно,— ответил ему Дэнни.

Уотсон, чей не столь уж дальний родственник когда-то владел этим местом, выскользнул

за дверь. Она захлопнулась за ним, приглушив шум ветра. Все вместе они наблюдали, как он сбежал с крыльца, топая своими потрепанными ковбойскими сапогами.

Пожелтевшие осиновые листья кружились в воздухе, хрустели у него под ногами, пока он шел к своему пикапу. Загудел мотор, машина выпустила синий клуб дыма. Молча они смотрели, как он разворачивался и выруливал со стоянки. Грузовичок скрылся за выступом горы, потом, уже совсем маленький, снова появился на шоссе, которое вело на Запад.

Вдруг Дэнни стало так одиноко, как не было никогда.

ПАРАДНОЕ КРЫЛЬЦО

Семья Торренсов стояла на парадном крыльце отеля «Оверлук», как будто позируя для фотоальбома. В середине — Дэнни, прошлогодняя курточка застегнута доверху, рукава уже коротки, чуть ли не до локтей, сзади — Уэнди, положив руку ему на плечо, а слева — Джек, легонько касаясь волос сына.

Ульман стоял ступенькой ниже, он был одет в дорогое на вид шерстяное коричневое пальто. Солнце уже почти полностью скрылось, оставляя на земле слабый золотой отсвет, делавший тени продолговатыми и почти багровыми. На стоянке оставались только три машины: служебный грузовичок, «линкольн-континентал» Ульмана и выдавший виды «фольксваген» Торренсов.

— Вот ключи, — сказал Ульман Джеку, — значит, вы все поняли насчет камина и парового котла?

Джек кивнул, Ульман был чем-то симпатичен ему. Сезон закончен, все узелки завязаны до двенадцатого мая — ни днем раньше, ни днем позже, и Ульман, который за все это отвечал, который относился к «Оверлуку» с неподдельной страстью, конечно, не мог удержаться от последних замечаний.

— Думаю, все в надежных руках, — сказал Джек.

— Хорошо. Я свяжусь с вами. — Ульман все еще медлил, словно ждал, что ветер подтолкнет его к машине.

— Ну, ладно, — вздохнул он. — Желаю вам,

мистер и миссис Торренс, хорошо перезимовать. И тебе тоже, Дэнни.

— Спасибо, сэр,— сказал Дэнни.— И вам того же.

— Сомневаюсь,— снова печально сказал Ульман.— Если говорить откровенно, то я еду в такую дыру во Флориде. Сплошная суета. Настоящая моя работа — это «Оверлук». Позаботьтесь о нем ради меня, мистер Торренс.

— Думаю, что следующей весной вы застанете его на том же месте,— сказал Джек, а в сознании Дэнни вдруг промелькнуло

(а нас?)

и исчезло.

— Конечно. Конечно, на том же месте.

Ульман посмотрел на лужайку со стриженными кустами-животными, шуршавшими на ветру своими листьями. И уже более официально отвесил поклон.

— Итак, до свидания.

Быстро и важно он пошел к машине — до смешного огромной для такого маленького человека — и забрался в нее. Мотор «линкольна» ожил, засветились габаритные огни. Машина выехала со стоянки, и теперь Джек увидел маленькую табличку: «Место зарезервировано для мистера Ульмана, управляющего».

— Так,— мягко констатировал Джек.

Они стояли и смотрели, пока машина, ехавшая вдоль восточного склона, не скрылась из виду. Когда она исчезла, они молча, почти испуганно переглянулись. Они остались одни. Ветер беспорядочно кружил в воздухе осиновые листья, гнал их по ухоженному, аккуратно подстриженному газону, на который теперь некому было любоваться. Некому было смотреть и на

осенние листья, скользившие по траве, некому, кроме этих троих людей. Джека охватило странное необъяснимое чувство, как будто жизнь в нем уже еле теплилась, в то время как отель и все окрестности внезапно удвоились в размерах, став мрачными, зловещими и своими чудовищными силами превратив их троих в ничтожества.

Уэнди сказала:

— Посмотри-ка на себя, док. У тебя из носа течет, как из крана. Пошли внутрь.

И они вошли в дом, плотно затворив за собой дверь, чтобы бесконечные завывания ветра не проникали в отель.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОСИНОЕ ГНЕЗДО

Глава 14

НА КРЫШЕ

«Ах ты распроклятое чертово племя!»

Джек Торренс выкрикнул эти слова одновременно от боли и удивления; он хлопнул себя по правой руке, сгоняя большую неторопливую осу, которая только что ужалила его. Он поспешно сполз по крыше, опасаясь, как бы собратья этой осы не вылетели все разом из гнезда, которое он вскрыл, чтобы уничтожить. Иначе ему не поздоровится; гнездо было на пути к лестнице, а чердачная дверь заперта изнутри. Падать придется с высоты 70 футов на бетонированную площадку между домом и лужайкой.

Воздух был прозрачен и тих.

Джек с отвращением присвистнул. Он устроился верхом на крыше и стал изучать свой указательный палец. Тот уже распух, и Джек подумал, что, пожалуй, стоит рискнуть и проползти мимо осинового гнезда к лестнице, ведь необходимо приложить лед.

Было 20 октября. Уэнди и Дэнни поехали на здешнем грузовичке в Сайдвиндер (старый дребезжащий «додж» казался надежнее «фольксвагена», который уже явно дышал на ладан), чтобы

привезти три галлона молока и сделать кое-какие рождественские покупки. Рановато, конечно, но кто знает, когда выпадет снег. Он уже шел несколько раз, и в отдельных местах дорога от «Оверлука» была покрыта корочкой льда.

При всем при этом осень выдалась невообразимой красоты. Они жили здесь уже три недели, и золотые деньки бежали друг за другом. Звонкие утренние заморозки к полудню сменялись мягким теплом, идеально подходящим для освоения покатой крыши «Оверлука», то есть для кровельных работ. Джек честно признался Уэнди, что уже четыре дня назад мог закончить всю работу, но на самом деле спешить было некуда. Вид отсюда открывался потрясающий, даже красоты из окна Президентских апартаментов ему не чета. Самое главное, работа успокаивала. На крыше он как бы излечивался от всех ран, полученных за предыдущие три года. В душе его поселилось умиротворение. Прошедшие годы казались теперь просто кошмаром. Кровельное покрытие сильно попортилось, некоторые места были просто снесены штормовыми ветрами. Он сдирал все негодные доски, с криком «Поберегись!» сбрасывал их вниз, стараясь быть при этом осторожным, поскольку внизу мог прогуливаться Дэнни. Он как раз удалил гидроизоляцию, когда его ужалила оса.

Самое смешное было то, что всякий раз он клялся себе следить в оба за осиными гнездами. Но это утро было такое тихое и безмятежное, что его бдительность притупилась.

А сам он погрузился снова в мир своей пьесы, мысленно прокручивая сцену, над которой собирался работать вечером. Дело шло медлен-

но, но совсем неплохо, и хотя Уэнди почти не говорила на эту тему, он знал, что она довольна. Над ключевой сценой встречи директора школы садиста Денкера с молодым героем Гэри Бенсоном он промучился шесть месяцев, жутких месяцев в Стовингтоне, когда тяга к спиртному была настолько сильна, что он едва мог сосредоточиться на уроках, а о его литературных замыслах и говорить было нечего.

Но за последние двенадцать дней, когда он сидел за конторский «Ундервуд», принесенный снизу из кабинета, все препятствия были преодолены с необыкновенной легкостью. Без особых усилий ему удалось раскрыть характер Денкера. Это было как раз то, чего не хватало в пьесе, а большую часть второго акта он просто переписал, расставив новые акценты в ключевой сцене. Да и третий акт, который Джек как раз перекраивал мысленно в тот момент, когда в него вцепилась оса, вырисовывался все четче. Он полагал, что черновой вариант может быть готов недели через две, а к новому году с этой чертовой пьесой будет покончено.

В Нью-Йорке он обращался к литературному агенту, это была лихая рыжеволосая дама по имени Филлис Сэндлер. Она курила «Герберт Тэретонс», пила виски «Джим Бим» из бумажного стаканчика и полагала, что как восход, так и закат литературы пришелся на Шона О'Кейси. Она пробила публикацию трех рассказов Джека, среди которых был и тот первый, опубликованный в «Эсквайре». Джек написал ей о своей пьесе под названием «Маленькая школа», изложил суть конфликта между Денкером, одаренным студентом, который имел несчастье превратить-

ся в жестокого и невыносимого директора частной школы в Англии конца века, и Гэри Бенсоном, студентом, который был просто-напросто портретом молодого Джека. В ответном письме Филлис проявила интерес и посоветовала ему перечитать Шона О'Кейси, прежде чем приниматься за работу. В начале этого года она уже обращалась к нему с письмом, в котором спрашивала, где же все-таки пьеса. Он невразумительно отвечал ей, что работа над «Маленькой школой» отложена на неопределенное время, а может быть, и насовсем из-за «объективных трудностей, связанных с писательским трудом». Теперь же было похоже, что она все-таки получит обещанную пьесу. В любом случае это было хорошо, а уж увидит его детище свет или нет — это совсем другое дело. Казалось, его такие «детали» мало волнуют. Важна была сама пьеса, она стала для него не просто препятствием, которое хотелось преодолеть, но и жутким символом тяжелого времени в Стовингтонской школе, символом едва не рухнувшей семейной жизни, ужасного нападения на собственного сына, происшествия на стоянке с Джорджем Хэтфилдом, происшествия, которое было результатом одного из тех срывов Джека, столь неожиданных и губительных для него самого. Сейчас он полагал, что его пьянство частично можно было объяснить неосознанным стремлением освободиться от Стовингтона, а уверенность в себе подавляла всякое творческое начало в нем. Пить он бросил, но необходимость быть свободным осталась. Хенс Джордж Хэтфилд. О тех днях Джеку напоминала только рукопись пьесы, лежавшая в их спальне, и когда с ней будет по-

кончено и он отошлет пакет в нью-йоркское агентство Филлис, в эту гнусную дыру, тогда можно будет заняться и чем-нибудь другим. За роман он не возьмется, еще одна волынка на три года не для него. Скорее это будут рассказы. Может, даже сборник.

Осторожно, на четвереньках, он пробрался вниз по скату крыши до того места, где она была покрыта свежими досками. Именно там он работал, именно там обнаружил осиное гнездо. Джек медленно двинулся к нему, готовый отступить и срочно спуститься по лестнице, если ситуация вдруг станет опасной.

Он наклонился над проемом между досок и заглянул туда.

Гнездо висело среди кровельных перекрытий. Оно было чертовски большое. Сероватого цвета шар, похожий на бумажный, был чуть ли не два фута в диаметре. Форма его была неправильная, потому что пространства среди досок явно недоставало, но во всем остальном работа маленьких злодеев заслуживала похвалы. Вся поверхность гнезда кишела насекомыми, они двигались медленно, неуклюже. Размеры их были огромными. Это были не обычные полосатые осы, небольшие, и спокойные, а так называемые «стенные осы». С наступлением осени они становились вялыми и сонными, но Джек, с детства знакомый с их повадками, мог считать, что ему посчастливилось, поскольку его укусили только один раз. И еще он подумал, что если бы Ульман затеял кровельные работы в разгар лета, то человеку, вскрывшему этот участок крыши, достался бы крайне неприятный подарок. В самом деле, когда дюжина «стенных ос» наступает

на тебя и принимается жалить лицо, руки, ноги так, что не могут спасти даже брюки из плотной ткани, то невольно забудешь, что находишься на высоте 70 футов. Нипочем будет и узкая кромка крыши, главное — спастись от этих маленьких врагов, самый крупный из которых размером не больше огрызка карандаша.

Он где-то читал — то ли в воскресном приложении к газете, то ли в каком-то журнале, — что семь процентов всех дорожных происшествий не имеют видимых причин. Их нельзя объяснить ни технической неисправностью, ни превышением скорости, ни опьянением, ни плохой погодой. Просто с машиной на пустынном участке дороги вдруг происходит авария, в автомобиле только один водитель, он гибнет и, понятно, никому не может объяснить, что произошло. В статье приводились высказывания одного полицейского, который предположил, что виновники таких катастроф — насекомые. Осы, пчелы, может быть, пауки или мошки. Водитель впадает в панику, хочет прихлопнуть насекомое или выгнать его в окно. Возможно, они жалят его. Или водитель просто не может из-за этого справиться с управлением. Так или иначе — но бах! — и все кончено. А насекомое, обычно целое и невредимое, отправляется жужжать дальше — прочь от дымящихся обломков, поскорее на свои зеленые пастбища. Джек припомнил, что тот полицейский обожал выискивать на телах погибших следы от укусов насекомых.

Теперь, разглядывая гнездо, он подумал, что оно может служить живым символом того, через что ему пришлось пройти (и, кстати, протаскать своих близких), и одновременно добрым

предзнаменованием на будущее. Как еще можно объяснить то, что происходило с ним? Вся череда стовингтонских несчастий выглядела как бы независящей от самого Джека Торренса. Не он совершал поступки, а с ним происходили события. Ведь он знал кучу людей в Стовингтонской школе, двоих непосредственно на кафедре английского языка, которые крепко выпивали. Зак Танни имел привычку покупать в субботу днем целую бочку пива литров на сорок, закапывать на ночь ее в сугроб на заднем дворе и «убирать» ее за воскресенье, глядя по телевизору футбол или старые фильмы. А в течение всей недели Зак был трезв, как стеклышко, лишь иногда позволяя себе за ланчем легкий коктейль.

Он и Эл Шокли были алкоголиками. Как двух любовников их тянуло друг к другу, а будучи людьми компанейскими, они предпочитали губить себя вместе, а не поодиночке. Они дружно шли на дно, правда, море было заполнено не соленой водой, а напитками, произведенными из отборных сортов ячменя и пшеницы, вот и все. Осы медленно копошились в гнезде, недолго им осталось, скоро холода покончат с ними, упадет в спячку только матка; наблюдая за ними, Джек продолжал размышлять. Он и сейчас алкоголик и будет им всегда, и был им всегда — с момента самой первой выпивки на выпускном вечере. Сила воли здесь ни при чем, как ни при чем и то, хорошо это или плохо — пить, а также сильные и слабые стороны его характера. У него внутри было что-то надломлено, как разомкнутая электрическая цепь, и его волей-неволей тянуло в пропасть, сначала медленно, потом быстрее, по мере того, как Стовингтон подавлял его. Дол-

гий, скользкий спуск в пропасть, а на дне развалившийся ничейный велосипед и сынишка со сломанной рукой. Сам себе не принадлежащий Джек Торренс. И характер, не принадлежащий ему. Всю жизнь он пытался себя контролировать. Когда ему было семь лет, соседка отшлепала его за баловство со спичками. Он тогда убежал и запустил камнем в проезжавший автомобиль. Отец увидел это, с криком набросился на маленького Джека и как следует вздул его. У Джека потемнело в глазах. А когда отец с ворчанием удалился в дом смотреть телевизор, Джек схватил бездомную собачонку и швырнул ее в сточную канаву. В средней школе у него было десятка два драк и еще больше, когда он учился в старших классах, за что его дважды отстраняли от занятий и бесчисленное количество раз оставляли после уроков — несмотря на хорошие отметки. Американский футбол позволял ему частично спускать тормоза, хотя, помнится, почти каждую минуту он впадал в ярость, воспринимая любой захват или блок соперника как личное оскорбление. Он неплохо играл и в школьные годы, и в юности, но про себя прекрасно сознавал, что за свой дурной нрав и вздорное поведение на поле он обязан благодарить... или упрекать только себя самого. Игра не приносила ему радости. Каждый матч оставлял неприятный осадок.

И несмотря на все это он не считал себя последней скотиной. Все это его не смущало. Про себя он прекрасно понимал, что Джек Торренс славный парень, которому надо только лучше следить за собой, чтобы дело не дошло до беды. Точно так же он думал, что и с выпивкой нет

проблем. Он просто будет следить за собой. Но алкоголиком он был в душе так же, как и в жизни. Все это прочно сидело в нем так глубоко, куда запросто и не заглянешь. Ему было наплевать на причины этого — с чем они связаны или не связаны, внешние они, психологические или физиологические. Дело ведь приходилось иметь с последствиями: шлепки, выволочка от отца, отстранения от занятий, попытки объяснить, что школьную форму он порвал во дворе; а позднее — похмельное состояние, медленно рассеивающееся очарование семейной жизни, велосипедное колесо с торчащими спицами, Дэнни со сломанной рукой. И, конечно, Джордж Хэтфилд.

Он чувствовал, что случайно влез рукой в Обитель Больших Ос. Представить, так страшно становится. А в качестве слепка с действительности это оказалось ему полезным. В разгар лета рука его попала в затаившееся среди прогнившей кровли скопище Ос и тут же запылала адским огнем, парализующим сознание, разрушающим все представления о поведении цивилизованного человека. Можно ли ожидать, что вы будете вести себя по-человечески, когда ваша рука исколота раскаленными докрасна иголками? Можно ли ожидать, что вы будете жить в мире и согласии со своими близкими, когда бурое яростное облако поднимается из щели в кровле (с виду совсем безобидной штуки) и устремляется к вам? Можно ли ожидать от вас отчета в своих действиях, когда вы, почти обезумев, помчитесь по скользкой крыше на высоте семидесяти футов, не зная, куда, не думая о том, что в панике недолго и оступиться и полететь

вниз навстречу своей смерти? Нечего этого от вас ждать, думал Джек. Попасть рукой в осиное гнездо — еще не значит заключить сделку с дьяволом, жертвуя при этом собственным «я», любовью, честью и достоинством. Это просто случай. Покорно и безмолвно вы превращаетесь из мыслящего существа в существо физиологическое; в пять секунд цивилизованный человек становится орущей обезьяной.

Он думал о Джорджде Хэтфилде.

Высокий с выющимися светлыми волосами, Джордж был почти вызывающе красивый парень. В узких джинсах, в свитере с надписью «Стовингтон» с небрежно засученными рукавами, открывавшими загорелые руки, он напоминал Джеку молодого Роберта Редфорда. И нельзя было сказать, что Джорджу в этой жизни не везло — во всяком случае, не больше, чем десять лет назад молодому футбольному дьяволу Джеку Торренсу. Сам Джек мог утверждать, что не испытывал ни ревности, ни зависти к этому парню; дело в том, что подсознательно он воспринимал Джорджа как живое воплощение героя своей пьесы Гэри Бенсона — противоположность мрачному, неуклюжему, немолодому Денкеру, который люто ненавидел Гэри. Но он, Джек Торренс, не питал к Джорджу подобных чувств. Будь оно так, уж он бы знал. Он был уверен в этом.

Учился Джордж не блестяще. Ему, как местной футбольной и бейсбольной звезде, многое прощали, и он был вполне доволен своими тройками и редкими четверками по истории или ботанике. Он был азартный игрок и яростный соперник на поле, а в классе — рассеянный

мечтатель. Такой тип людей был знаком Джеку еще со времен его учебы в старших классах, педагогический опыт не играл здесь большой роли. Джордж Хэтфилд был истинный боец. В классе он держался тихо и незаметно, но, когда дело доходило до соперничества и соревнований, в нем что-то просыпалось (как в оживляющем Франкенштейне), он становился неистовым.

В январе Джордж с группой других ребят решили испытать себя на лоне полемики. С Джеком он был вполне откровенен. Отец его тогда работал адвокатом в акционерном обществе и хотел, чтобы сын пошел по его стопам. Сам Джордж, ни к чему не имевший особенных склонностей, не возражал. Оценки у него были отнюдь не лучшие, но в конце концов это был не колледж, а только частная школа для подготовки студентов, да и времени у него было еще предостаточно. А если дело пойдет, то отец нажмет нужные кнопки. Спортивные достижения могли бы, конечно, помочь ему. Но Брайан Хэтфилд считал, что сын должен заниматься искусством полемики. Это хорошая практика, а на юридических факультетах экзаменационные комиссии всегда приветствуют подобные вещи. Таким образом Джордж занялся дебатами в школе, а уже в конце марта Джек отстранил его.

В конце зимы диспуты между подгруппами раззадорили состязательный пыл Джорджа Хэтфилда. Он оказался одним из самых отчаянных спорщиков, яростно отстаивая свои «за» и «против». Предмет дискуссии был неважен — законность курения марихуаны, сохранение смертной казни, истощение нефтяных запасов. Джордж

вдруг разговорился, а так как он в сущности был достаточно беспринципен, то ему было все равно, чью сторону занимать в споре. Джек знал, что это редкое и ценное качество присуще полемистам высокого класса. А они — полемисты высокого класса — не столь уж отличаются от обычных крикунов; и те и другие страстно хотят одного — выиграть. Хотя в этом ничего ужасного в общем-то не было.

Но Джордж Хэтфилд заикался.

Нельзя сказать, что это сильно портило его. На занятиях это было незаметно, Джордж всегда был сдержан, собран (независимо от того, подготовился он к урокам или нет). На спортивной площадке этого тоже никто не замечал, разговоры там не приветствовались, а за лишнюю болтовню вообще могли выгнать с поля.

Заикание Джорджа проявлялось, когда его сильно задевали в споре. И чем больше он горячился, тем сильнее заикался. А когда оппонент был уже почти повержен, что-то как бы разрывалось между речевым центром и ртом, и он молча замирал, а время шло. Смотреть на него было больно.

— И-и-итак, я д-д-думаю, что ф-ф-факты, изложенные мистером Д-Д-Дорски, устарели, учитывая п-п-последние решения, п-п-принятые в...

Зазвенел таймер, и Джордж круто обернулся, с возмущением глядя на Джека, сидевшего рядом с часами. В такие моменты лицо Джорджа вспыхивало, руки нервно дрожали.

Джек продержал его в своей группе гораздо дольше некоторых зануд, надеясь, что Джордж справится с собой. Он вспоминал, как однажды днем, где-то за неделю до того, как Джек вы-

нужден был схватиться за топор, Джордж Хэтфилд подошел к нему после уроков и сердито начал:

— Вы п-п-передвинули часы вперед!

Джек просматривал свои бумаги и укладывал их в портфель.

— Джордж, о чем ты говоришь?

— Вы не п-п-предоставили мне полных п-пять м-минут. Вы передвинули стрелки. Я следил по своим часам.

— Часы и таймер могут иногда не совпадать, Джордж, впрочем, я не прикасался к циферблату. Слово чести.

— Нет, *прикасались*.

Своим воинственным видом, который говорил, что уж-он-то-постоит-за-себя, Джордж вызвал раздражение у Джека. Он уже два месяца как не пил, два долгих месяца, и поэтому был раздражителен.

Он сделал последнюю попытку сдержаться.

— Уверяю тебя, Джордж, я этого не делал. Все из-за твоего заикания. Как ты думаешь, почему оно возникает? Ведь обычно на уроках ты не заикаешься.

— *Я вообще не з-з-заикаюсь!*

— Не повышай голос.

— *Вы х-хотите избавиться от м-м-меня! Вы хотите, чтобы я бросил занятия!*

— Не повышай голос, я сказал. Давай все обсудим спокойно.

— К ч-ч-черту обсуждения!

— Джордж, если ты будешь следить за речью, я буду только рад заниматься с тобой. Общая подготовка у тебя неплохая, азы ты знаешь, поэтому с толку тебя сбить не так-то просто. Но

все это мало что будет значить, если ты не станешь следить за...

— Я н-н-никогда не заикался! — выкрикнул он. — Это все из-за вас! Если бы группой руководил кто-нибудь д-д-другой, я мог бы...

Джеку становилось все труднее сдерживаться.

— Джордж, ты никогда не достигнешь больших успехов на юридическом поприще, если не будешь себя контролировать. Юриспруденция — не футбол. А два часа занятий каждый вечер избавили бы тебя от этого. Ну, подумай, как ты будешь выглядеть в зале суда, когда скажешь: «Т-т-теперь, г-г-господа, об этом иске...»

Неожиданно он покраснел, но не от раздражения, а от стыда за свою злость. Перед ним ведь стоял не взрослый человек, а семнадцатилетний мальчишка, который впервые в жизни попал в переделку из-за своего недостатка и который, может, хотел, чтобы Джек как-то помог ему.

Джордж яростно смотрел на него, губы его прыгали и дрожали, с трудом выталкивая слова:

— Вы все это п-п-подстроили! Вы ненавидите м-м-меня, п-потому что... п-потому что... знаете... знаете...

С криком он выбежал из класса, хлопнув дверью так, что задрожали стекла. Джек остался стоять, он скорее почувствовал, чем слышал, как Джордж промчался по пустому коридору. Все еще пребывая во власти своего раздражения и сожалея о том, что обсмеял мальчишку, Джек ощутил какое-то болезненное ликование. Впервые в жизни Джордж Хэтфилд не мог получить того, чего хотел. Впервые в жизни папины день-

ги не могли его выручить. Взятку речевому центру у себя в голове не дашь. И языку своему не предложишь полсотни в неделю и премию к Рождеству, лишь бы он перестал дергаться, как иголка сломанного проигрывателя. Ликование сменилось приступом стыда, так же он почувствовал себя, сломав руку Дэнни.

Боже правый, я не подонок, умоляю...

Болезненное удовольствие, полученное от поражения Джорджа, больше соответствовало чувствам героя пьесы Денкера, чем чувствам автора Джека Торренса.

Вы ненавидите меня, потому что вы знаете...

Потому что он знает что?

Что такого мог он знать о Джордже Хэтфилде, что заставило бы его ненавидеть? Что у него все впереди? Что он немного похож на Роберта Редфорда, что все девушки замолкали, когда он, прыгая в бассейн с вышки, крутил двойное сальто? Что он с прирожденной грацией играл в европейский футбол или бейсбол?

Ерунда. Полная чушь. Ему не в чем было завидовать Джорджу Хэтфилду. Если уж говорить правду, то он переживал злосчастное заикание Джорджа едва ли не больше его самого, потому что парень действительно мог стать блестящим оратором. А если Джек передвинул стрелки таймера вперед,— а этого не было,— то это могло быть, потому что и он, и другие переживали за Джорджа, мучились так же, как мучаетесь вы, видя, что артист забыл текст. И если бы он передвинул стрелки вперед, то сделал бы это только ради того, чтобы выручить Джорджа из беды.

Но он таймер не трогал. В этом он был уверен.

Через неделю он отстранил Джорджа от занятий и на этот раз самообладания не терял. Все крики и угрозы сыпались только со стороны Джорджа. А еще через неделю Джек вышел как-то на стоянку, надо было взять из машины пачку пособий для учащихся. И там он увидел опустившегося на одно колено Джорджа, который вспарывал охотничьим ножом правую переднюю шину «фольксвагена». Задние были уже проколоты, и машина наклонилась набок, как маленькая, уставшая собачка.

Джек обезумел и позже с трудом мог рассказать, что последовало за этим. Вспоминал лишь, как из горла у него глухо вырвалось:

— Ладно, Джордж. Раз ты так этого хочешь, иди сюда и получи все, что тебе причитается.

Вспоминал дрожащего, испуганного Джорджа; тот говорил: «Мистер Торренс...», собираясь пуститься в объяснения, что все это недоразумение, что шины уже были проколоты, когда он очутился здесь, что он просто очищал покрышки от грязи кончиком этого кухонного ножа, который случайно оказался у него, и что он... Джек набросился на него с кулаками, возможно, даже ухмыляясь при этом, он точно не помнил.

Последнее, что осталось у него в памяти, — это Джордж с ножом в руках, который говорил: «Лучше не подходите...»

Следующая картинка — мисс Стронг, преподавательница французского, держит его за руки и пронзительно кричит: «Джек, прекрати! Прекрати! Ты убьешь его!»

В оцепенении он смотрел по сторонам. В нескольких метрах от него на асфальте безобидно

поблескивал охотничий нож. «Фольксваген», его верный потрепанный конь, закаленный во многих хмельных поединках, стоял на трех осевших шинах. На правом крыле виднелась свежая вмятина, в центре этой вмятины были какие-то пятна — то ли краска, то ли кровь. Он вдруг смутился, его мысли

(Господи Иисусе, я таки добрался до него) перепутались. Взгляд его упал на Джорджа. Тот лежал на асфальте в оцепенении. Прибежали его товарищи по группе и стояли, сбившись в кучку, взирая на Джорджа. На голове у Джорджа была довольно большая рана, лицо было в крови, кровь также текла из уха, возможно, он получил сотрясение мозга. Когда Джордж попытался встать, Джек вырвался от мисс Стронг и подошел к нему. Джордж съезжился. Джек наклонился и легонько толкнул Джорджа в грудь.

— Лежи спокойно, — сказал он, — не вздумай двигаться.

Джек обернулся к мисс Стронг, в ужасе глядевшую на них обоих.

— Пригласите, пожалуйста, школьного врача, мисс Стронг.

Она развернулась и направилась к школе. Затем Джек посмотрел на свою группу, посмотрел им прямо в глаза, потому что он снова контролировал обстановку, и не было теперь во всем Вермонте человека более славного, чем он. И они, конечно, знали это.

— Вы свободны, — обратился он к ребятам, — увидимся завтра.

К концу недели шестеро его слушателей ушли из группы, двое из них были из его класса, впрочем, это не имело особого значения, потому

что тогда ему уже сообщили, что он отстранен от занятий и уволен.

Но так или иначе, в пьянство он из-за этого не ударился, что уже немало.

А к Джорджу Хэтфилду он не питал ненависти. В этом он был уверен. Не он совершил поступок, а с ним произошел случай.

Вы ненавидите меня, потому что знаете...

Ничего он не знал. Ничего. Он мог бы поклясться на Библии, он мог присягнуть, что стрелки таймера он сдвинул бы не больше чем на минуту. И если бы сделал это, то не из ненависти, а из жалости.

Две осы лениво копошились чуть поодаль от своего гнезда.

Он следил за ними до тех пор, пока они не расправили свои непрочные с виду, но мощные крылышки и не поплыли в теплом октябрьском воздухе, намереваясь цапнуть еще кого-нибудь. Бог дал им жала, и Джек полагал, что они их применяют.

Сколько же он здесь просидел, глядя в эту щель, сулившую неприятные сюрпризы. Он посмотрел на часы — почти тридцать минут.

Джек подобрался к краю крыши, спустил сначала одну ногу, нащупал верхнюю ступеньку лестницы как раз под выступом крыши. Надо спуститься и взять в сарае яд для насекомых, упаковку которого он убрал на верхнюю полку, чтобы ее не достал Дэнни. Потом он опять вернется на крышу уже с ядовитым опрыскивателем, и тогда удивляться будет уже кто-то другой. Тебя могут ужалить, но и ты можешь ужалить в отместку. В это он свято верил. Через два часа гнездо превратится в комок жеваной бума-

ги, и Дэнни, если захочет, сможет держать его у себя в комнате — у него самого однажды в детстве было такое. Оно пахло дымком и немного керосином. Дэнни может положить его на полочку у изголовья. Вреда оно уже не причинит.

— Полегче стало.

Звук собственного голоса, раздавшийся в тишине, придал ему уверенность, хотя он и не собирался говорить вслух. Ему стало легче. Значит, можно из вялого состояния перейти в активное, можно проще воспринимать то, что чуть не свело его с ума, — просто как неприятный случай. И если есть место, где можно жить, так это здесь.

Он спустился по лестнице, чтобы взять распылитель. Они получают свое. Они заплатят за свои укусы.

У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

Две недели назад Джек обнаружил в глубине сарая огромное белое плетеное кресло и притащил его на крыльцо, несмотря на возражения Уэнди. Она утверждала, что это самая безобразная вещь на свете, которую ей приходилось видеть. Он восседал в нем, развлекаясь чтением романа Доктору «Трудные времена», когда его жена и сын подъехали к отелю на грузовичке.

Уэнди развернулась, припарковала машину, выключила двигатель. Один-единственный целый габаритный огонь погас. Машина «поворчала» еще немного и затихла. Джек покинул свое кресло и неторопливо пошел им навстречу.

— Пап, привет! — закричал Дэнни. Он бежал вверх по дорожке к дому. В руках у него была коробка. — Смотри, что мама мне купила!

Джек подхватил сына, покружил его и крепко поцеловал прямо в нос.

— Джек Торренс, Юджин О'Нил наших времен, американский Шекспир! — улыбалась Уэнди. — Немыслимо встретить вас здесь, в глуши, в горах!

— Я устал от толпы почитателей, мадам, — сказал он, обнимая ее. Они поцеловались. — Как съездили?

— Отлично. Дэнни жалуется, что я уж совсем растрясла его, зато мы ни разу не останавливались и... о, Джек, ты закончил с этим!

Она смотрела на крышу, Дэнни проследил за ее взглядом. Тень промелькнула по его лицу, когда он увидел свежие доски на крыше восточного крыла «Оверлука», они были чуть светлее,

чем остальная кровля. Потом он снова взглянул на коробку, которую держал, и лицо его прояснилось. То, что ночью ему показывал Тони, снова возникло перед глазами со всей ясностью, но сейчас, среди бела дня, это казалось не таким страшным.

— Пап, смотри, смотри!

Джек взял у него коробку. Это была сборная модель из серии «Монстры за рулем», одна из тех, которыми Дэнни всегда восхищался. И вот он изображен на коробке — «Неистовый Лило-вый Фольксваген» с длинными задними фарами, как у «кадиллака Куп де Виль» выпуска 1959 года. Крыша у «фольксвагена» была прозрачная, и сквозь нее был виден вцепившийся в руль огромный, весь в бородавках монстр, с выпученными красными глазами, с дикой ухмылкой, в гигантской жокейской кепке, надетой задом наперед.

Уэнди улыбалась, глядя на него, и Джек подмигнул ей.

— Что мне нравится в тебе, док, — сказал Джек, возвращая сыну коробку, — так это твой характер — спокойный, сдержанный, сосредоточенный. Ты, воистину, сын своего отца.

— Мама сказала, что ты поможешь мне собрать его, как только я научусь читать про Дика и Джейн.

— Я думаю, это будет уже в конце недели, — ответил Джек. — Ну, что еще припасено у вас в этом милом грузовичке, мадам?

— Ни-ни, — Уэнди потянула его в сторону. — Не заглядывать. Там есть кое-что для тебя. Мы с Дэнни сами с этим управимся. А ты забирай молоко, оно на полу в кабине.

— Вот как вы ко мне относитесь,— вскричал Джек, схватившись за голову.— Ломовая лошадь, обычная скотина во дворе. Неси это, возьми то, делай все.

— Вот и отнесите это молоко прямо на кухню, голубчик.

— Это уж слишком! — завопил он и растянулся на земле; Дэнни развеселился.

— Ну-ка вставай, буйвол,— сказала Уэнди, ткнув его кончиком ботинка.

— Видал? — обратился он к Дэнни.— Она назвала меня буйволом. Ты свидетель.

— Свидетель, свидетель! — радостно подтвердил Дэнни и перепрыгнул через распластавшегося отца.

Джек сел.

— Я кое о чем вспомнил. У меня тоже есть для тебя одна вещица, Дэнни. Там, на крыльце, рядом с пепельницей.

— А что это?

— Я забыл. Иди, посмотри.

Джек поднялся на ноги, и они вдвоем смотрели, как Дэнни промчался по лужайке и взлетел на крыльцо. Джек обнял Уэнди за талию.

— Ты счастлива, красавица?

Она помолчала.

— Я никогда еще не была так счастлива.

— Правда?

— Честное слово.

Он крепко обнял ее.

— Я люблю тебя.— Она была тронута и тоже обняла его. Нечасто Джек Торренс говорил такие слова — на пальцах можно было посчитать, включая и случаи до свадьбы.

— И я люблю тебя.

— Мама! Мам! — позвал с крыльца Дэнни. — Иди сюда! Ух ты! Вот это да!

— Что это? — поинтересовалась Уэнди, пока они с Джеком, держась за руки, шли к сыну.

— Забыл.

— Ну, ты получишь, — она толкнула его в бок, — вот увидишь.

— Надеюсь, что получу — сегодня вечером, — заметил он, и Уэнди засмеялась. Потом Джек спросил: — А Дэнни счастлив, как ты думаешь?

— Тебе лучше знать. Это вы ведь подолгу шепчетесь перед сном.

— Да, обычно о том, кем он хочет стать, когда вырастет, или о том, есть ли на свете Санта Клаус. Это его действительно волнует. Похоже, его старый приятель Скотт кое-что ему объяснил. Нет, про «Оверлук» Дэнни ничего мне не говорил.

— И мне тоже, — сказала она. Они поднимались по ступенькам. — Но в последнее время он так спокоен. И мне кажется, он худеет, правда, Джек?

— Он просто растет.

Дэнни стоял к ним спиной. Он что-то рассматривал на столике около плетеного кресла, но что именно, Уэнди не видела.

— Он ест хуже, чем обычно. Он всегда уплетал за обе щеки. Вспомни прошлый год.

— Они меняются, — неуверенно ответил Джек. — Кажется, я читал об этом у Спока. К семи годам снова понадобятся две вилки.

Они остановились на последней ступеньке.

— Ему с таким трудом дается чтение, — продолжала Уэнди. — Я вижу, что он старается, не хочет расстраивать нас... и тебя, — добавила она нехотя.

— Он понимает, что ему это надо,— сказал Джек.— А я его никогда не заставляю. Более того, я не хочу, чтобы он переутомлялся.

— Ты думаешь, будет глупо, если я отведу его к врачу? Здесь, в Сайдвиндере есть педиатр, мне говорили о нем в городе...

— Ты боишься, что выпадет снег?..

— Наверное. Если ты думаешь, что это зря...

— Нет, не зря. Вообще, ты можешь записать к врачу всех нас. Проверим свое здоровье и будем спать спокойно.

— Сегодня же позвоню врачу,— сказала она.

— Мам! Смотри, мама!

Дэнни подбежал к ней, держа в руках что-то серое. На какое-то мгновение Уэнди показалось, что это человеческий мозг. Потом она разглядела, что это, и непроизвольно отпрянула.

Джек удержал ее.

— Все в порядке. Всех, кто не успел смыться, я вытряс отсюда. А сначала я уничтожил их ядом.

Она смотрела на большое осиное гнездо, которое держал ее сын, но не прикасалась к нему.

— Ты уверен, что это не опасно?

— Абсолютно. У меня в детстве было такое в комнате. Мне его принес отец. Хочешь держать это у себя в комнате, Дэнни?

— Да! Сейчас же!

Он развернулся и влетел в тяжелые двойные двери. Было слышно, как он топает по главной лестнице.

— Осы там были,— сказала Уэнди.— Они тебя ужалили?

— Где моя рваная рана? — Он продемонстрировал свой палец. Опухоль уже начала спадать,

но Уэнди все равно легонько подула на палец и осторожно поцеловала.

— А ты вынул жало?

— Осы не оставляют жало. Только пчелы. У них загнутое жало. А у ос гладкое. Поэтому они опаснее. Они могут жалить снова и снова.

— Джек, ты точно уверен, что это не опасно?

— Я следовал инструкции на этом распылителе. Гарантируется, что яд убивает через два часа всех до единой осы, а потом распадается без остатка.

— Ненавижу.

— Что? Ос?

— Все, что жалится,— сказала Уэнди. Она поежилась.

— Я тоже,— и Джек крепко обнял ее.

ДЭННИ

Сидя внизу, в спальне, Уэнди слушала стрекотание пишущей машинки, которую Джек при- тащил из кабинета: она грохотала секунд три- дцать, потом замолкала на минуту-другую, по- слышались редкие щелчки. Это походило на стрельбу, доносившуюся издалека. Однако для нее эти звуки были музыкой. Джек не работал так стабильно очень давно, последний раз — на втором году их совместной жизни, когда его рассказ напечатал «Эсквайр». Он говорил, что надеется закончить пьесу к концу этого года, не важно, хорошо или плохо, и приступить к че- му-нибудь другому. Он говорил, что ему все рав- но, возымеет ли «Маленькая школа» успех, когда Филлис будет представлять ее издателям, или бесследно исчезнет, и Уэнди верила этому. Сам факт работы над пьесой, сам факт ее создания вселял в Уэнди необыкновенную уверенность, не потому, что она ждала успеха, а потому, что ее муж, казалось, медленно приближался к две- рям, за которыми таились какие-то исчадия. Он уже почти открыл эту дверь, но сейчас она снова захлопнулась.

И с каждым ударом пишущей машинки все крепче и крепче.

— Смотри, Дик, смотри.

Дэнни склонился над первым из пяти потре- панных букварей, которые Джек выкопал, безза- стенчиво перевернув полки десятков букинисти- ческих магазинов. По ним Дэнни должен был подготовиться к программе второго класса, тре-

бования к чтению были довольно строгие, Уэнди говорила об этом Джеку. Они знали, что их сын способный мальчик, но форсировать занятия было бы ошибкой. Джек согласился. Заставлять и подгонять его они не будут. Но, если ребенок хорошо усваивает программу, надо идти ему навстречу. Пожалуй, и в этом Джек оказался прав.

Дэнни четыре года смотрел по телевизору занимательные учебные передачи, сначала для самых маленьких, потом для дошкольников, и сейчас схватывал все с почти пугающей скоростью. Это беспокоило Уэнди. Он скорчился над безобидными маленькими книжками, а его транзисторный приемник и деревянный планер покоились на полке, как будто жизнь Дэнни зависела от того, научится он читать или нет. Его маленькое личико под теплым уютным светом настольной лампы казалось ей напряженным и бледным. Слишком ответственно он относился к чтению и заданиям, которые на отдельных листочках каждый день писал ему отец. Например, нарисовано яблоко и персик. Внизу четко, крупно написано — ЯБЛОКО. Задание — обведи соответствующий слову рисунок. И вот их сын смотрит то на картину, то на буквы, губы его шевелятся, он выговаривает по слогам слово. В пухлом кулачке толстый красный карандаш, и он сам может уже написать десятка три слов.

Сейчас пальцем он медленно водит по строчкам в учебнике. Уэнди смутно вспоминает, что лет двадцать назад, когда она сама училась, картинки в букваре были те же самые. Кудрявый темноволосый мальчик смеется. Кудрявая светловолосая девочка в коротком платьице держит

в руках скакалочку. Собачонка скачет за красным мячиком. Азбучное триединство. Дик, Джек и Джип.

— Вот бежит Джип,— медленно читал Дэнни.— Беги, Джип, беги. Беги, беги.— Он сделал паузу, передвинул пальчик на следующую строчку.— Вот...— Дэнни склонился еще ниже над книгой, почти касаясь ее носом. Вот...

— Не наклоняйся так низко, док,— мягко сказала Уэнди.— Глаза заболят. Это...

— Не подсказывай мне! — резко выпрямился Дэнни. В голосе слышалась досада.— Не подсказывай, мама, я сам.

— Хорошо, милый,— сказала она.— Но не стоит так волноваться. Не надо.

Не обращая на нее внимания, Дэнни снова склонился над книгой. Выражение его лица походило на выражение лица юного спортсмена перед ответственным стартом. Уэнди нравилось это все меньше и меньше.

— Вот... М, Я-а, Ч-е. Вот МЗЯЧЕ? Вот мзяче! МЯЧ! — Яростный восторг в голосе. Неистовость эта испугала Уэнди.— ВОТ МЯЧ!

— Правильно,— сказала она.— Милый, мне кажется, на сегодня хватит.

— Мам, ну еще пару страничек? Пожалуйста!

— Нет, док,— она закрыла книжку.— Пора спать.

— Ну, пожалуйста.

— Дэнни, не приставай ко мне с этим. Мама устала.

— Ладно,— и он с тоской посмотрел на букварь.

— Иди, поцелуй папу, а потом умываться. Не забудь зубы почистить.

— Ага.

И он нехотя поплелся, их маленький мальчик в пижамных штанишках и в большой фланелевой фуфайке с нарисованным футболистом спереди и надписью «Патриоты Новой Англии» сзади.

Пишущая машинка перестала стрекотать, и Уэнди услышала звонкий поцелуй.

— Спокойной ночи, папа.

— Спокойной ночи, док. Как ты?

— Ничего. Мама меня остановила.

— Мама права. Уже полдевятого. Идешь умываться?

— Ага.

— Хорошо. У тебя из ушей растет картошка. И лук, и морковка, и зелень, и...

Дэнни со смехом отправился в ванную, дверь закрылась, щелкнула. Он всегда уединялся в ванной, хотя ни Уэнди, ни Джек особенно к этому его не приучали. Еще один признак, что он совершенно индивидуальная личность, а не точная копия одного из родителей или обоих вместе. Уэнди было немного грустно от этого. Когда-нибудь ее малыш станет совсем далеким, а она будет далека от него... но не так, как была далека она со своей матерью. Господи, пусть все будет по-другому. Пусть он и взрослый любит свою мать.

Пишущая машинка отрывисто защелкала. Она все сидела около письменного стола Дэнни и задумчиво разглядывала его комнату. Крыло планера было тщательно приклеено. На столе возвышались кипы книжек, потрепанных коми-

ксов, альбомов, валялись карандаши. Сверху всего этого красовалась коробка с новой машиной. Они соберут эту модель завтра вечером или послезавтра, ну уж в конце недели обязательно. Картинки, изображающие Винни-Пуха, Иа-Иа и Кристофера Робина, были аккуратно приколоты на стенке, очень скоро, наверное, их заменят плакаты и фотографии обалдевших от травки и допинга рок-звезд. От невинности до жизненного опыта совсем недалеко. Такова уж природа человека, дружок. Мотай на ус. И все равно грустно. На следующий год Дэнни пойдет в школу, и половина, если не больше, его будет принадлежать товарищам. Они с Джеком подумывали одно время о втором ребенке, когда дела в Стовингтоне шли более-менее стабильно. Но сейчас она снова стала принимать противозачаточные таблетки. Так все неопределенно. Один Бог ведает, где они будут через девять месяцев.

На глаза ей попало осиное гнездо. Оно занимало самое почетное место в комнате и покоилось на большой пластиковой тарелке на столике у изголовья. Уэнди не нравилось это гнездо даже пустое. Вдруг оно какое-нибудь заразное, она хотела поговорить об этом с Джеком, но потом решила, что он будет смеяться над ней. Лучше завтра спросить об этом доктора, если удастся поговорить с ним один на один, без Джека. Ей не нравилась эта штука, сооруженная с помощью «челюстей» и слюны крошечных созданий, ей не нравилось, что эта штука будет рядом с ее спящим сыном.

Вода в ванной все лилась, Уэнди встала и пошла через спальню посмотреть, все ли в поряд-

ке. Джек даже головы не поднял, он был погружен в мир своей пьесы, взгляд прикован к машинке, в зубах зажата сигарета.

Она легонько стукнула в дверь ванной комнаты:

— Как ты там, док? Не спишь?

Никакого ответа.

— Дэнни?

Никакого ответа. Она толкнула дверь — заперто.

— Дэнни! — Уэнди забеспокоилась. Ей стало не по себе от отсутствия всяких звуков, кроме текущей воды. — Дэнни! Милый, открой дверь. .

Никакого ответа.

— Дэнни!

— Черт побери, Уэнди, ты всю ночь собираешься ломиться в дверь?

— Дэнни заперся изнутри и не отвечает!

Джек встал из-за стола, теряя терпение. Он коротко и сильно стукнул в дверь.

— Открывай, Дэнни. Шутки закончились.

Никакого ответа. Джек постучал сильнее.

— Кончай дурить, док. Раз пора спать, значит, пора спать. Если не откроешь, задам трепку.

Он начинает терять самообладание, подумала Уэнди и испугалась еще больше. Дэнни он не трогал с того вечера два года назад, а сейчас, судя по голосу, он мог сорваться.

— Дэнни, дружок, — начала она. Никакого ответа. Только вода льется.

— Дэнни, если из-за тебя придется ломать дверь, будь уверен, что сидеть ты долго не сможешь, — предупредил Джек.

Ничего.

— Ломай,— сказала она, и вдруг говорить стало трудно,— быстро.

Он саданул ногой по двери около ручки. Замок был слабый, он тут же хрустнул, и дверь распахнулась, стукнулась о стенку и тут же отскочила от нее.

— Дэнни! — вскрикнула Уэнди.

Вода со всей силой хлестала в раковину. Рядом валялся открытый тюбик зубной пасты. Дэнни сидел на краешке ванны, в левой руке слабо была зажата зубная щетка, вокруг рта пенилась паста. Он отрешенно глядел в зеркало над умывальником. На лице застыло выражение ужаса, и первая мысль Уэнди была, что с ним что-то вроде эпилептического припадка, что у него, может, западает язык.

— Дэнни!

Дэнни не отвечал. Из горла его доносились гортанные звуки.

Вдруг ее отшвырнуло в сторону так, что она ударилась о решетку для сушки — это Джек рванулся к сыну, упал на колени перед ним.

— Дэнни,— позвал он.— Дэнни, Дэнни! — Джек пощелкал пальцами перед его невидящими глазами.

— Ах, конечно,— выговорил Дэнни.— Турнир. Игра. Бить. Гр-р...

— Дэнни!..

— Роук! — вдруг низким, почти мужским голосом сказал Дэнни.— Роук. Бить. У молотка два конца. Га-а-а-а...

— Господи, Джек, ЧТО С НИМ ПРОИСХОДИТ?

Джек схватил мальчика за плечи и хорошенько встряхнул. Голова его вяло дернулась из сто-

роны в сторону, как воздушный шарик на палочке.

— Роук. Молоток. Редрэм.

Джек встряхнул его еще раз, и вдруг глаза Дэнни прояснились. Зубная щетка выпала из ручки и тихо стукнулась об пол.

— Что? — спросил он, озираясь. Папа перед ним на коленях, мама привалилась к стенке. — Что? — с нарастающей тревогой повторил Дэнни. — Чт-т-то с-с-с-случ...

— *Не заикайся!* — вдруг выкрикнул Джек прямо ему в лицо. Дэнни испустил вопль, тельце его напряглось, он попытался вырваться из рук отца и вдруг разрыдался. Пораженный Джек крепко прижал его к себе. — Ох, милый мой, прости. Прости меня, док. Ну, пожалуйста. Не плачь. Прости меня. Все хорошо.

Вода все хлестала в раковину. Уэнди вдруг показалось, что ей снится жуткий кошмарный сон, что время пошло вспять и опять перед нею пьяный муж, который сломал сынишке руку, а потом бормотал над ним точно такие же слова.

(Ох, милый мой. Прости меня. Прости меня, док. Ну, пожалуйста, прости.)

Она подбежала к ним, выхватила из рук Джека Дэнни (лицо мужа выражало сердитое недовольство, но это они после обсудят), прижала его к себе и унесла в маленькую комнату.

Ручки Дэнни крепко обвились ей шею. Джек поплелся за ними. Она уложила Дэнни в кровать, села рядом и стала баюкать его, успокаивая немного нелепыми ласковыми словами. Уэнди посмотрела на Джека, но теперь в его глазах было только беспокойство. Джек вопросительно

поднял брови, она едва заметно качнула головой.

— Дэнни,— говорила она.— Дэнни, Дэнни, Дэнни. Все хорошо, док. Все прошло.

Наконец Дэнни успокоился, он только тихонько вздрагивал. Однако заговорил он сначала с Джеком, который тоже сел рядом, и она почувствовала знакомую (он первый, он всегда первый) вспышку ревности. Джек накричал на сына, она успокоила его, и все же именно отцу Дэнни сказал:

— Прости, я плохо себя вел.

— Ты ни в чем не виноват, док,— Джек взъерошил его волосы.— Так что все-таки случилось? Дэнни растерянно пожал плечами.

— Я... не знаю. Па, а почему ты говорил не заикаться? Я и не заикался.

— Да нет, конечно,— горячо сказал Джек, а у Уэнди опять все сжалось внутри — Джек выглядел таким испуганным, как будто явилось перед ним чудовищное видение.

— Что-то еще про таймер...— пробормотал Дэнни.

— *Что-о?* — подался вперед Джек, и Дэнни вздрогнул в объятиях матери.

— Джек, ты пугаешь его! — Голос ее был резким, осуждающим. До нее вдруг дошло, что они все испуганы. Но чем?

— Я не знаю, не знаю,— повторял Дэнни отцу.— Что я говорил, папа?

— Да ничего,— невнятно ответил Джек. Из заднего кармана он вытащил носовой платок и вытер им рот. Уэнди почувствовала дурноту — снова время пошло вспять. Именно этот

жест она прекрасно помнила с той поры, когда он пил.

— А почему ты заперся, Дэнни? — мягко спросила она. — Почему?

— Это Тони, — сказал мальчик. — Меня Тони попросил.

Они с Джеком незаметно переглянулись.

— А что Тони тебе сказал, сынок? — спокойно поинтересовался Джек.

— Я чистил зубы и думал о том, как я читаю. Долго думал. И... и увидел там, в зеркале, Тони. Он сказал, что ему снова надо показать мне...

— То есть он стоял сзади тебя? — спросила Уэнди.

— Нет, он был *ВНУТРИ* зеркала, — Дэнни выделил этот момент. — Он был совсем внутри. Тогда и я пошел туда, к нему. А потом я помню только, как папа тряс меня за плечи, и я подумал, что я опять плохо себя вел.

Джек отшатнулся, как от удара.

— Нет, док, — тихо сказал он...

— Тони просил тебя запереть дверь? — спросила Уэнди, теребя его волосы.

— Да.

— А что он показал тебе?

Дэнни весь сжался, каждый мускул его тела, казалось, напрягся, как струна.

— Я не помню, — нервно заговорил он. — Я не помню. Не спрашивайте меня! Я... *Я НИЧЕГО НЕ ПОМНЮ!*

— Ш-ш-ш, — забеспокоилась Уэнди, она снова стала его укачивать. — Ничего страшного, что не помнишь, совсем ничего страшного.

Дэнни снова начал успокаиваться.

— Может, посидеть с тобой? Хочешь, прочитаем?

— Нет. Только включи маленькую лампочку,— он взглянул на отца.— Па, останься? На минуточку?

— Конечно, док.

Уэнди вздохнула.

— Я буду в гостиной, Джек.

— Ладно.

Она встала, посмотрела на свернувшегося под одеялом Дэнни. Он казался таким маленьким.

— Дэнни, все в порядке, точно?

— Да, мам, в порядке. Включи только лампочку.

— Конечно.

Она включила ночник в форме спящего в собачьей будке щенка. Дэнни ни разу со времени приезда в «Оверлук» не просил ночью включать свет, и вот, пожалуйста. Уэнди выключила верхний свет и настольную лампу, посмотрела на них обоих: белеет маленькое личико Дэнни, а над ним Джек. Поколебавшись секунду,

(тогда и я пошел туда, в зеркало)

она тихо вышла.

— Будем спать? — спросил Джек, убирая со лба сына волосы.

— Ага.

— Водички хочешь?

— Нет...

Они помолчали несколько минут. Дэнни затих в его руках. Думая, что мальчик уже уснул, Джек собрался было встать и тихонько уйти, как вдруг Дэнни сказал сквозь сон.

— Роук.

Джек резко повернулся, душа его ушла в пятки.

— Дэнни?..

— Ты никогда не сделаешь больно маме, правда, пап?

— Нет.

— А мне?

— Нет.

Опять молчание.

— Пап?

— Что?

— Тони приходил и говорил мне про молоток.

— Да? А что он говорил?

— Да я толком не помню. Кроме того, что это нужно для подачи. Ну, как в бейсболе или крокете. Смешно, правда?

— Ага.— Сердце Джека бешено колотилось. Откуда у парня это в голове? Откуда он знает про крокет?

— Пап? — совсем засыпая, позвал Дэнни.

— Что?

— Что такое редрэм?

— Редрэм? Похоже, что-то туземное. Или название индейского племени.

Тишина.

— Эй, док?

Но Дэнни уже спал, дыша мерно и спокойно. Джек посидел еще немного рядом и вдруг ощутил невероятный прилив нежности.

Зачем же он так кричал на него? Совершенно естественно, что мальчик немного заикался. Дэнни выходил из оцепенения, как бы сбрасывая с себя роковое заклинание, и в такой ситуации заикание было совершенно естественным.

Совершенно. И он не говорил слово «таймер». Это было что-то другое, бессмысленное, невнятное.

А откуда он узнал об ударах в крокете? Кто-то говорил ему? Кто — Хэллоранн, Ульман? Он посмотрел на свои руки. Они были судорожно сжаты в кулаки,

(Господи, мне надо выпить)

и ногти почти врезались в ладони, оставляя глубокие борозды. Он с трудом разжал их.

— Я люблю тебя, Дэнни, — прошептал он. — Клянусь небом, люблю.

Джек вышел из комнаты. Опять он вышел из себя, совсем чуть-чуть, однако достаточно, чтобы почувствовать дурноту и страх. Выпивка сняла бы все эти ощущения. Сняла бы и это

(что-то про таймер)

и все остальное.

Ошибки не было. Никакой ошибки. Каждое слово звучало гулко и четко, как колокол. В гостиной он замешкался, оглянулся и автоматически вытер губы носовым платком.

* * *

Их силуэты едва видны были в полумраке ночника. Уэнди в одном белье подошла к кровати Дэнни, поправила сбившееся одеяло. Джек стоял в дверях, увидя, что она губами прикоснулась к его лбу, спросил:

— У него жар?

— Нет. — Уэнди поцеловала сына в щеку.

— Слава Богу, что ты на завтра записала его к врачу, — сказал Джек, когда она подошла к двери. — Думаешь, это толковый врач?

— В городе так говорят. Это все, что я знаю.

— Если что-то не так, Уэнди, я отправлю вас с ним к вашей матери.

— Нет.

— Да, я знаю, как ты к этому относишься, — обнимая ее, сказал он.

— Ты не знаешь, как я отношусь к ней.

— Уэнди, больше мне некуда вас отправить. Ты же знаешь.

— Если бы ты поехал...

— Без этой работы нам конец, — просто сказал он. — Ты же знаешь.

Тень ее слабо кивнула. Она знала это.

— Когда я первый раз говорил с Ульманом, я думал, он просто болтает языком. А теперь я не уверен. Может, правда, не стоило вас сюда тащить. За тридцать земель.

— Я тебя люблю, — сказала она. — Дэнни тебя любит больше, чем можно себе представить. Он будет просто убит, Джек. Просто убит, если ты отправишь нас отсюда.

— Ну, не надо так.

— Если врач найдет какие-нибудь отклонения, я постараюсь найти работу в Сайдвиндере, — продолжала Уэнди. — Не найду в Сайдвиндере, мы с Дэнни поедем в Боулдер, но к матери я не могу ехать. И вовсе не из-за... Не спрашивай меня. Ну, не могу я.

— Боюсь, что понимаю тебя. Выше нос. Может, все не так плохо.

— Может быть.

— Мы записаны на два часа?

— Да.

— Давай оставим дверь открытой, Уэнди.

— Я так и хотела. Но мне кажется, он будет теперь спать спокойно.

Но он не спал спокойно.

* * *

Бух... Бух... Бух... бух... бух... БУХБУХ...

По бесконечному лабиринту коридоров он убегает от тяжелых, сокрушительных, гулких ударов, его голые пятки едва касаются мягкого черно-синего ворса. Он слышит, как молоток грохочет о стену где-то совсем рядом, и с каждым ударом ему хочется пронзительно закричать. Но кричать нельзя. Нельзя. Крик выдаст его, и тогда

(РЕДРЭМ)

(НУ-КА, выходи, маленькое дерьмо, прими лекарство!)

О... и он уже слышит, как обладатель этого голоса все ближе, ближе, несется через холл, как тигр в чудовищных черно-синих джунглях. Как людоед.

(А НУ ВЫХОДИ, ТЫ, МАЛЕНЬКОЕ ДЕРЬМО!)

Добраться бы только до лестницы, только выбраться с четвертого этажа, тогда все обойдется. Пусть даже на лифте придется ехать. Если бы он мог вспомнить то, что забыл. Но кругом тьма, и от ужаса он потерял ориентацию. Он бежал по коридорам, сворачивал раз, другой, третий, сердце горячим комком колотилось где-то в горле; и на каждом повороте он страшился столкнуться лицом к лицу с этим тигром в человеческом обличье.

Грохот уже совсем близко, слышится дикое рычание, свист рассекающего воздух молотка, *(Молоток... роук... молоток... роук... редрэм)* треск от удара по стене. Он летит над мягкими зарослями ковра. Паника наполнила его рот чем-то приторным до омерзения.

(ты вспомнишь все, что забыл... но что? что забыл?)

Он сделал еще один поворот и с животным ужасом обнаружил, что попал в тупик. С трех сторон от него возвышались запертые двери.

Западное крыло. Он очутился в западном крыле. Сюда с улицы доносились стоны и завывания бури, казалось, она сама сейчас захлебнется своими вихрями. Он попятился к стене, рыдая от ужаса, сердце его трепыхалось, как у загнанного зверя. Когда спиной он наткнулся на тисненные светло-голубые обои на стенке, ноги отказали ему, он рухнул на ковер, руки распластались среди ворсистого переплетения лиан на ковре, дыхание было свистящим, шумным.

Громче. Громче.

Тигр уже в холле, тигр уже здесь, за поворотом, кричит в кровожадном вожделении, с грохотом лупит молотком по стенам, тигр этот о двух ногах и это...

Внезапно, на каком-то судорожном выдохе он проснулся, резко сел, вглядываясь в темноту, прикрывая руками голову.

Что-то на руке. Что-то ползает.

Осы. Три штуки.

Они ужалили его, казалось, все три разом, и это после такого кошмара; в темноте он истерически закричал, осы облепили его левую руку и вонзали свои жала снова и снова.

Вспыхнул свет, перед ним возник папа в нижнем белье; с безумными глазами, сонная и перепуганная мама.

— *Уберите их!* — визжал Дэнни.

— О Господи! — выговорил Джек. Он понял.

— Джек, что происходит? *ЧТО ПРОИСХОДИТ?* — Не отвечая ей, он ринулся к кровати, схватил подушку и принялся лупить ею по левой ручке мальчика. Еще. Еще раз. Уэнди увидела, как к потолку со слабым жужжанием неуклюже взлетели какие-то насекомые.

— Бери журнал! — крикнул он ей через плечо. — Бей их!

— Осы? — проговорила она; еще мгновение Уэнди приходила в себя, осознавая происходящее. Наконец все встало на свои места.

— Осы, о Боже, Джек, но ты же...

— *Заткнись и бей их!* — прорычал он. — *Делай, что говорю!*

Одна из ос опустилась на письменный стол. Уэнди схватила какой-то альбомчик и прихлопнула насекомое. Осталось лишь бурое липкое пятно.

— Вон еще одна на занавеске, — сказал Джек. Схватив Дэнни на руки, он выбежал из комнаты.

Он принес мальчика в спальню, уложил его под мамино одеяло.

— Лежи тихо, Дэнни. Не вставай, пока я не скажу. Понял?

Дэнни кивнул, его лицо было распухшим, с дорожками слез.

— Ты у меня храбрый мальчик.

Джек помчался через гостиную на лестницу. Сзади доносились хлопки журнала, затем слы-

шался вскрик жены. Не останавливаясь, он ринулся вниз по лестнице. Через темный вестибюль, через кабинет Ульмана он бежал на кухню, на ходу стукнулся бедром об жесткий угол какого-то стола, даже внимания не обратив на это. Включил верхний свет на кухне, подбежал к мойке. Рядом на сушке громоздилась посуда, вымытая с вечера. С самого верха он схватил большую кастрюлю из огнеупорного стекла, что-то полетело на пол, разбилось. Не обращая на это внимания, Джек развернулся и ринулся обратно — через кабинет, вверх по лестнице.

Уэнди, тяжело дыша, стояла у входа в комнату Дэнни. Лицо ее было молочно-белым, глаза расширились и блестели, завитки волос на шее взмокли.

— Я их всех побила, — вяло сказала она, — одна меня ужалила. Джек, ты же говорил, они все передохли от яда. — Уэнди начала плакать.

Молча он прошел мимо нее к кровати. Все тихо. Никого нет. Ни в гнезде, нигде. Он накрыл гнездо прозрачной толстостенной кастрюлей.

— Ладно, — сказал он, — пошли. — Они вернулись в спальню.

— Куда она тебя?

— Сюда... в запястье.

— Покажи.

Она протянула руку. Прямо над запястьем зияла маленькая круглая дырочка. Кожа вокруг вспухла.

— У тебя есть аллергия на укусы насекомых? — спросил Джек. — Подумай! Если есть

у тебя, может быть и у Дэнни. Эти сволочи цапнули его пять или шесть раз.

— Нет,— спокойно ответила Уэнди,— я просто их ненавижу, и все. *НЕНАВИЖУ*.

Дэнни сидел в кровати, держась за свою левую ручку и глядя на родителей. Глаза его, расширенные от перенесенного потрясения, смотрели вопросительно.

— Па, ты говорил, что убил их всех. Рука... сильно болит.

— Давай посмотрим, док... нет-нет, трогать я не буду. А то будет еще больнее. Подержи вот так.

— Ох, Дэнни, ох, твоя бедная ручка,— простонали они с Уэнди.

Позже врач насчитает одиннадцать укусов. А сейчас они видели лишь россыпь красных маленьких дырочек, как будто на пальцы и ладошку насыпали красного перца. Начался отек. Ручка мальчика вздулась, как в том мультфильме про Багза Банни и Даффи Дака, когда они дубасили себя молотком.

— Уэнди, принеси одеколон из ванной,— сказал Джек.

Она вышла, а он сел рядом с сыном и обнял его за плечи.

— Вот сбрызнем одеколоном, а потом я возьму «ПолярOID» и сделаю несколько снимков твоей руки, док. А ты спать будешь теперь у нас, хорошо?

— Хорошо,— сказал Дэнни.— А зачем фотографии?

— А мы их сунем кое-кому под нос — вместе с судебным иском.

Появилась Уэнди с флакончиком одеколона в аэрозольной упаковке, напоминавшей огнетушитель.

— Это не больно, милый,— сказала она, отвинчивая пробочку.

Дэнни вытянул руку, и она щедро набрызгала на нее одеколон. Дэнни перевел дух.

— Больно?

— Нет, сейчас получше.

— Теперь вот это. Разгрызи их.— Она дала ему пять таблеток детского сладкого аспирина. Дэнни посмотрел на них и одну за одной отправил в рот.

— Не много ли аспирина ты ему даешь? — спросил Джек.

— Столько укусов! — резко сказала она.— Пойди и уничтожь это гнездо, Джек Торренс. Сейчас же.

— Одну минуточку.— Джек достал из верхнего ящика комода «Полароид» и несколько кассет.

— Джек, что ты делаешь? — нервно спросила Уэнди.

— Он будет фотографировать мою руку,— серьезно заявил Дэнни,— а потом сунем их кое-кому под нос вместе с судебным иском, так, папа?

— Так,— жестко сказал Джек. Он вложил кассету в камеру.— Подержи-ка руку, сынок. За каждый укус мы слупим с них по пять тысяч долларов.

— О ЧЕМ ты говоришь? — сорвалась на крик Уэнди.

— Я тебе объясню. Я соблюдал все инструкции на этом чертовом распылителе. И теперь

я предъявлю им иск. Эта дрянь была неисправна. Иначе быть не может. Как иначе можно все это объяснить?

— О,— лишь слабо вымолвила она.

Джек сделал четыре кадра, передавая готовые карточки Уэнди, чтобы она по своим часам-медальону поставила на каждой время. Дэнни, вдохновленный тем обстоятельством, что его искусанная рука стоит теперь несколько тысяч долларов, немного успокоился и заинтересовался. Рука слабо дрожала, немного болела голова. Джек убрал фотоаппарат и разложил готовые карточки на подзеркальнике просохнуть. Уэнди спросила:

— Может, нам сегодня поехать к врачу?

— Ну, пока он не очень мучается,— ответил Джек.— Если у человека аллергия на осиный яд, это проявляется через полминуты.

— Проявляется? То есть?

— Обморок. Или судороги.

— О! Боже мой! — Она поежилась, лицо стало серо-белым.

— Ну, как ты, сынок? Спать будешь?

Дэнни утвердительно опустил глаза. Кошмар уже притупился в памяти, покрылся пеленой в дебрях его сознания. Однако испуг остался.

— Я с вами только буду спать.

— Конечно,— сказала Уэнди.— Милый, прости.

— Ничего, мам.

Она опять начала плакать, Джек положил ей руку на плечи.

— Уэнди, уверяю тебя, я точно следовал инструкции.

— Ты избавишься теперь от этой пакости?
Прошу тебя!

— Ну, конечно.

Они все забрались в кровать, и Джек уже собирался выключить свет, но вдруг снова откинул одеяло.

— Хочу еще и гнездо сфотографировать.

— Давай скорее.

— Ага.

Он достал из ящика камеру и последнюю кассету и, выходя, сделал Дэнни жест *о'кей*. Дэнни улыбнулся и ответил таким же жестом.

«Ну и досталось же малому, — подумал Джек, идя в комнату Дэнни, — сначала одно, потом другое».

Верхний свет еще горел. Джек направился к постели, и, когда взгляд его упал на столик у изголовья, волосы зашевелились у него на голове и мурашки побежали по коже. Гнездо едва виднелось под прозрачными стенками кастрюли. А вся ее внутренняя поверхность была покрыта копошащимися осами. Сколько их было, трудно сказать. Может, пятьдесят. Может, сто.

Сердце глухо стучало в груди. Он сделал несколько снимков, подождал, пока они проявятся. Ладонью вытер пот. Внутри у него крутилась одна и та же мысль,

(ТЫ ВЫШЕЛ ИЗ СЕБЯ, ТЫ ВЫШЕЛ ИЗ СЕБЯ)

вызывавшая почти суеверный ужас. Они вернулись. Он уничтожил ос, но они вернулись. Глубоко внутри он слышал, как кричит в перепуганное, плачущее лицо сына: «НЕ ЗАИКАЙСЯ!»

Он опять вытер ладонью рот.

Затем порывлся в ящиках письменного стола и вытащил большую картонную коробку с детской игрой. Поставив крышку вровень с прикроватным столиком, осторожным движением сдвинул на нее кастрюлю с гнездом внутри. Осы сердито жужжали в этой ловушке. Потом, крепко придерживая картонную крышку и кастрюлю, он вышел в гостиную.

— Джек, ты идешь спать? — спросила Уэнди.

— Пап, ты идешь спать?

— Мне надо вниз на минутку, — с напускной легкостью сказал он.

КАК ЭТО МОГЛО СЛУЧИТЬСЯ? КАК, БОЖЕ ПРАВЫЙ?

Распылитель, бесспорно, не был поддельным. Он видел густую струю белого дыма, которая вырвалась из сорванного кольца. А два часа спустя он вытряс из гнезда целую гору погибших насекомых.

ТОГДА ПОЧЕМУ? САМОПРОИЗВОЛЬНАЯ РЕГЕНЕРАЦИЯ?

Бред какой-то. Страшные сказки XVII века. Насекомые не регенерируют. Даже если из личинок за двенадцать часов могут вывести взрослые особи, то уж не в это время года, matka ос сейчас не функционирует. Такое может быть в апреле, в мае. Осень для них время гибели.

Как живое опровержение этому, осы злобно жужжали под крышкой. Со своей ношей Джек спустился по лестнице, прошел через кухню. В дальнем конце ее была дверь на улицу. Студеный ночной ветер прохватил его до костей, ноги окоченели на бетонной площадке, куда в разгар сезона ставили доставленные молочником бидо-

ны. Джек осторожно опустил на землю прикрытое кастрюлей гнездо. Потом глянул на висевший рядом термометр — столбик ртути показывал минус семь градусов по Цельсию. Такой мороз к утру погубит их. Он закрыл за собой дверь, подумал... и запер ее. Он снова прошел через кухню, потушил свет. Постоял немного в темноте. Хотелось выпить. Вдруг отель оказался полон каких-то непонятных звуков: скрипы, стоны, завывания ветра под крышей, где таилось еще много осиных гнезд.

Они вернулись.

И неожиданно он осознал, что не нравится ему в «Оверлуке», как будто это не осы искусили его сына, осы, таинственным образом пережившие «химическую атаку», а будто это был сам отель.

Последняя мысль, перед тем как подняться к жене и сыну, была

*(ТЕПЕРЬ ТЫ БУДЕШЬ ДЕРЖАТЬ СЕБЯ
В РУКАХ. В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ)*
непоколебимой, ясной, четкой.

У ВРАЧА

Раздетый до трусов Дэнни Торренс лежал на столе, на котором врачи обычно осматривают пациентов, и казался очень маленьким. Он смотрел на доктора Эдмондса («Зови меня просто Билл»), который катил перед собой какую-то огромную черную штуковину. Дэнни таращил глаза, чтобы разглядеть, что же это такое.

— Да ты не бойся, дружок. Это всего лишь наш электроэнцефалограф. Он тебе боли не причинит, — сказал Билл Эдмондс.

— Электро... Что?

— Для краткости мы называем его ЭЭГ. Вот я сейчас приделаю к твоей голове пучок проводов — да нет, я не стану их туда втыкать, а просто прилеплю, там, где нужно, и на этом устройстве мы запишем волны твоего мозга...

— Как в фильме «Человек за шесть миллионов долларов»?

— Приблизительно. А ты хотел бы походить на Стива Остина, когда вырастешь?

— Нет, нет, — ответил Дэнни, пока сестра прилаживала датчики к аккуратно выбритым крохотным участкам на его голове.

— ЭЭГ может рассказать нам много интересного, Дэнни.

— Вроде чего?

— Ну, к примеру, нет ли у тебя эпилепсии. Это когда возникают проблемы...

— Да-а! Я знаю, что такое эпилепсия.

— В самом деле?

— Конечно! Когда я жил в Вермонте, у нас в детском саду был мальчик, больной эпилепсией. Ему не разрешалось пользоваться вспышкой.

— Вспышкой? Что ты имеешь в виду, Дэн? — Доктор Эдмондс повернулся к ЭЭГ: тонкие линии побежали по бумаге записывающего устройства.

— Это аппарат, на нем много разноцветных лампочек. Когда его включаешь, они вспыхивают, но не все. Нужно сосчитать зажегшиеся лампочки. Если нажмешь правильную кнопку, аппарат отключается. Брент, так звали этого мальчика, им пользоваться не мог.

— Видимо, потому, что яркие вспышки вызывали у него приступ эпилепсии?

— Вы имеете в виду, что его могла шибануть падучая?

Доктор и сестра обменялись удивленным взглядом.

— Сказано не очень элегантно, зато точно.

— Что?

— В принципе все правильно, только лучше употребить выражение «мог начаться приступ» вместо «шибанет падучая». Ладно! Теперь лежи немного тихо, как мышка.

— О'кей!

— Дэнни, когда у тебя начались эти... Ну, что бы это ни было. Ты не помнишь, видел ли ты перед ЭТИМ яркие вспышки света?

— Нет.

— Какие-нибудь необычные звуки слышал? Звон колокольчиков, например?

— Да нет!

— А странные запахи? Апельсинов? Древесных опилок? Гнили? Не чувствовал?

— Нет, сэр.

— А хотелось ли тебе когда-нибудь поплакать, даже когда не грустно?

— Никогда.

— Прекрасно.

— Так есть у меня эпилепсия, доктор Билл?

— Не думаю, Дэн. Полежи спокойно. Скоро закончим.

Аппарат еще минут пять погудел, поскрипел, затем доктор Эдмондс его выключил.

— Порядок! — сказал доктор резко. — Сейчас Салли снимет с тебя все эти электроды и уйдет. А я хочу еще поговорить с тобой, Дэн. О'кей?

— Конечно.

— Салли, сделайте ему пирке.

— Хорошо.

Доктор Эдмондс оторвал от ЭЭГ рулон ленты с записью электроэнцефалограммы и, просматривая ее, вышел в другую комнату.

— Я сейчас легонько уколою твою руку, — сказала сестра после того, как Дэнни натянул брюки. — Это нужно для того, чтобы мы были уверены, что у тебя нет туберкулеза.

— Мне уже делали это в детском саду, — проговорил Дэнни без особой, впрочем, надежды.

— Ну, это было давно. А теперь ты вырос. Правда же?

— Думаю, да, — вздохнул Дэн, протягивая руку.

Когда процедура закончилась, он надел рубашку, носки, ботинки и пошел в кабинет докто-

ра Эдмондса. Тот сидел на краешке стола, задумчиво покачивая головой.

— Привет, Дэнни.

— Привет.

— Как рука? — Доктор показал на левую руку Дэнни.

— Нормально.

— Вот и славненько. Я посмотрел твою электроэнцефалограмму. Там, по-моему, все отлично. Но я собираюсь послать ее моему другу в Денвер. Он съел собаку на этом деле, и я хочу быть полностью уверенным в том, что не ошибаюсь.

— Да, сэр. Понимаю.

— А теперь расскажи мне, пожалуйста, о Тони, Дэн.

— Это мой «невидимый друг». Я сам придумал его, чтобы мне не было скучно. Для компании.

Доктор Эдмондс рассмеялся и, положив руки ему на плечи, сказал:

— То же самое утверждают твои мама и папа. Продолжай. Все останется между нами, ведь я твой доктор. Расскажи всю правду, и я обещаю ничего им не передавать, пока ты сам мне не позволишь это сделать.

Дэнни задумался. Он смотрел на доктора, пытаясь сконцентрироваться, чтобы понять, о чем тот думает, или, наконец, определить цвет его настроения. Неожиданно у него в голове возникла странная картина: ряд каких-то кабинетов, их двери закрываются одна за другой, запираются с легким щелчком. На каждой из дверей в центре прибиты небольшие таблички: «А—Г, секретно», «Д—Ц, секретно» и так далее.

От увиденного Дэнни почему-то почувствовал себя легче и свободнее. Он осторожно сказал:

— Я не знаю, кто Тони на самом деле.

— Он твоих лет?

— Нет. Ему, пожалуй, лет одиннадцать. А может, даже больше. Я ведь никогда не видел его вблизи. Впрочем, он достаточно взрослый для того, чтобы водить машину.

— Так ты все время видишь его на расстоянии?

— Да, сэр.

— И он появляется всегда перед тем, как ты теряешь сознание?

— Господи! Да не теряю я сознание. Просто вроде бы мы с ним идем вместе. Он показывает мне разные вещи...

— Какие?

— Ну-у,— Дэнни поколебался немного и потом рассказал доктору об отцовском сундуке со всеми его бумагами, о том, что он считался потерянным во время переезда из Вермонта в Колорадо, а оказался под лестницей.

— И отец нашел его точно в том месте, о котором тебе сказал Тони?

— О да, сэр. Только он ничего не *рассказывал*. Просто показал это место и все.

— Хорошо, хорошо. Я понимаю, Дэнни. А что Тони показал тебе прошлой ночью, когда ты заперся в ванной?

— Не помню,— быстро ответил Дэн.

— Ты уверен?

— Да, сэр.

— Минуту назад я сказал, что *ты* запер дверь

в ванной. Но это ведь было не так? *Тони* запер дверь.

— Да что вы, сэр! *Тони* не может запереть дверь — ведь он нереальный. Просто он хотел, чтобы я так сделал. И я сам запер дверь.

— *Тони* всегда показывает тебе, где находятся потерянные вещи?

— Нет, сэр. Иногда он показывает то, что должно произойти.

— На самом деле?

— Да. Однажды *Тони* показал парк развлечений и зверинец в Грейт Баррингтоне. *Тони* сказал, что отец отвезет меня туда в мой день рождения. Так все и произошло.

— Что еще он показывает тебе?

— Знаки, — *Дэнни* нахмурился, — он всегда показывает мне глупые старые *знаки*. Вроде «ре-дрэм». Но я не могу прочесть их. Во всяком случае, с трудом разбираю и не понимаю.

— А зачем, как ты думаешь, *Дэн*, *Тони* все это делает?

— Не знаю. Но мама с папой учат меня, чтобы я мог прочесть эти знаки, и я очень стараюсь. Правда.

— Итак, теперь ты можешь читать знаки, которые показывает тебе *Тони*?

— Я бы очень хотел научиться читать. Но пока мне очень трудно.

— А *Тони* тебе нравится?

Дэнни уставился в пол и ничего не ответил.

— *Дэнни*?

— Трудно сказать, — прервал молчание мальчик, — я привык. Я уже привык надеяться на то, что он будет приходить каждый день. Он показывает мне много интересных вещей, особенно

после того, как мама и папа перестали думать о РАЗВОДЕ.

Доктор Эдмондс удивленно взглянул на Дэнни, но тот ничего не заметил. Он сидел, уставившись в пол, концентрируясь на том, что говорил:

— К сожалению, теперь, когда бы Тони ни появлялся, он показывает мне плохие вещи. *Ужасные* вещи. Как это было вчера в ванной. Они жалят меня, как жалили *те* осы. Только Тонины жалят сюда, — мальчуган приставил палец к виску, непроизвольно имитируя самоубийство.

— А какие же все-таки это вещи?

— Я, правда, не могу вспомнить, сэр, — вскрикнул Дэнни. — Я скажу вам, если смогу вспомнить. У меня такое ощущение, будто я не могу это сделать, потому что *не хочу*.

— Дэнни?!

— Да, сэр.

— А мог бы ты попросить Тони появиться сейчас, здесь?

— Не знаю. Во-первых, он не обязательно всегда приходит, а во-вторых, я совсем не уверен, что хочу, чтобы он снова пришел когда-нибудь.

— Ну, попробайся, Дэнни. Я буду с тобой рядом.

Дэнни с сомнением взглянул на доктора, тот в ответ ободряюще кивнул.

Дэнни с шумом выдохнул воздух из легких и согласился.

— Но я совсем не уверен, что получится что-нибудь. Я никогда не делал это в присутствии других. Да и Тони не всегда появляется, когда мне хочется.

— Ну, не получится, так не получится. Я хочу, чтобы ты только попытался.

— О'кей!

Дэнни оторвал свой взгляд от мерно покачивавшихся мокасинов доктора Эдмондса и постарался сосредоточиться на мысли о маме и папе. Они ведь где-то рядом. Там, за этой стеной, на которой висит картина. В приемной, куда они пришли сегодня все вместе. Сидят рядом, но не разговаривают. Листают старые журналы. Переживают. За него.

Дэнни сконцентрировался еще сильнее. Нахмурился, пытаясь проникнуть в мамины мысли. Это всегда было очень трудно сделать, если они не находились в одной комнате с ним. Наконец постепенно Дэнни удалось добиться желаемого. Мама думала о своей сестре. Та умерла. Мама думала, что это и превратило ее в такую,

(суку?)

в такую старую клушу. Потому что ее сестра умерла. Маленькой девочкой.

(ее сбила машина о Господи я не могу больше вынести это а если он болен если у него рак спинного мозга или лейкоemia или злокачественная опухоль в мозгу как у сына Гюнтера или мышечная дистрофия о Бог мой мальчики его возраста болеют лейкоемией им необходимы радио- или химиотерапия но мы не можем себе позволить такое лечение. А разве врачи имеют право попросту вышвырнуть вас умирать на улицу нет у него все в порядке — просто не нужно думать об этих болезнях Дэнни)

Тони не появлялся. Только был слышен его голос. Но и тот, ослабев, исчез. Дэнни последовал за ним в темноту, в волшебную дыру между размеренно качающимися мокасинами доктора

Эдмондса, через какой-то стук, звон колоколов, тиканье часов под стеклянным куполом. Потом тьма начала потихоньку рассеиваться, в отдалении забрезжил тусклый, словно затянутый паутиной свет. Луч вырвал из мрака влажный, отталкивающе неприятный каменный пол. Где-то вблизи раздавалось монотонное гудение, глухое и не страшное. Скорее усыпляющее.

Когда глаза Дэнни привыкли к сумраку, он увидел перед собой Тони. Его силуэт. Тони на что-то смотрел. Дэн напряг зрение, чтобы увидеть, что это.

(Папа. Твой папа. Ты видишь его?)

Конечно, он видел отца. Не мог не увидеть, даже в таком тусклом свете, растекавшемся по подвалу. Папа стоял на коленях на полу, освещая фонариком старые картонные коробки и деревянные ящики. Коробки расползались, и оттуда вываливались газеты, книги, клочки бумаги, похожие на банковские счета. Отец изучал их с нескрываемым интересом. Потом он огляделся и направил луч фонарика в другую сторону.

Луч вырвал из темноты еще одну книгу. Она была большая, белая, перевязанная золотым шнурком. Обложка, похоже, из белой кожи. Это явно была папка с вырезками. Дэнни неожиданно почувствовал желание закричать, предупредить отца, чтобы он оставил эту книгу, ведь есть книги, которые не следует открывать. Но тот уже развязывал шнурок.

Механическое гудение — теперь Дэнни понял, что это звук работающего котла в отеле «Оверлук», который его папа осматривал три или четыре раза в день, — из монотонного превратилось в прерывистое. Словно что-то колотилось

там в котле и рвалось толчками наружу. Запах сырости, плесени, старой бумаги сменился на другой — резкий, можжевеловый. Он обволакивал отца, когда тот взялся за книгу.

Тони был где-то в темноте.

(Это бесчеловечное место порождает человеческих чудовищ. Это бесчеловечное место)

Вновь и вновь повторяя эту бессмыслицу,
(порождает человеческих чудовищ).

Дэнни вновь стал падать в черноту под аккомпанемент тяжелых, глухих ударов. Но это был не котел. Это крокетный молоток крушил обитые шелком стены, выбивая из них цементную пыль. Он беспомощно сжался в комок на черно-синих плетеных джунглях ковра.

(Выходи)

(Это бесчеловечное место)

(прими лекарство!)

(порождает человеческих чудовищ)

С тяжелым вздохом, который эхом отозвался у него в мозгу, Дэнни выбрался из темноты. Руки, которые лежали у мальчика на плечах, заставили его сжаться: он подумал, что мрак «Оверлука» из Тониного мира последовал за ним в мир реальный, но тут же услышал голос доктора Эдмондса:

— Все в порядке, Дэнни. С тобой все в порядке, дружок. Все прекрасно.

Мальчик узнал доктора, кабинет, в котором они находились. Дэнни была мелкая дрожь. Доктор обнял его:

— Ты говорил о каких-то чудовищах. Что это?

— Это бесчеловечное место... рождает... рождает... — Мальчик покачал головой.

— Не могу вспомнить.

— Попытайся.

— Не могу.

— Тони приходил?

— Да.

— Что он тебе показал на этот раз?

— Темноту. Рокот. Не помню.

— Где вы были?

— *Оставьте меня! Оставьте! Я ничего не помню!* — Дэнни в страхе и отчаянии разрыдался. Все прошло, расплзлось как пачка гнилой мокрой бумаги. Ни прочесть. Ни вспомнить.

Доктор Эдмондс налил мальчику бумажный стаканчик холодной воды. Дэнни выпил и получил еще один.

— Ну, что? Немного лучше?

— Да.

— Дружок, я не хочу мучить и терзать тебя. Но не вспомнишь ли ты о том, что было перед тем, как появился Тони?

— Моя мама. Она очень беспокоится за меня.

— Мама — они все такие!

— Да нет. Не в этом дело... У нес была сестра Эйлин, которая погибла, когда была маленькой. Ее сбила машина. И вот мама, думая об Эйлин, стала нервничать и переживать из-за меня. Больше я ничего не помню.

Доктор пристально посмотрел на Дэна:

— И все-таки скажи, она и сейчас об этом думает? Сидя в приемной?

— Да.

— Как ты можешь об этом знать, Дэнни?

— Понятия не имею. Свечение, наверное.

— Что-что?

Мальчик медленно покачал головой:

— Извините, я ужасно устал. Я могу вернуться к маме с папой? Я не хочу больше отвечать ни на какие вопросы. Я устал. У меня болит живот.

— Хорошо, Дэн,— доктор Эдмондс встал,— ты сейчас пойдешь повидашь своих родителей, а потом прийдешь их сюда. Мне нужно с ними поговорить. О'кей?

— Да, сэр.

— Там в приемной есть книжки. Ты ведь любишь книжки?

— Да, сэр.

— Ты славный парень, Дэнни.

Мальчик слабо улыбнулся и вышел.

* * *

— Знаете, я не нашел в нем ничего такого, что внушало бы опасения и тревогу,— сказал доктор Эдмондс супругам Торренс, когда те переступили порог его кабинета,— ни с точки зрения физического развития, ни с точки зрения умственного. Он блестящий, впечатлительный мальчик, с богатым воображением. Это бывает. Дети живут в своих фантазиях, привыкают к ним, как к паре больших по размеру ботинок. Вы никогда не определяли тестами уровень его интеллекта?

— Я не верю во все эти тесты. Они словно смиренная рубашка на ожиданиях как родителей, так и учителей,— сказал Джек Торренс.

— Возможно,— кивнул доктор Эдмондс,— но если бы вы все-таки проверили мальчика этими тестами, вы бы несомненно убедились,

что Дэнни значительно опережает своих сверстников по умственному развитию. А его словарный запас, манера говорить просто поражают. Это необычайно для ребенка неполных шести лет.

— Мы не можем переговорить его, — не без гордости заметил Джек.

— Он, когда был здесь со мной, вошел в транс. По моей просьбе, — сказал доктор, вертя в руках ручку, — все было примерно так, как во вчерашнем случае в ванной. Его мускулы расслабились, тело обмякло, глаза закатились.

Торренсы подались вперед.

— Что-нибудь случилось? — нервничая, спросила Уэнди.

Доктор Эдмондс подробно рассказал обо всем, чему стал свидетелем, не забыв упомянуть о бессвязной речи мальчика, из которой ему удалось отчетливо услышать только слова «чудовища», «темнота», «ропот». Он рассказал о слезах, на грани истерики, и о том, что у Дэнни заболел живот.

— Значит, опять был этот Тони, — пробормотал Джек.

— Что же все-таки это значит? Есть ли у вас какие-нибудь идеи? — спросила Уэнди.

— Несколько. И боюсь, они вам не понравятся.

— Все равно. Выкладывайте! — сказал Джек.

— Так вот, судя по тому, что мне рассказал Дэнни, его «невидимый друг» был действительно его другом, пока вы не переехали сюда из Новой Англии. Тони стал фигурой угрожающей только после этого переезда. Приятные фантазии сменились кошмарами, особенно пугающи-

ми вашего сына из-за того, что он так и не может вспомнить, в чем же суть этих кошмаров. Это обычное явление. Все мы храним в памяти приятные сны и фантазии и забываем те, что вызывают тревогу. Где-то существует стена между нашим сознанием и подсознанием. Живущий в ней цензор позволяет просачиваться лишь малому количеству виденного, да и то зачастую в виде символов. Может быть, это несколько упрощенный Фрейд, но в принципе так оно и есть.

— Вы думаете, что наш переезд плохо повлиял на Дэнни? — робко спросила Уэнди.

— Наверняка, особенно если сама эта идея была вызвана драматическими семейными обстоятельствами. Не так ли?

Уэнди и Джек переглянулись.

— Я был преподавателем в подготовительной школе. Но остался без работы, — проговорил Торренс.

— Да, я знаю, — кивнул доктор Эдмондс, резко отложив ручку, которую вертел в руках. — Но, боюсь, были и другие обстоятельства. Вам будет больно это услышать, но ваш сын убежден, что вы всерьез задумывались над проблемой развода. Он об этом говорил походя и только потому, что сейчас, как ему кажется, вы отказались от этой затеи.

У Джека отвисла челюсть. Он так и остался сидеть с открытым ртом. Уэнди отпрянула, будто ее ударили. Кровь отхлынула от ее лица:

— Мы никогда не обсуждали проблему развода ни при Дэнни, ни даже между собой. Мы...

— Я думаю, будет лучше, если вы, доктор, будете знать все, — начал Джек.

Он помолчал, как бы собираясь с мыслями, и продолжил:

— Вскоре после того, как родился Дэнни, я стал форменным алкоголиком. Правда, проблемы с выпивкой у меня были еще со времен колледжа. Потом, когда я встретил Уэнди и женился на ней, наступило, казалось, некоторое затишье. Я держался. Но после рождения Дэнни дела пошли еще хуже. Писательство, которое я считал своим призванием, не ладилось. Однажды Дэн, ему было в ту пору три с половиной года, разлил пиво на мои бумаги... я работал... бумаги были повсюду, и я... черт побери! — его голос дрогнул, но глаза Джека оставались сухими и жесткими, — и я сломал ему руку. Три месяца спустя я бросил пить и больше никогда не прикасался к сыну.

— Да, да! — проговорил доктор безразличным голосом, — я знаю, что рука у Дэнни была сломана. Она срослась нормально. — Билл Эдмондс отодвинулся от стола, за которым сидел, и скрестил ноги. — Честно говоря, я не сомневаюсь, что мальчик больше не подвергался наказаниям. Шрамы и царапины бывают у всех ребят.

— Разумеется, нет, — вступила Уэнди. — Джек больше никогда и не думал о каком-нибудь наказании...

— Нет, Уэнди, думал, думал. Порой руки так и чесались. — Джек взглянул на доктора. — Вы знаете, слова «развод», «алкоголизм», «избиение ребенка» сегодня прозвучали здесь впервые. Трижды в течение пяти минут?

— Возможно, в этом корень проблем, — сказал доктор Эдмондс, — я не психиатр. Если вы захотите показать Дэнни специалисту, я мог бы порекомендовать вам одного из лучших. Он ра-

ботаает в «Мишн Ридж Медикэл Сентер» в Боулдере. Я, однако, уверен, что мой диагноз правильный: Дэнни — умный, впечатлительный, очень восприимчивый мальчик. Я не думаю, что его так уж занимают и беспокоят ваши матримониальные проблемы, как считаете вы...

Джек, казалось, изучал свои руки. Уэнди взяла одну из них и крепко сжала.

— Но он очень тонко чувствует то, что неправильно, несправедливо. И здесь главным, с его точки зрения, была не сломанная рука, а сломанная — или, точнее, ломающаяся — связь между вами. В разговоре со мной он упомянул о разводе, а о сломанной руке ничего не сказал.

— Какой ребенок! — воскликнул Джек Торренс. — Мы не достойны его.

— Тем не менее он ваш сын, — сухо заметил доктор. — Как бы там ни было, Дэнни время от времени укрывается в мире своих фантазий. Опять же в этом нет ничего необычного — многие дети так поступают. У меня в его возрасте тоже был свой «невидимый друг», говорящий петух по имени Чаг-Чаг. Разумеется, его, кроме меня, никто не мог увидеть. У меня были два брата, постарше. Они часто оставляли меня одного, и в такой ситуации появление Чаг-Чага было более чем желательным. И вы оба должны понять, почему «невидимый друг» Дэна зовется Тони, а, скажем, не Майк, Хэл или Датч.

— Да, мы понимаем, — откликнулась Уэнди.

— Вы когда-нибудь обсуждали это с ним?

— Нет, — сказал Джек Торренс, — а что, нам бы следовало это сделать?

— Не стоит. Дайте ему самому в нужное время разобраться во всем, пусть он дойдет до

этого собственной логикой. Понимаете, фантазии вашего сына глубже, чем это бывает обычно при синдроме «невидимого друга». Он чувствует, что нуждается в Тони. Тот появится и покажет ему приятные вещи. Иногда поразительные. Но всегда хорошие. Однажды Тони показал, где находится потерявшийся сундук отца с важными бумагами... под лестницей. В другой раз Тони подсказал Дэну, что мама и папа собираются отвезти его на день рождения в парк развлечений...

— В Грейт Баррингтон? — воскликнула Уэнди. — Но как он мог *знать* об этом?! Есть порой что-то жуткое, внушающее суеверный страх в его словах и поступках...

— Уж не ясновидящий ли он у вас? — улыбнулся доктор.

— Дэнни родился в рубашке, — пробормотала Уэнди.

Улыбка Билла Эдмондса обратилась раскатистым искренним смехом. Джек и Уэнди переглянулись, потом тоже улыбнулись, удивляясь тому, как все, оказывается, просто. «Счастливые догадки» Дэнни они тоже никогда не обсуждали между собой.

— Вы мне еще скажите, что мальчик способен левитировать, — продолжал смеяться доктор Эдмондс. — Но, боюсь, что нет. Речь идет не о каких-то экстрасенсорных способностях мальчика, а об обычной человеческой восприимчивости, которая у вашего сына обострена до предела. Он, например, я уверен, знал, что ваш сундук, мистер Торренс, находился под лестницей. Вы искали его повсюду и рано или поздно тоже пришли бы к правильному решению. Что каса-

ется посещения парка в Грейт Баррингтоне... Чья это была идея: его или ваша?

— Его, разумеется, — ответила Уэнди. — Этот парк рекламировали постоянно в утренних детских телепрограммах. И ему очень хотелось туда попасть. Но дело в том, что мы не могли тогда позволить себе такую поездку, о чем и сказали Дэнни.

— Но вскоре один альманах напечатал мой рассказ и прислал мне чек на пятьдесят долларов. Тогда мы и решили поехать в Грейт Баррингтон, — сказал Джек.

Доктор Эдмондс пожал плечами:

— Жгучее желание плюс благоприятное стечение обстоятельств.

— Черт побери, готов биться об заклад, что так оно и было, — согласился Джек.

Билл Эдмондс снова улыбнулся:

— Кроме того, Дэнни признался, что Тони предсказывал ему вещи, которые так и не случились. Видения базировались на ложных ощущениях. Вот и все. Дэнни подсознательно делает то, что многочисленные мистики и так называемые «чтецы мыслей» делают сегодня осознанно и весьма цинично. Я обожаю его за это. Если жизнь не уничтожит его потрясающую восприимчивость, это будет настоящий человек!

Уэнди согласно кивнула, конечно, их мальчик станет человеком, но в бойких выкладках доктора ей почудилась какая-то фальшь. Они отдавали маргарином, а не натуральным маслом. Ведь мистер Эдмондс не жил вместе с ними. Он не присутствовал при том, когда Дэнни находил потерянные пуговицы или телевизионную программу, которая лежала под кроватью; он не

слышал, как Дэнни говорил, что нужно обязательно взять в детский сад галоши, хотя стоял ясный солнечный день и только позже дождь полил как из ведра. Эдмондс представления не имеет о том, как Дэнни предугадывал желания родителей, стоило им только о чем-то подумать. Однажды вечером ей захотелось чашечку чая. Она пошла на кухню и увидела приготовленный чай. Или, например, Уэнди вспомнила, что ей нужно вернуть книги, взятые в библиотеке. Стоило ей об этом подумать, как она заметила на столике в холле эти самые книги. Они были аккуратно перевязаны, а сверху лежал библиотечный абонемент Уэнди. Или, например, Джек только успел подумать, что ему следовало бы отполировать свой «фольксваген», как увидел, что Дэнни уже занимается этим...

Впрочем, вслух она сказала совсем другое:

— Почему же теперь Дэнни преследуют кошмары? Почему Тони сказал ему, чтобы он заперся в ванной?

— Я думаю, что Тони просто уже пережил пик своей полезности. Он родился (я имею в виду Тони, а не Дэнни) в пору, когда вы пытались спасти свой брак. Ваш муж пил слишком много. Потом этот случай со сломанной рукой. Зловещее спокойствие в ваших отношениях...

«Зловещее спокойствие»! Да, точное определение, отражающее реальность их тогдашней жизни. Напряженность и натянутость во время ежедневных встреч за столом, когда единственными произносимыми словами были: «Пожалуйста, передай мне масло» или «Дэнни, доедай морковку». Эти ночи, когда Джек уходил, а она лежала на диване с сухими глазами, пока Дэнни

смотрел телевизор. Или утром, когда они с Джеком шипели, как две разъяренные кошки с дрожащим перепуганным мышонком между ними. Да, к сожалению, все сказанное похоже на правду,

(Милостивый Боже, неужели старые шрамы никогда не перестанут болеть и мучить?) ужасную, страшную правду.

Доктор Эдмондс тем временем уже перешел к выводам:

— Но положение дел в вашей семье в конце концов изменилось. Вообще-то шизоидальное поведение довольно часто присуще детям. Взрослые, например, считают, что все дети — лунатики, что у них есть «невидимые друзья». Все это близко к истине. В состоянии депрессии дети могут забраться в шкаф, запереться в ванной или туалете, ища уединения. Они превращают в талисманы свои вещи или игрушки, грызут ногти или сосут пальцы. Когда ребенок заявляет, что видел тролля в спальне или вампира за окном, мы снисходительно посмеиваемся над этими «детскими причудами». У нас — врачей — есть объяснение этому феномену, укладывающееся в одно предложение...

— Он вырастет, и все пройдет, — сказал Джек.

Эдмондс моргнул:

— Точно, это мои слова. Да, сейчас Дэнни в таком состоянии, что у него мог бы развиваться серьезный психоз. Для этого, кажется, существуют все предпосылки: несчастливые отношения в семье, богатое воображение, «невидимый друг», столь реальный для него, что и вы сами едва не поверили в его реальность. Дэнни мог

бы однажды войти в мир Тони и никогда не вернуться к тому, что он называет нормальными вещами.

— О Господи! — произнес Джек.

— Но сейчас, повторяю, ситуация, как мы видим, изменилась коренным образом. Мистер Торренс больше не пьет. Вы оказались на новом месте, где сами условия жизни заставляют вас троих сплотиться в единую семью, более крепкую, чем прежде. Во всяком случае, крепче, чем моя, где жена и дети видят меня не более двух-трех часов в день. Так что теперь Дэнни в прекрасной, можно сказать, целебной обстановке. Я убежден, что сам факт, что мальчик четко различает мир Тони и мир реальных вещей, свидетельствует о фундаментально здоровом состоянии его мышления. Он сказал, что вы больше не помышляете о разводе. Он прав?

— Конечно, конечно, — заторопилась Уэнди. Джек крепко, до боли, сжал ее руку. Она ответила таким же крепким пожатием.

Эдмондс удовлетворенно кивнул:

— Ваш сын больше не нуждается в Тони. Дэнни просто «выжимает» его из своего сознания, из привычной системы своих образов. Тони больше не приносит мальчику приятных видений, а лишь кошмары, которые настолько пугающи, что Дэн помнит из них только какие-то фрагменты. Он призвал к себе «невидимого друга» в сложной, безнадежной, казалось, тогда, жизненной ситуации. И это его выручало. Сейчас Тони уходит, уходит трудно, сопротивляясь, но он уходит. Ваш сын — словно наркоман, порывающий с прошлым, он отказывается от своей привычки.

Доктор поднялся. Поднялись вместе с ним и супруги Торренсы.

— Повторяю, я не психиатр. Если кошмары все-таки будут продолжать преследовать мальчика, вы, мистер Торренс, весной, по окончании работы в отеле «Оверлук», попытайтесь показать Дэнни специалисту в Боулдере.

— Я обязательно это сделаю.

— Ну, что ж, пойдете теперь к Дэнни и скажем ему, что он может ехать домой.

— Я хочу поблагодарить вас, доктор. Я чувствую себя сейчас гораздо лучше, чем когда-либо прежде,— сказал Джек Торренс.

— И я тоже,— добавила Уэнди.

Уже в дверях Билл Эдмондс остановился:

— Миссис Торренс, у вас есть или была когда-нибудь сестра? По имени Эйлин?

Уэнди удивленно взглянула на доктора:

— Да, была. Она погибла возле нашего дома в Сомерсворте, Нью-Гэмпшир. Ей было тогда шесть лет, а мне десять. Она побежала за мячиком на улицу, и ее сбил грузовик.

— Дэнни знает об этом?

— Не думаю.

— Он мне сказал, что вы думали о сестре, когда сидели в приемной.

— Да, думала,— медленно ответила Уэнди,— впервые за долгие-долгие годы.

— Слово «редрэм» вам обоим что-нибудь говорит?

Уэнди отрицательно покачала головой, а Джек произнес:

— Он упоминал это слово вчера вечером перед тем, как заснуть. Редрэм...

— Нет, не «дрэм», а именно «рэм», — поправил доктор, мальчик очень взволнованно сказал — «редрэм», похоже на ром. Крепкий алкогольный напиток... А слово «свечение» для вас тоже ничего не значит?

На этот раз Торренсы оба отрицательно покачали головами.

— Ну, ладно. Не важно. — Доктор Эдмондс распахнул дверь в приемную и громко спросил: — Есть здесь мальчик по имени Дэнни Торренс, который хочет ехать домой?

— Папа! Мама! — Дэнни поднялся из-за низенького столика, за которым рассматривал картинки в иллюстрированном журнале. Он подбежал к Джеку. Тот подхватил его на руки и прижал к себе. Уэнди потрепала сына по волосам.

Доктор Эдмондс шутливо заметил:

— Если ты не любишь своих маму и папу, оставайся здесь со старым добрым Биллом.

— Нет, сэр! — с чувством сказал мальчик. Одной рукой он обхватил шею Джека, другой — Уэнди. Он буквально сиял от счастья.

— О'кей! — засмеялся доктор и, обращаясь к Уэнди, добавил: — Обязательно позвоните мне, если вдруг возникнут какие-нибудь проблемы.

— Обязательно.

— Хотя не думаю, что это случится.

ПАПКА С ВЫРЕЗКАМИ

Папку с вырезками Джек нашел 1 ноября, когда его жена и сын отправились на прогулку по изрытой колеями старой дороге, что бежала от площадки для крокета до заброшенной лесопилки, милях в двух от отеля «Оверлук». Все еще стояла прекрасная солнечная погода, и лица всех трех Торренсов покрыл ровный золотистый осенний загар.

Он спустился в подвал проверить работу котла и импульсивно прихватил с собой с полки, где валялись схемы водопроводной системы, электрический фонарик. Джек решил взглянуть на старые газеты и бумаги, которыми был буквально забит подвал отеля. Кроме того, он надеялся найти подходящие места для установки крысоловок, хотя всерьез заниматься этим малоприятным делом он не собирался раньше, чем через месяц («Я хочу, чтобы они все вернулись со своих летних каникул», — пояснил он Уэнди).

Освещая путь, Джек миновал шахту лифта (по настоянию жены они, с тех пор как переехали в «Оверлук», лифтом не пользовались) и низкую каменную арку. В нос ударил запах гниющей бумаги и затхлости. Позади неожиданно ухнул котел, заставив Джека вздрогнуть. Он обшаривал лучом фонарика подвал, насвистывая что-то не очень музыкальное. Внизу громоздились Анды картонных коробок и деревянных ящиков, набитых выцветшими блеклыми бумагами. Из некоторых коробок — в разодранные щели — бумага высыпалась на скользкий влаж-

ный*пол. Там и сям валялись кипы перевязанных веревкой старых газет. В ящиках, похоже, были свалены грессбухи и разные счета — фактуры, перетянутые резинкой. Джек наугад вытащил один из них и посветил фонариком. Фирма «Роки Маунтин Экспресс корпорейшн» извещала администрацию отеля «Оверлук», что на ее адрес железной дорогой отправлены 400 коробок туалетной бумаги «Делси». Дата: 24 августа 1954 года. Джек усмехнулся и отправил извещение обратно в ящик. Он посветил фонариком поверх груды ящиков, и луч выхватил из темноты голую электролампочку, покрытую паутиной. Джек снова вытащил послание о туалетной бумаге и обтер им лампочку от липкой паутины, правда, та не стала от этого намного чище. Пользуясь фонариком, Джек пробирался между бумажных завалов, разыскивая следы крыс. Они явно бывали здесь, но, видимо, не долго... Он обнаружил крысиные экскременты, покрытые густой пылью, несколько гнездовищ — ими явно давно не пользовались.

Джек извлек из пачки газет номер «Роки Маунтин ньюс» от 19 декабря 1963 года. Заголовок на первой полосе гласил: «ДЖОНСОН ОБЕЩАЕТ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ. Джонсон заявил, что работа, начатая Джоном Фитцджеральдом Кеннеди, в будущем году будет продолжена».

Джек отбросил старую газету, поймав себя на мысли, насколько удивителен здравый смысл истории: человек черпает новости десяти-двадцатилетней давности. В газетах, которые попадались ему на глаза, обнаружились и странные провалы: ничего с 1937 по 1945, с 1957 по 1960

и с 1962 по 1963 год. Видимо, в то время отель был закрыт. Объяснения Ульмана насчет каких-то ревизий Джеку не показались убедительными. Ведь само расположение отеля «Оверлук», живописные окрестности, казалось бы, должны были гарантировать ему постоянный непреходящий успех и популярность. То же должны были диктовать и законы миграции отдыхающих. Скажем, «Уолдорф» привлекателен в мае, «Бар Харбор Хаус» в июне-июле, а «Оверлук» — в августе — начале сентября. Потом уж народ двинется на юг. На Бермуды, в Гавану, Рио, — Бог знает, куда еще. Джек нашел несколько книг регистраций гостей. Не слабо! Нельсон Рокфеллер в 1950, Генри Форд с семьей — в 1927, Джин Хэрлоу в 1930, Кларк Гейбл и Кэррол Ломбард... Какие люди! А вот в 1956 Дэрил Ф. Занук на неделю снял весь верхний этаж. Денег у гостей было навалом, хотя обслуживание наверняка оказалось не на высоте.

Здесь присутствовала сама История. И не только в газетных заголовках. Всюду — в счетах, в книгах регистраций, в отчетах. Вот, к примеру, запись о том, что Уоррен Хардинг в 1922 году заказал себе в номер к десяти часам вечера целого лосося и ящик пива «Курс». Но с кем он это все съел и выпил? Что они делали? Играли в покер по-крупному? Проводили совещание по вопросам стратегии?

Джек взглянул на часы и с удивлением отметил, что сорок пять минут незаметно пробежали с тех пор, как он спустился сюда, в подвал. Его руки были грязны. «Да и запашок, должно быть, от меня скверный», — подумал Джек и решил

пойти принять душ, пока Уэнди и Дэн не вернулись с прогулки.

Он медленно брел между гор бумаги, коробок и ящиков, ощущая какой-то необычный прилив энергии, ясность в мыслях. Давненько (пожалуй, уже несколько последних лет) он не чувствовал этого. Вдруг ему показалось, что книга, которую он, подтрунивая над собой, грозился написать, может получиться. Он найдет ее здесь, погребенную под завалами гниющей бумаги. Это может быть беллетристика. Или история. Или и то и другое вместе.

Джек остановился под тусклой лампочкой, вытащил из кармана платок, вытер губы. И в этот момент увидел папку с вырезками. Пять ящиков, поставленных один на другой, покосившейся Пизанской башней громоздились слева от него. Верхний был забит счетами и извещениями, а на них возлежала папка в белой кожаной обложке, перевязанная золотым шнурком.

Джек потянулся и достал ее, покрытую слоем пыли. Сдув пыль, он открыл папку, и из нее выпала красочная открытка. Джек поймал ее в воздухе прежде, чем та упала на сырой каменный пол. Это оказался пригласительный билет с изображением отеля «Оверлук». Отель сиял огнями. Лужайка перед зданием и спортивные площадки были украшены японскими фонариками. Картина была настолько живая, что, казалось, сделай шаг и войдешь в отель тридцатилетней давности. Да, тридцатилетней, ибо текст на приглашении гласил:

Гораций М. Дервент имеет честь пригласить Вас
на костюмированный бал по случаю открытия

ОТЕЛЯ ОВЕРЛУК

Ужин — в 20.00. Снятие масок и танцы — в полночь
29 августа 1945 года.

Ну и дела! Ужин в 20.00! Снятие масок и танцы в полночь!

Джек прямо видел их — богатейших людей Америки и их изысканных женщин за праздничным столом: смокинги, накрахмаленные сорочки, вечерние платья. Играет оркестр. Хлопают пробки открываемых бутылок с шампанским. Звенят бокалы. Война уже закончилась или близится к концу. Впереди блестящее будущее. Америка, величайшая страна мира!

А потом в полночь сам Дервент кричит на весь зал: «Маски долой! Маски долой! Люди сбрасывают маски...

(Красная Смерть там правит бал!)

Джек нахмурился. Что за чертовщина лезет в голову? Ах, это По! Эдгар По — Великий Американский Писака! И, конечно же, «Оверлук» с пригласительного билета, что он держит в своей руке, последний крик, стон Эдгара По, который только можно было придумать.

Он положил приглашение в папку и взглянул на первую страничку с вырезками. Это была статья из какой-то денверской газеты от 15 мая 1947 года:

ВНОВЬ ОТКРЫЛСЯ РОСКОШНЫЙ ГОРНЫЙ КУРОРТ
СРЕДИ ГОСТЕЙ — ЗВЕЗДЫ

Текст гласил:

Отель «Оверлук» за всю тридцативосьмилетнюю историю не раз открывался, закрывался и вновь открывался для посетителей. Но никогда еще с таким блеском и шиком, как это обещает сделать Гораций Дервент, загадочный калифорнийский миллионер, последний владелец отеля.

Дервент, который не делает тайны из того, что вложил в это дело миллион долларов (но говорят, что и все три), заявил:

«Новый «Оверлук» станет центром мирового притяжения отдыхающих, отелем, который вы запомните навсегда». Когда Дервента спросили, не является ли приобретение отеля «Оверлук», его реставрация неким сигналом, первым выстрелом в битве за легализацию игорного бизнеса в Колорадо, магнат, в круг интересов которого входят авиационная промышленность, кино, судостроение, производство боеприпасов, с улыбкой отверг такое предположение. «Игорный бизнес,— заявил он,— слишком дешев для «Оверлука». Кроме того, я не намерен ставить под удар Лас-Вегас, куда мною вложен слишком большой капитал. Нет! Я не имею никакого желания бороться за легализацию игорного бизнеса в Колорадо».

Когда наконец состоится официально открытие отеля (а там не так давно проводился грандиозный костюмированный бал), прекрасно отделанные номера займут звезды первой величины...

Джек засмеялся, и перевернул страницу. Там была вырезка из нью-йоркской газеты «Санди таймс». Реклама отдела путешествий на целую полосу. Рассказ о Дервенте. С фотографии смотрел лысый человек с глазами, пронизывающими насквозь. Очки без оправы. Щеточка усов делала миллионера похожим на голливудского героя-любовника Эролла Флина. Лицо обычное, такие встречаешь чуть ли не на каждом шагу. Вот глаза — другое дело. Они-то и превращали вполне заурядного на первый взгляд человека в подлинную личность.

Джек торопливо пробежал текст. Он знал о Дервенте достаточно много из публикации журнала «Ньюсуик» за прошлый год. Родился в бедной семье в Сен-Поле, школу так и не закончил, вместо этого ушел служить на флот. Делал успехи, но вошел в клинч с командованием

из-за своего изобретения. В войне флота с известным молодым человеком по имени Гораций Дервент дядюшка Сэм одержал предсказуемую победу. Но больше от изобретателя он не получил задаром ни одного патента, а их было много.

В конце двадцатых — начале тридцатых Дервент обращает свои взоры к авиации. Он приобретает обанкротившуюся сельскохозяйственную компанию и создает службу авиапочты, которая процветает. Не забывает он и об изобретениях: патенты сыпятся как из рога изобилия. Новый тип крыла для монопланов; бомбодержатель, что использовался позже на летающих крепостях, наносивших удары по Гамбургу, Дрездену и Берлину; пулемет, для охлаждения которого использовался спирт; прототип сиденья-катапульты, которые стали применяться лишь в реактивной авиации. И так далее. И тому подобное. Удачливый изобретатель не менее удачно вкладывал свои деньги в промышленность. Ему принадлежали фабрики боеприпасов в Нью-Йорке и Нью-Джерси, пять текстильных фабрик в Новой Англии, химические заводы на юге. Поговаривали, что удерживаться на плаву ему помогали также бутлегерство, проституция и контрабанда, а позже — связи с игорным бизнесом.

Наверное, самым известным приобретением Дервента стала покупка пришедшей в упадок киностудии «Топ Марк», на которой так и не было сделано ни одного достойного фильма с тех пор, как ее ребенок-звезда Маленькая Марджери Моррис скончалась в 1934 году, перебрав героина. Ей было всего четырнадцать. «Топ Марк»

устроила грандиозные, невиданные в Голливуде похороны для своей любимицы. Официальная версия гласила, что бедняжка Марджери умерла от «истощающей болезни», подхваченной во время ее выступлений в сиротских домах Нью-Йорка. Злые языки твердили, что студия несла всю эту ахинею, так как знала, что вместе с маленькой Моррис она хоронит и себя.

Как бы там ни было, Дервент нанял к себе на службу изворотливого бизнесмена и неистового сексуального маньяка по имени Генри Финкель, поставив его во главе приобретенной кинофирмы. И что вы думаете? За два года до нападения японцев на Пёрл-Харбор — то есть к 1939 году — студия выпустила уже шестьдесят фильмов, многие из которых с успехом шли по экранам Америки. Для одного из фильмов безвестный костюмер придумал бюстгальтер без бретелек, чтобы героиня смогла показаться в нем на сцене Большого Бала, где она демонстрировала свои формы, исключая, может быть, родимое пятно на правой ягодице. Сцена вызвала фурор. Дервент получил большие деньги и за это изобретение, а его слава и популярность росли как на дрожжах.

Война сделала его еще богаче. Ходили слухи о том, что он прибрал к рукам Чикаго (где тогда жил), Юнайтед эйр лайнс, Лас-Вегас, Лос-Анджелес, да и вообще все Соединенные Штаты. Пользовавшийся славой друга коронованных персон, президентов, премьер-министров и воротил мафии, Дервент считался одним из богатейших людей в мире. Так оно скорее всего и было.

«И все-таки ему не удалось превратить отель «Оверлук» в процветающий», — подумал Джек. Он отложил в сторону папку вырезок, достал блокнот и шариковую ручку, которые неизменно носил с собой в нагрудном кармане, и сделал пометку: «Посмотреть в библиотеке материалы о Дервенте», спрятал блокнот, ручку и снова взялся за папку. Лицо сосредоточенное, взгляд отсутствующий. Перелистывая страницы, Джек часто и произвольно вытирал губы рукой.

Он бегло просматривал материалы, попадавшиеся ему на глаза, мысленно делая пометку — «вернуться и прочесть потом внимательно». В папке почти на каждой страничке встречались пресс-релизы. То-то и то-то произойдет в отеле «Оверлук» на следующей неделе, ожидаются такие-то и такие-то развлечения в гостиниой. Кстати, многие из этих мероприятий устраивались с участием звезд Лас-Вегаса, а многие из гостей являлись служащими студии «Топ Марк» и ее актерами.

Затем внимание Джека привлекла вырезка, помеченная 1 февраля 1952 года:

МИЛЛИОНЕР НАМЕРЕН ПРОДАТЬ НЕДВИЖИМОСТЬ В КОЛОРАДО

Сделка заключена с калифорнийскими инвесторами на отель «Оверлук» и другую собственность Дервента.

В коротком коммюнике, — говорилось в статье, — поступившем вчера из чикагского офиса фирмы «Дервент Энтерпрайзис», сообщается, что миллионер (а возможно, и миллиардер) Гораций Дервент решил продать всю свою собственность в штате Колорадо к 1 октября 1954 года. Она включает разработки природного газа и каменного угля, гидроэлектростанцию, компанию «Колорадо Саншайн инкорпорейтед», которая владеет в штате более чем полумиллионом акров земли.

Самая известная собственность Дервента в Колорадо — отель «Оверлук» уже продан, сказал миллионер вчера в одном из своих редких интервью. Покупатель — группа калифорнийских инвесторов, возглавляемая Чарлзом Грондином, бывшим директором корпорации «Калифорния лэнд дивелопмент». Однако Дервент отказался назвать цену сделки...

Итак, он продал все. На Дервента не похоже. И тем не менее. Тем не менее. Джек снова вытер губы тыльной стороной ладони и вдруг почувствовал непреодолимое желание выпить. Конечно, дело пошло бы куда лучше, будь под рукой выпивка. Он снова стал перелистывать страницы.

Калифорнийская группа открыла отель на два сезона, а потом продала его колорадской фирме «Мантинвью резорт». Та обанкротилась в 1957 году, когда ее обвинили в коррупции, махинациях с акциями и обмане их держателей. Президент компании застрелился через два дня после того, как ему вручили повестку явиться в суд.

Отель был закрыт до конца пятидесятых. Ему была посвящена крохотная заметка под заголовком «Гранд-отель приходит в полный упадок». Сопровождавшие текст фотографии больно отозвались в сердце Джека: облупившаяся краска фасада, мусор, выбитые стекла. Мерзость запустения. Это, безусловно, должно стать частью книги, если он когда-нибудь все-таки напишет ее: феникс, погружающийся в пепел, чтобы вновь из него возродиться. Джек сказал себе, что он обязательно будет заботиться о порядке в отеле. До сегодняшнего дня он просто не отдавал себе отчета в том, какова его личная ответст-

венность перед «Оверлуком». Он ответствен перед отелем как перед историей.

В 1961 году четыре писателя (двое из них лауреаты Пулитцеровской премии) приобрели право на владение отелем и открыли в нем школу для писателей и журналистов. Увы, счастье было недолгим! Затея провалилась через год. Один из студентов надрался в своем номере на четвертом этаже, каким-то образом проломил окно и вывалился на цементную террасу, разбившись насмерть. Газеты намекали на возможность самоубийства.

Во всех больших отелях свои скандалы, — сказал Уотсон, — как и привидения. Почему? Черт возьми, люди снуют туда сюда...

Джеку вдруг показалось, что он физически чувствует, как давит на него вся эта забота об отеле: сто десять номеров для гостей, кладовые, кухня, прачечная, холодильники, холлы, гостиная, столовая, бальный зал...

(Дамы шествуют из зала в зал)

(...Красная Смерть там правит бал)

Он нервно вытер губы и перевернул страницу. Он одолел уже треть этой объемной папки с вырезками и впервые подумал о том, кому она могла принадлежать и кто положил ее на самый верхний ящик с макулатурой?

И еще одна заметка. На этот раз от 10 апреля 1963 года. Под заголовком:

ЛАС-ВЕГАССКАЯ ГРУППА ПОКУПАЕТ ЗНАМЕНИТЫЙ ОТЕЛЬ

Роберт Т. Леффинг, представитель группы инвесторов под названием «Хай Кантри», заявил сегодня в Лас-Вегасе, что группой проведены переговоры о возможности заключения сделки на покупку знаменитого отеля «Оверлук», курор-

та, расположенного в Скалистых горах. Леффинг отказался назвать конкретных лиц, пожелавших стать владельцами этой недвижимости, но сообщил об их намерении превратить гостиницу в закрытый престижный клуб. Он также сказал, что группа инвесторов, которую он представляет, надеется на то, что ей удастся продать право на членство в клубе не только высокопоставленным лицам в США, но и зарубежным клиентам.

«Хай Кантри» владеет отелями в штатах Монтана, Вайоминг и Юта. «Оверлук» получил всемирную известность с 1946 по 1952 год, когда его владельцем стал мультимиллионер Гораций Дервент, который...

Содержание следующей странички было не столь интересным, хотя статья, написанная четыре месяца спустя, отличалась откровенно издевательским тоном. «Оверлук» открылся, но кто же стал его владельцем или владельцами, так и не сообщалось...

Джек перевернул еще одну страницу и открыл рот от изумления, увидев вырезку под заголовком:

МИЛЛИОНЕР ДЕРВЕНТ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В КОЛОРАДО ЧЕРЕЗ ЧЕРНЫЙ ХОД?

Во главе компании «Хай Кантри» стоит Чарлз Грондин. Отель «Оверлук», великолепный горный курорт в Колорадо и когда-то любимая игрушка миллионера Горация Дервента, оказался в центре финансовой заварушки, которая лишь сейчас начинает понемногу становиться достоянием гласности.

10 апреля прошлого года отель был приобретен лас-вегасской фирмой «Хай Кантри инвестмент», пожелавшей сделать из гостиницы закрытый престижный клуб для богатых клиентов, как отечественных, так и зарубежных. Из информированных источников нам стало известно, что «Хай Кантри» возглавляет пятидесятилетний Чарлз Грондин, который руководил корпорацией «Калифорния лэнд дивелопмент» до 1959 года, когда он ушел в отставку, чтобы занять высо-

кий пост в Чикаго, в штаб-квартире компании «Дервент Энтерпрайзис».

Все эти данные породили слухи о том, что, возможно, фирма «Хай Кантри инвестмент» контролируется неумным Дервентом, который пытается во второй раз заполучить отель «Оверлук».

Грондин, обвиненный в 1960 году в уклонении от уплаты налогов, но затем оправданный, оказался вне досягаемости для интервью. Что касается Горация Дервента, который очень болезненно относится к любым посягательствам на его частную жизнь и покой, то он наотрез отказался отвечать на любые вопросы, когда до него дозвонились журналисты. Депутат конгресса от штата Калифорния Дик Боуз потребовал провести полное расследование...

Вырезка была от 27 июля 1964 года. Следующая — из сентябрьского номера воскресной газеты за подписью Джоша Браннигара, известного «разгребателя грязи» андерсоновского толка. Джек вспомнил, что Браннигар умер то ли в 1968, то ли в 1969 году.

СВОБОДНАЯ ЗОНА МАФИИ В КОЛОРАДО?

Похоже, что гнездо мафии свито в забытом Богом отеле в центре Скалистых гор. «Оверлук», эта белая громада, которой со времени открытия отеля в 1910 году без особого успеха владели десятки групп и отдельных лиц, ныне является строго охраняемым закрытым клубом для крутых бизнесменов. Вопрос заключается в том, каким бизнесом действительно занимаются члены этого клуба? Список лиц, присутствовавших там с 16 по 23 августа, может, на мой взгляд, чуточку приоткрыть тщательно оберегаемую от чужих глаз тайну. Список этот принадлежит служащему компании «Хай Кантри инвестмент», которая, по всей вероятности, является ширмой для «Дервент Энтерпрайзис». Хотя не исключено, что интересы Дервента в «Хай Кантри» значительно потеснены в последнее время баронами от игорного бизнеса из Лас-Вегаса, а те, в свою очередь, связаны с воротилами организованной преступности.

Так кто же все-таки был в отеле «Оверлук» в ту памятную, солнечную августовскую неделю?

Чарлз Грондин. Президент фирмы «Хай Кантри». Он возглавил ее, уйдя с высокого поста в «Дервент Энтерпрайзис». В 1960 году был обвинен в уклонении от уплаты налогов, но потом оправдан. Грондин отказался дать мне интервью для этой колонки.

Чарлз «Бэби Чарли» Баталья, шестидесятилетний импресарио из Лас-Вегаса. Близкий друг Грондина. Его «послужной список» открывает арест в 1932 году. Он был осужден и потом оправдан за убийство в сугубо гангстерском стиле Джека «Датчи» Моргана. Федеральные власти подозревают «Бэби Чарли» в причастности к торговле наркотиками, контролю над проституцией, «наемному» убийству. Но Баталья оказался за решеткой лишь однажды, да и то ненадолго. За уклонение от уплаты налогов.

Ричард Скарн, владелец основного пакета акций компании «Фан Тайм Аутоматик Машин», поставляющей «одноручных бандитов» — игральные автоматы — для Невады и музыкальные проигрыватели в бары и рестораны всей страны. Привлекался к суду за вооруженное нападение (в 1940-м), незаконное ношение оружия (в 1948-м) и попытки обмануть налоговую инспекцию (в 1961-м). Из всех передраг ему удалось выйти сухим из воды.

Питер Цейс, импортер из Майами. Сейчас ему под 70. Последние пять лет потратил на борьбу против попыток выслать его из страны как нежелательную личность. Был осужден за скупку и укрытие краденого (1958), стремление обмануть налоговую инспекцию (1954). Очаровательный, элегантный, с изысканными манерами Цейс привлекался к суду по обвинению в убийстве и соучастии в убийстве. Один из влиятельных акционеров в компании Скарна. Кроме того, известно, что интересы Питера Цейса представлены в четырех казино Лас-Вегаса.

Витторио Джинелли, известный также по кличке «Вито Мясник», дважды привлекался к суду за типично гангстерские убийства. Против него было выдвинуто двадцать три обвинения, четырнадцать раз он предстал перед судом и лишь один раз был осужден за воровство в магазине в 1940 году. Говорят, что в последние годы Джинелли стал главой филиала Организации в западных штатах, штаб-квартира которого расположена в Лас-Вегасе.

Карл «Джимми-Рикс» Прашкин, инвестор из Сан-Франциско, возможный преемник Джинелли. Владелец крупного пакета акций в фирмах «Дервент Энтерпрайзис»,

«Хай Кантри инвестмент», «Фан Тайм Аутоматик Машин» и трех казино в Лас-Вегасе. В США Прашкин абсолютно чист. Но в Мексике привлекался к суду за мошенничество. Впрочем, эти обвинения очень быстро — через три недели, после предъявления — были отменены. Предположительно, Прашкин занимался отмыванием денег, полученных от операций в казино Лас-Вегаса, а затем переводил огромные суммы долларов на законные счета Организации, точнее — ее западного филиала. Ясно, что в эти операции вовлечен сегодня и отель «Оверлук» в Колорадо.

Другими посетителями «клуба» за указанный период были...

Список оказался длинным, но Джек только пробежал его глазами, не фиксируя внимание на фамилиях и поминутно вытирая губы рукой. Какой-то банкир, связанный с Лас-Вегасом. Люди из Нью-Йорка, представлявшие фирму, производящую одежду, но занимавшиеся, судя по всему, совсем другими делишками. Люди, подозреваемые в ограблениях, убийствах, продаже наркотиков, содержании притонов и прочая, и прочая, и прочая.

Господи! Вот так история! И вся эта публика пребывала здесь прямо над ним, в пустующих ныне номерах отеля. Упиваясь шампанским и любовью дорогих шлюх, они заключали сделки, которые оборачивались миллионами долларов. Может быть, даже в самих Президентских апартаментах. Да, это — интереснейшая тема, черт побери! Джек снова достал из кармана блокнот и ручку, сделал для себя пометки: «навести в библиотеке Денвера справки обо всех упоминавшихся личностях». Ну, это, конечно, потом, потом, после того, как он закончит работу в отеле. Кстати, что там говорил злоязыкий

Уотсон? В каждом отеле свои приведения? Да, в этом «Оверлуке» их же тьма-тьмущая!

Он снова взялся за папку. Следующая вырезка представляла собой гневный ответ Чарлза Грондина на обвинения, выдвинутые в статье Браннигара. Джек ухмыльнулся: знать, задели бизнесмена за живое «поклепы» «разгребателя грязи»!

Еще одна статья, подклеенная в папку, была столь велика, что ее пришлось сложить вчетверо, чтобы она уместилась на странице. Джек развернул вырезку, и у него перехватило дыхание: на фотографии были запечатлены Президентские апартаменты. Хотя обои с 1966 года были заменены на новые, Джек сразу узнал это окно и открывающийся за ним вид. Далее шло описание убийства: стена гостиной и дверь, ведущая в спальню, залиты кровью, на обоях светло-серые брызги, скорее всего мозги. Мрачный полицейский стоял возле трупa, накрытого одеялом. Джек все еще таращился на снимки, когда его взгляд упал на набранный крупным шрифтом буквально кричащий заголовок:

ПЕРЕСТРЕЛКА ПО-ГАНГСТЕРСКИ В КОЛОРАДСКОМ ОТЕЛЕ

Известный воротила преступного мира застрелен в клубе «Оверлук». Убиты еще двое. САЙДВИНДЕР, Колорадо (ЮПИ). В сорока милях от этого сонного колорадского городка, в сердце Скалистых гор, произошла расправа по-гангстерски. Отель «Оверлук», приобретенный три года назад одной фирмой из Лас-Вегаса и превращенный в закрытый престижный клуб, стал ареной тройного убийства. Двое из застреленных были, видимо, или компаньонами, или телохранителями знаменитого Витторио Джинелли, по кличке «Мясник», которую он заслужил за участие в кровавой расправе, имевшей место двадцать лет назад в Бостоне.

Полицию вызвал менеджер клуба «Оверлук» Роберт Норман, сообщивший, что слышал выстрелы. Кроме того, кое-кто из гостей сказал ему, что двое неизвестных, с черными чулками, натянутыми на голову, и оружием в руках, отстреливаясь, сбежали к автомобилю и скрылись.

Полицейский Бенджамир Мур обнаружил двух убитых, один из которых позже был опознан как Виктор Т. Бурман, а другой — Роджер Макасси. Оба из Лас-Вегаса. За дверями Президентских апартаментов, где когда-то останавливались президенты Соединенных Штатов, найдено тело Джинелли. Его расстреляли в упор из крупнокалиберных обреза.

Чарлза Грондина, представителя компании, которая владеет клубом, так и не удалось разыскать...

Под вырезкой жирным фломастером было выведено: *«Его яйца они унесли с собой»*. Похолодев, Джек глядел на эту зловещую строчку. Кому же все-таки принадлежала папка?

Он проглотил ком, застрявший в горле, и перевернул страницу. Снова колонка «разгребателя грязи» Джоша Браннигара, помеченная началом 1967 года. Джек прочел только заголовок: **«ЗЛОВЕЩИЙ ОТЕЛЬ ПОСЛЕ УБИЙСТВА ИЗВЕСТНОГО МАФИОЗИ ПРОДАН»**.

(Его яйца они унесли с собой)

Джек попытался найти в папке хоть какую-нибудь запись (имя, адрес, номер комнаты), так как чувствовал, что, кем бы ни был владелец этой папки, он непременно жил в отеле. Но Джек ничего не нашел. Он уже собирался продолжить свои изыскания, когда с лестницы, ведущей в подвал, раздался женский голос: «Джек! Где ты?»

Уэнди. Он вздрогнул от чувства необъяснимой вины, словно его застали за тайной выпивкой и жена может почувствовать запах алкоголя. Джек вытер губы тыльной стороной ладони и отозвался: «Я здесь, малышка. Ищу крыс».

Уэнди спускалась. Он слышал ее шаги на лестнице, потом в котельной. Быстро, не понимая, почему он так поступает, Джек сунул папку с вырезками снова поверх счетов и извещений. Обернувшись, он увидел, как Уэнди миновала арку.

— Ради всего святого, чем ты здесь занимаешься? Уже почти три часа.

— Не может быть! Я ковырялся здесь, среди этого хлама. Пытался найти, куда же подевались трупы...

Произнесенные в шутку слова будто обожгли его своей двусмысленностью, тупой болью отозвавшись в сознании.

Уэнди подошла ближе, и он машинально отшатнулся. Он понял, о чем думает Уэнди и чего она хочет: узнать, не пахнет ли от него алкоголем. Может, Уэнди сама не отдавала себе в этом отчет, но он-то все понимал, и это пробуждало в его душе чувство безответной вины и растущей злости.

— У тебя рот в крови,— удивленно сказала Уэнди.

— Да? — Он прикоснулся рукой к губам и увидел на пальцах следы крови, почувствовав себя еще более виноватым, чем прежде.

— Ты опять тер свой рот.— Голос жены звучал скорее безразлично, чем укоризненно.

— Наверное.— Он пожал плечами.

— Тебе было чертовски плохо?

— Да нет, не сказал бы.— Джек направился к выходу, обняв жену за талию. Все-таки, когда двигаешься, легче, чем когда стоишь на месте.

Джек отбросил ее белокурый локон и поцеловал Уэнди в шею:

— А где Дэнни?

— Там, наверху. Погода испортилась. Собираются тучи. Ты голоден?

— Как волк.— Его рука соскользнула с талии Уэнди и задержалась на ее тугом, обтянутом джинсами бедре.

— Эй, води себя пристойно, шалун! Не начинай того, что не сможешь завершить.

— Чего изволите, мадам? — Джек продолжал гладить жену по тугому аппетитному задку.— Похабные картинки? Необычные позы?

Проходя арку, он обернулся и взглянул на ящики, где покоилась белая папка с вырезками.

(Чья же она?)

Свет погас, осталась только тень. Он почувствовал облегчение от того, что они с Уэнди уходят вместе. Его страсть несколько поутихла, стала более спокойной и естественной.

— Займемся любовью, мадам?

— Возможно. Но не здесь и только после того, как ты съешь свой сандвич. Ой, щекотно!

— Я защекочу вас до смерти, мадам!

— Отстань! Как насчет сандвича с ветчиной и сыром? На первое?

Они поднимались наверх, и Джек больше не оглядывался. Но в голове его не переставали крутиться слова Уотсона.

(Во всех больших отелях свои скандалы, как и привидения. Почему? Черт возьми, люди снуют туда-сюда...)

Пока Уэнди не захлопнула дверь, ведущую в подвал.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ 217-го НОМЕРА

Дэнни вспомнил слова, произнесенные Хэллоранном перед отъездом:

Она рассказала, как видела нечто в одном из номеров, в котором, э-э... когда-то случилось несчастье. Это номер 217, и я хочу, чтобы ты, Дэнни, пообещал мне никогда туда не входить...

Это была абсолютно обычная дверь. Ничем не отличавшаяся от других дверей на втором и третьем этажах отеля. Темно-серая. На полпути из коридора, под прямым углом уходящего в холл второго этажа. Таблички на дверях похожи на те, что закреплены на квартирах дома в Боулдере, где они жили до переезда сюда. А-2, А-1, А-7. Подумаешь, большое дело! Под каждой табличкой глазок. Дэнни заглядывал в него. Изнутри, когда смотришь, коридор представляется широким и округлым, словно на фотографии, снятой объективом «рыбий глаз». Снаружи, сколько ни напрягайся, ничего не увидишь. Сплошное надувательство.

(Почему ты здесь?)

После прогулки по старой, изрытой колеями дороге, мама приготовила ему любимый ленч: sandwich с сыром и колбасой и фасолевый суп. Они перекусывали в кухне и болтали ни о чем. Радио передавало какой-то концерт. Кухня была его любимым местом в отеле. Кажется, мама и папа чувствовали то же самое, потому что в столовой они обедали лишь три дня, а потом все, с молчаливого согласия, перебрались на кухню. Стулья они расставили вокруг разделочного

стола. Огромная столовая подавляла, несмотря на яркое освещение и музыку, струившуюся из стереосистемы, установленной в кабинете. Но там они оказывались среди десятков других, пустых столиков, покрытых одинаковым пластиком. Мама сказала, что принимать там пищу все равно, что сидеть в самой середине романа Горация Уолпола. Папа рассмеялся и согласился. Дэнни понятия не имел о том, кто такой Гораций Уолпол, но знал точно: с тех пор, как они начали пользоваться кухней, мамина готовка стала гораздо вкуснее. Он научился находить невидимые следы Дика Хэллоранна, и они действовали на него ободряюще, как теплое, дружеское прикосновение.

Мама съела полсэндвича, но так и не притронулась к супу. Она сказала, что отец, видимо, работает где-то в здании, так как их «фольксваген» и гостиничный грузовик были на автостоянке. Она решила часок отдохнуть, потому что очень устала. («Я прилягу, если ты чем-нибудь займешься и не станешь искать приключений на свою голову».) Дэнни с полным ртом, забитым сыром и колбасой, пообещал быть паинькой.

— Почему бы тебе не пойти на детскую площадку поиграть в песке с твоими машинками, ты же любишь это место?

Дэнни проглотил остатки сэндвича:

— Может, я так и сделаю.

Он отвернулся к радиоприемнику и стал крутить ручку настройки.

— А эти смешные зверюшки из живой изгороди? Папа собирается скоро подстричь кусты и привести изгородь в порядок, — сказала мама, убирая пустые тарелки.

— Да-а-а,— протянул неопределенно Дэнни.
(...жуткие, отвратительные вещи... однажды это было связано с этими чертовыми кустами, выстриженными под животных...)

— Если ты увидишь папу раньше меня, скажи ему, что я легла спать.

— Конечно, мамочка!

Уэнди сунула грязные тарелки в мойку и обернулась к сыну:

— Скажи, тебе хорошо здесь, Дэнни?

— Да, да!

— Кошмары больше не преследуют тебя?

— Нет!

Тони однажды пришел к нему, когда Дэнни уже лежал в постели, и позвал его по имени откуда-то издалека, но Дэн крепко зажмурил глаза и лежал так, пока Тони не исчез.

— Это правда?

— Да, мамочка!

Уэнди, похоже, была полностью удовлетворена ответом.

— Как твоя рука?

— Гораздо лучше.

Она кивнула. Джек, заморозив осиное гнездо, закопал его в саду. С тех пор эти твари больше не объявлялись. Отец написал адвокату в Боулдер, приложив снимки распухшей руки Дэна. Через два дня пришел ответ, который привел Джека в ярость и испортил ему настроение на весь день. Адвокат сомневался в том, что можно выиграть процесс у компании, выпускающей аэрозоль против ос, поскольку Джек — единственный свидетель брака продукции, утверждающий, что препарат не сработал, хотя и действовал в соответствии с приложенной к нему ин-

струкцией. Джек в своем письме просил также адвоката поинтересоваться, не поступало ли жалоб на продукцию фирмы. Да, отвечал адвокат, такие случаи были, но все равно надежды на выигрыш дела никакой, даже если бы все распроданные аэрозоли оказались с дефектом. Он вспомнил дело против компании, выпускающей лестницы; истцом был клиент, который, свалившись со стремянки, сломал себе позвоночник. Пустой номер. Уэнди, разумеется, разделяла гнев Джека, хотя в душе не могла нарадоваться тому, что их сын так легко отделался. Пусть судебными преследованиями занимаются люди, которые хоть что-то в этом понимают. Торренсы к их числу явно не относились. Да и ос больше не было.

— Ну, беги, играй! Наслаждайся.

Увы! У него не было ни желания, ни настроения играть. Дэнни бесцельно слонялся по отелю, заглядывая в комнаты горничных и портье, сторожей и садовников, надеясь найти там хоть что-нибудь интересное. Ничего! Удрученный, мальчуган брел по темно-синему ковру, пытаясь открыть двери номеров, но они все, разумеется, были заперты. Отмычка висела внизу в кабинете, он даже знал, где именно, но отец строго-настрого запретил ему к ней прикасаться. Да он и не хотел. Действительно, не хотел?

(Почему ты здесь?)

В общем, конечно, ничего бесцельного в его блуждании по отелю не было: его, как магнитом, тянуло к номеру 217. Любопытство? Он припомнил историю, которую ему как-то прочитал отец, когда был пьян. Дело происходило давным-давно, но представилось Дэну так живо,

будто события разворачивались прямо у него на глазах. Мама стала ругать отца за то, что он читает трехлетнему ребенку все эти ужасы. Сказка называлась «Синяя борода», хотя сначала ему слышалось — «Синяя птица». Но там не было ни синих, ни каких-либо других птиц вообще. Сказка была о жене Синей Бороды, очаровательной, белокурой леди, вроде мамы. Когда они поженились, то стали жить в огромном мрачном замке (как отель «Оверлук»?). Каждый день этот джентльмен по имени Синяя Борода уходил на работу и каждый день наказывал своей прелестной женушке не заглядывать ни в коем случае в одну комнату, хотя ключ от нее висел у всех на виду, на крючке («как эта отмычка внизу в кабинете»). Жена Синей Бороды просто сгорала от любопытства. Ей так хотелось хоть одним глазком заглянуть в запертую комнату. Она пыталась увидеть что-нибудь через замочную скважину («как я в глазок номера 217»). В книге была иллюстрация: женщина, опустившись на колени, пытается рассмотреть, что же там, за дверью...

В книжке старых сказок подробно описывалось, что же в конце концов увидела в запретной комнате жена Синей Бороды. Память мальчика воскресила эту жуткую картину: отрезанные головы семи бывших благоверных Синей Бороды. Каждая на своей подставке. Закатившиеся глаза, рты, искаженные последним криком. Они каким-то образом держались на шеях, обрубленных широким мечом. По подставкам стекала кровь.

Насмерть перепуганная женщина решила бежать от этой страшной комнаты и из замка вообще, но на пороге стоял, сверкая своими жут-

кими глазами, ее муж — Синяя Борода. «Я же говорил тебе, чтобы ты не входила в эту комнату! — прокричал он, обнажая меч. — Увы! Ты столь же любопытна, как и те семь женщин, и несмотря на то, что я люблю тебя больше всех, тебя ждет тот же конец. Приготовься к смерти, несчастная!»

Дэнни смутно вспоминалось, что сказка завершилась хеппи-эндом, но эта мысль терялась и блекла перед двумя главными вещами: запертая дверь скрывала некую великую тайну и суть этой тайны — семь отрубленных голов.

Дэн не представлял, как долго пробыл он, словно в гипнозе, перед темно-серой запертой дверью. Его рука непроизвольно потянулась к ручке.

(И, наверное, раз десять-двенадцать бывали и настоящие кошмары)

Но мистер Хэллоранн, Дик говорил, что они вряд ли могут навредить, эти кошмары. Они не более чем страшные картинки в книжке. Кстати, там может вообще ничего не оказаться. С другой стороны...

Дэнни опустил руку в левый карман брюк и вытащил оттуда отмычку. Естественно, она была с ним с самого начала. Дэн вытащил отмычку за прикрепленную к ней цепочкой металлическую пластину. Он покрутил в руках ключ — тот пропеллером завращался на цепочке. Потом, не раздумывая, вставил отмычку в замок. Она вошла как по маслу, будто давно мечтала об этом.

(Жуткие, отвратительные вещи... пообещай мне никогда туда не входить...)

(Хорошо)

Обещание, без сомнения, было очень важным фактором. Любопытство жгло его. Опасное любопытство. Жгучее желание поскорее узнать, что же дальше, как это бывает, когда смотришь фильм ужасов. Но там, за дверью, там будет совсем не фильм!

(Вряд ли это может навредить тебе... это только видения, как картинки в книжке...)

Неожиданно Дэнни вытащил отмычку из замка, сунул ее обратно в карман, поглядел на темно-серую дверь, повернулся и быстро пошел по коридору к холлу третьего этажа.

Не дойдя до цели, он остановился. Что-то заставило его остановиться. Он вспомнил, что за поворотом, на выходе к лестнице, на стене висит старомодный огнетушитель со шлангом, свившимся, как спящая змея.

Все эти огнетушители в отеле, говорил папа, в подметки не годятся новым, химического типа. И хотя, подсоединенные к общей водопроводной системе отеля, поворотом крана они приводились в действие и могли заменить целую пожарную команду, конечно же, химические огнетушители предпочтительнее. Там бьющая пена (CO_2) лишает горящие участки кислорода и надежно гасит огонь. Старые же огнетушители, работающие под высоким давлением, не всегда справляются со всепожирающим пламенем. Папа советовал мистеру Ульману заменить всю противопожарную систему в отеле, а также устаревшую и опасную котельную, но СТАРЫЙ ХРЕН отказался даже обсуждать эту проблему. Дэнни знал, что «старый хрен» самое худшее ругательство в словаре его отца. Куда бы ни обращался отец со своим предложением о за-

мене огнетушителей, всюду получал отказ под предлогом того, что все эти новшества превысят бюджет. «Превысят бюджет», — горячился Джек, обращаясь к жене (Дэнни слышал этот разговор из своей спальни, где, как предполагалось, он уже давно спал), он просто экономит полтыщи долларов для себя, этот СТАРЫЙ ХРЕН.

Дэнни заглянул за угол. Огнетушитель висел на месте: шланг двенадцать раз обвился вокруг красного бачка. Над ним под стеклом, как музейный экспонат, на полке покоился топор. Белыми буквами по красному фону было выведено: «В чрезвычайном случае разбейте стекло». Дэнни прочел слово «чрезвычайный», которое он знал, потому что так назывался его любимый телесериал. В отношении других слов у него имелись некоторые сомнения. С «чрезвычайным» связаны взрывы, пожары, авиа- и автокатастрофы, больницы, иногда смерть. Дэну жутко не нравился этот зловещий, свернувшийся змеей шланг. Когда он бывал один, то старался как можно быстрее пройти мимо него. Без всяких особых причин. Просто он чувствовал себя лучше, когда шел быстро. Безопаснее.

Завернув за угол, с колотящимся в груди сердцем, он посмотрел мимо огнетушителя с его мерзким шлангом на лестницу. Там, внизу, спит мама. Если вернулся папа, то он, наверное, уже сидит на кухне, жует сэндвич и читает какую-нибудь книгу. Он прошмыгнет сейчас мимо шланга на лестницу.

Дэнни двинулся вперед. Осталось двадцать шагов. Пятнадцать. Десять. В это время бронзовый наконечник с глухим стуком соскользнул на ковер. Он лежал на полу, уставившись на Дэн-

ни. Мальчик остановился. Кровь стучала у него в висках. Во рту пересохло, руки сжались в кулаки. Он просто упал. Ну, и что? Это же обычный пожарный шланг. Глупо думать, что он выглядит как ядовитая змея из книги «Мир диких зверей», которая услышала его и проснулась. Нужно побыстрее пройти мимо к лестничной площадке, может быть, стараясь, чтоб шланг не обвил его ноги...

Он вытер губы тыльной стороной ладони, невольно подражая отцу, и зашагал вперед. Ничего! Еще шаг. Ничего. Ну, видишь, насколько ты глуп? Он думал все время о запертой комнате, о глупой сказке про Синюю Бороду, а шланг вот уже лет пять собирался упасть. Вот и все!

Дэнни взглянул на валяющийся на ковре металлический наконечник пожарного шланга и почему-то вспомнил про ос. Еще восемь шагов. Наконечник лежал мирно, будто говоря: «Не беспокойся. Я просто пожарный шланг. И если я что-то сделаю тебе, малыш, это будет не больше, чем укус пчелы. Или осы. Если что я и хочу сделать маленькому хорошенькому мальчику, так это легонько укусить его... укусить».

Дэнни сделал еще один шаг и еще. Он дышал тяжело и прерывисто. Страх охватил его. Ему уже захотелось, чтобы шланг *стал двигаться*, тогда бы он хоть знал, чего ждать. Он сделал еще шаг и оказался на расстоянии возможного удара. «Но не станет же он бить меня», — подумал Дэн, чувствуя, что у него начинается истерика. Как же он может ударить или укусить, если это обычный пожарный шланг?

Но, может, там внутри полно ос?

Мальчик похолодел. Он уставился в черную дыру наконечника, как загипнотизированный. Может, шланг полон этих жутких ядовитых ос? Дэн понял, что коченеет от страха, что если он немедленно не сдвинется с места, то так и останется на этом ковре, глядя в черную дыру металлического чудовища. Как птичка, что смотрит замороженно на готовящуюся к броску змею. Он будет стоять так, пока отец его не найдет. И что же тогда случится?

С криком мальчик бросился бежать. Когда он сравнялся со шлангом, из-за игры света ему показалось, что тот зашевелился и изготавился для удара. Дэнни подпрыгнул. В том паническом состоянии, в котором он пребывал, ему пригрезилось, что он достал до потолка. Приземлившись по другую сторону от ненавистного шланга, он побежал. И вдруг услышал, что тот преследует его по пятам. Эта бронзовая головка шланга гремучей змеей устремилась за ним. Она приближалась. А лестницы все не было: при каждом шаге мальчика она все отдалялась и отдалялась.

«Папа! Па-а-на!» — хотел прокричать Дэнни, но из горла, стиснутого ужасом, не вырвалось ни звука. Дэнни был один. Предоставленный сам себе. Шум преследования за его спиной становился все громче и явственнее: шорох змеи, скользящей по ковру. На ее металлической пасти застыли капли смертельного яда. Дэнни добежал до лестницы и отчаянно замахал руками, чтобы сохранить равновесие. Чтобы не покатиться вниз кувыркком по ступеням.

Он обернулся. Наконечник шланга лежал все на том же месте, куда упал. Он лежал, уставив-

шись своим рылом в другую сторону, не обращая никакого внимания на перепуганного Дэнни. Вот видишь, дурачок?! Это все твое предательское воображение! Пугливый мышонок, мышонок-трусишка!

Он прислонился к перилам лестницы. Ноги дрожали и подкашивались.

(Да он вовсе и не гнался за тобой),
подсказывал ему разум, вновь и вновь проигрывая случившееся.

(Он не гнался, он не гнался и никогда не погонится!)

Да, бояться абсолютно нечего. Он даже мог бы сейчас запросто вернуться и положить упавший наконечник шланга на место. Конечно, мог бы, но не станет. А если тот все-таки преследовал его, а потом вернулся? Чтобы выждать. А когда Дэнни снова подойдет к нему, схватить?

Шланг лежал на ковре, будто спрашивая: «Ну, что, Дэнни, придешь?»

Задышавшись, мальчик побежал вниз по лестнице.

РАЗГОВОР С МИСТЕРОМ УЛЬМАНОМ

Общественная библиотека Сайдвиндера размещалась неподалеку от делового центра города в небольшом старинном здании, увитом диким виноградом. Широкие бетонные ступени вели к величественному входу. На лужайке перед ним возвышалась бронзовая статуя генерала — участника Гражданской войны Севера и Юга, о котором Джек никогда ничего не слышал, хотя в школе увлекался событиями той давней поры и знал их, что говорится, назубок.

Подшивки хранились в библиотеке на первом этаже. Сайдвиндерская «Газет», прекратившая свое существование в 1963 году, «Эстес Парк дейли» и «Камера» из Боулдера. И никаких изданий из Денвера.

Джек, вздохнув, принялся листать «Камеру».

После 1965-го газеты были заменены микрофильмами. («Подарок федеральных властей, — с гордостью заметил библиотекарь, — мы надеемся и другие газеты заменить микрофильмами, как только получим новый чек. Надеюсь, вы будете аккуратны, не правда ли? Позовите меня, если понадобится моя помощь».) Линза у единственного в библиотеке аппарата для чтения микрофильмов была поцарапана и деформирована, поэтому когда сорок пять минут спустя рука Уэнди легла на плечо Джека, он чувствовал себя совершенно раздавленным. От напряженного чтения газет у него разболелась голова.

— Дэнни в парке, и я не хочу оставлять его

там одного надолго. Сколько тебе еще понадобится времени? — спросила Уэнди.

— Думаю, не больше десяти минут. — Джек напал на интересный материал, касающийся периода между перестрелкой в «Оверлуке» и приходом к руководству отелем Стюарта Ульмана и К°. Но он чувствовал, что ему лучше не говорить об этом жене.

— А чем ты, собственно, здесь занимаешься? — спросила Уэнди, потрепав Джека по волосам. В голосе у нее не было ни раздражения, ни озабоченности.

— Интересуюсь кое-какими фактами из истории отеля «Оверлук».

— На то есть серьезные причины?

— Да нет. Просто любопытно.

— Нашел что-нибудь интересное?

— Не так уж много, — ответил Джек, стараясь придать своему голосу равнодушно-вежливый тон. Снова она за свое — подглядывает, вынюхивает, как в Стовингтоне: куда это ты собрался, Джек? Когда вернешься, Джек? Сколько взял с собой денег? Воспользуешься машиной или отправишься пешком? А Эл будет с тобой? Хоть один из вас останется трезвым? И так далее и тому подобное. Она сама толкала его на то, чтобы надраться. Конечно, это была не единственная причина крепко выпить, но, Господи, одна из многих. И немаловажная. Зудит и зудит. Придирается к мелочам, поневоле напьешься.

(Где? Когда? Как? Сколько? Будешь?) —
бесконечный поток глупых вопросов. Они доведут,

(до головной боли? до похмелья?)

да, до головной боли! Проклятый аппарат с деформированной линзой!

Вот почему у него башка трещит...

— Джек, ты в порядке? Ты так побледнел...

— В порядке, все в порядке.— Он сжал голову руками.

Уэнди ошарашенно смотрела на мужа:

— Ну, если все в порядке. Я, пожалуй, пойду... Мы с Дэнни подождем тебя в парке.— Она направилась к выходу с вымученной улыбкой на красивых полных губах.

Он окликнул ее.

— Что, Джек?

Он поднялся и подошел к Уэнди:

— Прости меня, малышка! Не сердись. Я что-то скверно себя чувствую. А еще этот аппарат для чтения микрофильмов... Линза у него ни к черту! У меня от этого голова разболелась. У тебя найдется аспирин?

— Конечно! — Она порылась в сумочке и достала коробочку с лекарством.— Держи ее у себя.

— Анасин. А экседрина нет?

Тень набежала на лицо Уэнди. И он понял почему. Это была у них не самая веселая шутка, еще в ту пору, когда он только начал пить, но не надирался до чертиков. Джек утверждал, что экседрин — единственное надежное средство с похмелья.

— Экседрина, к сожалению, нет.

— Ну и ладно. Это поможет,— сказал Джек.

— Хочешь воды? — спросила Уэнди.

(Нет!!! Я хочу одного, чтобы ты катилась отсюда к едреной фене!)

— Спасибо! Я выпью наверху из фонтанчика, когда буду уходить отсюда.

— О'кей! — Она двинулась к выходу, перебирая своими длинными ногами, стройность которых подчеркивала короткая шерстяная юбка. — Мы будем ждать тебя в парке.

— Хорошо! — Джек сунул коробочку с лекарством в карман и вернулся к газетам. Он включил аппарат для чтения микрофильмов. А когда убедился, что Уэнди ушла, поднялся наверх выпить лекарство. Дерьмо! Голова раскалывалась пополам. При такой боли можно было бы разрешить мужу пропустить пару стаканчиков. Для баланса.

Он гнал эту мысль от себя, но возвращался к ней снова и снова. Джек подошел к столу, где выдавались книги, вертя в руках спичечный коробок с записанным на нем номером телефона.

— Простите, у вас есть здесь телефон-автомат?

— Нет, сэр. Но вы можете воспользоваться моим. Он местный.

— Жаль. Мне нужен междугородный.

— Тогда вам лучше зайти в аптеку. Там есть будка для переговоров.

— Благодарю вас.

Он вышел из библиотеки. Сбежал по ступенькам мимо лужайки, мимо неизвестного генерала, героя Гражданской войны, и направился к деловому центру. Руки в карманах. Голова гудит, как свинцовый колокол. Небо тоже в свинцовых тучах. Было начало ноября, и погода угрожающе портилась. В горах уже кое-где наблюдались снегопады. Снег выпадал и в октябре, но быстро таял. Сейчас снег держался, поблескивая

в лучах солнца, как хрусталь. Солнца не было, начал припорошивать снег, когда Джек наконец добрался до аптеки.

Телефонная будка находилась в глубине. Он был уже на полпути к ней, позвякивая мелочью в кармане, когда его взгляд упал на полки с лекарствами, среди которых стояли знакомые белые коробочки с зеленым шрифтом на них. Джек взял одну, расплатился с кассиром и продолжил свой путь к телефону-автомату. Джек плотно прикрыл дверь и набрал «0».

— Ваш номер, пожалуйста! — прозвучало в трубке.

— Форт Лодердейл, Флорида! — Он назвал девушке-оператору номер и свой, в будке. Когда она ему сказала, что разговор будет стоить доллар девяносто центов за первые три минуты, он опустил в щель автомата восемь четвертаков и стал ждать.

В трубке слышалось какое-то шуршание, позвякивание, отдаленные гудки междугородных соединений. Джек достал из коробки зеленую бутылочку с белой крышкой, вытряс оттуда три таблетки и аккуратно разложил их на подставке вместе с оставшейся мелочью.

На другом конце раздалась телефонные гудки:

— Сёрф-Сэнд Резорт. Чем можем вам помочь? — спросил жизнерадостный женский голос.

— Я бы хотел поговорить с управляющим...

— Вы имеете в виду мистера Трента или...

— Я говорю о мистере Ульмане.

— Боюсь, что мистер Ульман не сможет подойти к телефону, он сейчас очень занят, но ес-

ли вы хотите, чтобы я доложила ему о вашем звонке...

— Непременно. Скажите мистеру Ульману, что звонит Джек Торренс из Колорадо.

— Подождите, пожалуйста, минутку.

Джек взял одну из таблеток экседрина, посмотрел на нее, сунул в рот и принялся жевать. Медленно и с явным облегчением. Вкус горький, но обнадеживающий. Жевать экседрин вошло у него в привычку в те давние дни запоев. С тех пор он не пользовался этим лекарством. Но, когда трещит голова — с похмелья или просто так, как сейчас, — таблетки незаменимы. Где-то Джек читал, что, жуя экседрин, к нему постепенно привыкаешь, как к наркотику. Где же это он читал? Нахмурившись, Джек пытался вспомнить. В это время в трубке раздался голос Ульмана:

— Торренс?! Что-нибудь стряслось?

— Нет. Котел работает нормально, и я пока еще не прирезал свою жену. Займусь ею после праздников, когда станет совсем скучно.

— Очень смешно. А что же вы звоните? Я занят.

— Да, знаю, вы занятой человек. А звоню я по поводу тех вещей, о которых вы мне почему-то ничего не сказали, расписывая славное и благородное прошлое отеля «Оверлук». Я говорю, к примеру, о том факте, что Гораций Дервент продал отель кучке жуликов, которые управляли курортом через такое число подставных лиц и корпораций, что даже Интерпол не докопался бы до истинного владельца. Или о том, что эти дельцы выжидали, пока не пробил их час, и они превратили «Оверлук» в пристанище

для воротил мафии. Или о том, как отель пришлось прикрыть в 1966-м после того, как один из тузов оказался немножко мертв. Вместе с его телохранителями, что стояли у дверей в Президентские апартаменты. Вилсон, Гардинг, Рузвельт, Никсон и Вито «Мясник». Хорошенькая компашка. А?

На другом конце телефонного провода на миг воцарилось удивленное молчание, потом Ульман спокойно произнес:

— Не приложу ума, мистер Торренс, какое отношение все эти события имеют к вашим непосредственным обязанностям зрителя отеля?

— Но самые забавные вещи стали происходить уже после безвременной кончины Джинелли, не правда ли? — опять начал Джек. — Пара перетрясок, и вдруг владельцем отеля «Оверлук» становится частное лицо. Некая Сильвия Хантер, которая с 1942 по 1948 год была Сильвией Хантер-Дервент...

— Ваши три минуты истекли, — прозвучало в трубке...

— Мы продолжим разговор, — сказал Джек, опуская в автомат еще восемь монет по двадцать пять центов.

— Дорогой мистер Торренс, все, о чем вы так горячо говорите, общеизвестно. Это уже старая история!

— К сожалению, мне многое было неизвестно, да и вряд ли сыщутся люди, которые были бы в курсе этих событий. Может, кто-нибудь и помнит о том, что в «Оверлуке» пристрелили Джинелли, хотя я лично сомневаюсь в этом. Как и в том, что общеизвестны причины, по кото-

рым отель переходил из рук в руки с 1945 года и тем не менее всегда оставался собственностью Дервента или его подручных. Чем управляла Сильвия Хантер в 1967—1968 годах, мистер Ульман? Это был дорогой публичный дом, не так ли?

— Торренс! — вскричал Ульман, и этот крик во всех нюансах прокатился по проводам на две тысячи миль, разделявших Колорадо и Флориду.

Джек улыбнулся и, сунув в рот вторую таблетку экседрина, принялся ее тщательно пережевывать.

— Сильвия Хантер быстренько продала отель после того, как там от сердечного приступа загнулся один известный сенатор. Поговаривают, что на нем ничего не было, кроме черных нейлоновых чулок, пояса да пары кожаных лодочек на шпильках...

— Это гнусная, непотребная ложь, — прорычал мистер Ульман.

— В самом деле? — Джек чувствовал себя все лучше и лучше.

Головная боль постепенно уходила. Он взял последнюю таблетку, разжевал ее и проглотил, ощущая во рту приятную горечь.

— И вообще все это было цепью печальных, несчастливых совпадений. Случайностей, — проговорил Ульман. — Но ближе к делу: что вы собираетесь предпринять? Написать очередную дурнопахнущую статейку? Шантажировать меня?

— Успокойтесь, сэр. Ничего подобного у меня и в мыслях не было. Я позвонил лишь потому, что вы ведете со мной нечестную игру. И потому...

— Я? Нечестную игру? Да что же вы хотите и ради Бога скажите, кто вы такой? Как все эти старые истории могут влиять на вашу работу? И уж не хотите ли вы сказать, что в «Оверлуке» по этажам бродят привидения и пугают вас?

— Не думаю, что в отеле есть привидения. Но вы, прежде чем принять меня на работу, прошлись по моему прошлому, изучив его до деталей. А затем вызвали меня на ковер и допрашивали с пристрастием, как мальчишку, сомневаясь даже в том, смогу ли я справиться со своими обязанностями смотрителя «Оверлука». Это крайне унижительно.

— Я не верю ни единому вашему слову. Мне хочется уволить вас, мистер Торренс, и я, наверное, так и сделаю.

— Думаю, Эл Шокли будет против этого возражать. Очень энергично.

— А мне кажется, вы переоцениваете степень участия мистера Шокли в вашей судьбе.

На мгновение Джек почувствовал, как головная боль снова возвращается к нему. Он закрыл глаза, как бы стараясь укрыться от надвигавшейся боли. Откуда-то издалека он слышал свой вопрошающий голос: «Кто владеет отелем сейчас? Все та же всесильная фирма «Дервент Энтерпрайзис»? Или вы слишком мелкая букашка, чтобы знать это?»

— Думаю, достаточно, мистер Торренс. Вы обычный служащий отеля, как швейцар, посудомойка, горничная, официант. И я отнюдь не намерен...

— Ладно! Я напишу обо всем Элу. В конце концов он член совета директоров. И сделаю маленькую приписочку относительно...

— Дервент не является владельцем отеля!

— Как? Я не верю своим ушам.

— Я повторяю: Дервент не является владельцем отеля «Оверлук». Держатели акций — люди с Восточного побережья. Кстати, ваш дружок — держатель одного из крупнейших пакетов: ему принадлежит добрых 35 процентов акций. И вам лучше знать, связан ли Эл Шокли с Дервентом или нет.

— Кто там еще?

— Я не намерен называть вам фамилии других владельцев, мистер Торренс. И собираюсь передать все это дело на рассмотрение...

— Еще один вопрос.

— Я не обязан вам отвечать...

— История «Оверлука» — более или менее полная — изложена в материалах папки, которую я нашел в подвале. Большая такая, в обложке из белой кожи, перевязанная золотым шнурком. Не знаете ли вы, кому она могла принадлежать?

— Понятия не имею.

— Может быть, Грейди? Смотрителю, который покончил с собой?

— Мистер Торренс, — проговорил Ульман ледяным тоном, — я уверен, что мистер Грейди, конечно же, умел читать. Все. Копайтесь там себе в отбросах. Вы и так уже отняли у меня непозволительно много времени.

— Я собираюсь написать книгу, посвященную истории достославного отеля «Оверлук», и вот подумал, что было бы благородно упомянуть с благодарностью имя владельца папки с вырезками.

— Писать книгу об «Оверлуке» — затея пустая и не шибко мудрая. Особенно если книга будет написана с ваших... позиций.

— Знаете, сэр. Ваша точка зрения нисколько меня не удивила.

Головная боль прошла совсем. Остались лишь какие-то отголоски, осколки былой боли. Его разум был чист, предельно точен. Таким он себя чувствовал, когда ему легко писалось, или после трех стаканчиков хорошей выпивки... Ах, он чуть совсем не забыл об этом. Джек не знал, как на кого действовал экседрин, но он лично после трех разжеванных таблеток ловил кайф. Он сказал:

— Понимаю, вам хотелось бы иметь что-то вроде роскошного рекламного проспекта-путеводителя, который вы могли бы дарить своим вельможным гостям по приезду в отель. Что-нибудь с шикарными фотографиями окружающих гор в закатных и рассветных тонах со слащавым текстом к ним. А также со специальным разделом о знаменитостях, посещавших «Оверлук», исключая, конечно, таких, как бедняга Джинелли и его дружки.

— Если бы я мог уволить вас, уверенный на 100 процентов в том, что сохраню свое место, — произнес Ульман натянутым голосом, — я бы сделал это немедленно, по телефону. Но поскольку на пять процентов я все же не уверен, я позвоню мистеру Шокли сразу же после того, как вы повесите трубку.

— Но ведь в моей книге будет только правда! Нет никакой необходимости приукрашивать историю.

(Ну, зачем, зачем ты дразнишь и кусаешь его? Ты хочешь, чтобы тебя и в самом деле уволили?)

— Мне наплевать, если даже в пятой главе вы напишете, что папа римский трахнул тень Девы Марии. Я хочу, чтобы вы убрались к черту из моего отеля, — повысил голос Ульман.

— Это не твой отель, — прокричал Джек и хлопнул трубку на рычаг.

Он присел на стул, тяжело дыша, немного перепуганный.

(Не чересчур? Еще как! Черт возьми!)

Джек сидел удивленный прежде всего тем, зачем вообще ему пришла в голову идея звонить Ульману. Чего он добивался?

(Если ты снова выйдешь из себя, Джек...)

Да. Да. Он вышел из себя. Отказали тормоза. Нет смысла отрицать очевидное. А самое главное — он не знал, как велико влияние этого СТАРОГО ХРЕНА на Эла. Так же, как не ведал, сколько еще дерьма может вынести от него Эл во имя старой дружбы. Если Ульман и вправду так хорош и чист, как он об этом твердит, и если он поставит ультиматум перед Элом — «или я, или этот подонок», — не согласится ли с ним мистер Шокли, владелец 35 процентов акций?

Он закрыл глаза и попытался представить разговор с Уэнди. Знаешь, что скажу тебе, малышка? Я снова потерял работу. На этот раз мне, чтобы набить морду одному негодяю, пришлось совершить путешествие длиной в две тысячи миль по кабелю «Белл телефон». Но я таки сделал это.

Джек открыл глаза и вытер рот платком. Ему смертельно хотелось выпить. Господи, нужен всего один-единственный стаканчик. Там по

пути к парку есть кафе. Он мог бы быстро осушить бокал пива. Только один. Чтобы улеглась пыль...

Джек бессильно сжал кулаки. Снова в памяти всплыл вопрос: зачем же он позвонил Ульману? Номер «Сёрф-Сэнд» в Лодердейле он увидел в записной книжке в кабинете вместе с телефонами слесарей, плотников, водопроводчиков, электриков и прочих. Джек записал его на спичечной коробке сразу же, как только они решили съездить в Сайдвиндер. А мысль дозвониться до мистера Ульмана возникла даже еще раньше, как только он проснулся. Она расцветала и крепла подспудно в его сознании, наполняя душу беспричинной радостью. Но зачем это было нужно? Почему? Когда-то, в пору его запоев, Уэнди с горечью заметила, что он постоянно стремится к самоуничтожению, но у него просто не хватает элементарной силы воли осуществить это. Потому-то ему и приходится изобретать различные способы, чтобы переложить решение проблемы на других, ставя под удар тем самым и себя, и всю семью. Может, так оно и есть на самом деле? Может, подсознательно он снова лезет на рожон, чтобы накликать беду? Господи, милосердный Боже, только не это! Пожалуйста!

Джек прикрыл глаза, и перед ним как на экране возникла картина: он засовывает руку под черепицу, чтобы вытащить проклятое осиное гнездо, чувствует болезненный, острый укус и слышит собственный перепуганный насмерть голос: «Ах ты распроклятое чертово племя!»

На смену пришло другое видение двухлетней давности. Он, спотыкаясь, вваливается в три часа ночи домой, пьяный в стельку. Натывается на

стол. Изрыгает проклятия и падает плашмя на пол. Разбуженная Уэнди поднимается с дивана, зажигает свет, глядит на его грязную, изодранную одежду. А он с расквашенным носом щурится и моргает от яркого света и мычит что-то нечленораздельное. Жена скучным, безразличным голосом бросает ему в лицо:

— Дерьмо! Подонок! Шваль! Ты разбудишь Дэнни. Если уж ты не хочешь думать о себе, подумал бы хоть немного о нас. Да что я говорю с тобой!

Он сбросил с себя оцепенение и снова подумал: «Зачем, зачем же я звонил Ульману?» Потому что СТАРЫЙ ХРЕН унизил его? Чепуха! Больше, чем он сам себя унижает, никто унижить его не сможет. Поиздеваться, уличить Ульмана в лицемерии? Отпадает. Мысль цеплялась за папку с вырезками, но это тоже не повод: шансы на то, что мистер СТАРЫЙ ХРЕН знал, кому она принадлежала, составляли не более двух на тысячу. Мизер! Кроме того, еще во время их первой встречи Ульман подчеркнуто-снисходительно говорил о подвале. Как о какой-то другой стране. Слаборазвитой. Если бы Джеку действительно хотелось получить информацию, ему бы следовало звонить Уотсону, чей телефон также был записан в книжке, хранившейся в кабинете. Конечно, и Уотсон не самый надежный человек, но надежнее Ульмана.

Говорить же о своем намерении писать книгу было просто непроходимой глупостью. Чудовищной! Помимо того, что он ставил тем самым под удар свою с таким трудом полученную работу в отеле, он мог — в одночасье — оказаться отрезанным от всех каналов и источников необхо-

димых материалов. Для этого Ульману стоило только предупредить людей, располагающих информацией об «Оверлуке», что кто-то копает под них. Мальчишество! Ему следовало вести свое собственное расследование потихоньку, рассылая вежливые подобострастные письма, может быть, организуя специальные интервью весной... А потом уж вдоволь посмеяться над Ульманом, над его бессильной яростью, когда книга выйдет в свет, а сам он окажется в полной безопасности. Вместо всего этого — бездарный телефонный разговор. Он вышел из себя и нажил в лице Ульмана откровенного врага. Зачем? Если это не стремление к тому, чтобы его вышвырнули на улицу с хорошего места, о котором просил за него Эл, что же это было? Столь бессмысленный поступок еще можно было бы объяснить, если бы он был пьян, но ведь он трезв. Трезв как стеклышко.

Выходя из аптеки, Джек принял еще одну таблетку экседрина. Он жевал ее, морщась от терпкого, горького вкуса, но получая явное облегчение.

На улице он нос к носу столкнулся с Уэнди и Дэном.

— Эй! А мы пришли за тобой. Видишь, какой снег валит? — сказала жена.

— Вижу, вижу. — Джек цурился и моргал, словно привыкая к свету.

Снег валил беспрестанно, покрывая главную улицу Сайдвиндера толстым слоем. Дэни поднял лицо к небу, пытаясь открытым ртом поймать падающие крупные снежинки.

— Ты думаешь, это уже зима? — спросила Уэнди.

Джек пожал плечами:

— Не знаю, хотелось бы надеяться, что Бог подарит нам еще недельку-другую отсрочки... Он милосерден. Даст нам шанс.

Господи! Сколько раз в своей непутевой жизни он — взрослый мужик — молил о милосердии, об еще одном шансе? Ему стало так тошно от самого себя, что он не сдержал стога.

— Как головная боль? — участливо поинтересовалась Уэнди, вглядываясь в лицо мужа.

— Отпустила. — Он обвинил ее талию и прижал к себе. — Сейчас лучше. Давайте-ка поспешим домой, пока еще туда можно добраться.

Они направились к площадке, где был запаркован их гостиничный грузовичок. Джек посередине, левой рукой обнимая Уэнди, а правой сжимая горячую ладошку сына. Он впервые назвал отель домом. К добру это, нет ли...

Когда Джек сядил за руль, ему вдруг пришло в голову, что хоть он и интересуется историей «Оверлука», но это проклятое место все-таки не любит. Может быть, оттого, что Джек совсем не был уверен, будто в этом отеле уж очень хорошо живет его жена, сыну, да и ему самому. Скорее всего поэтому он и позвонил Ульману. Чтобы быть уволенным, пока не поздно. Пока еще есть время.

Джек вывел грузовик со стоянки и взял курс из города в горы.

НОЧНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Было десять часов вечера. Они уже лежали в постели. Но не спали, а только делали вид, что спят. Джек, уставившись в стену, прислушивался к размеренному дыханию Уэнди. Горьковатый вкус экседрина все еще сохранялся во рту. Таки-ми же горькими всплывали перед ним впечатления ушедшего дня. В четверть шестого вдруг позвонил Эл Шокли. Уэнди с Дэном в это время сидели внизу у горящего камина и читали.

— Мистер Торренс? Вас вызывает Вермонт,— раздался голос телефонистки, когда Джек снял трубку.

— Слушаю.— Он достал платок, вытер губы и закурил сигарету.

— Джеки-бой! Во имя всех святых, скажи, что там у вас происходит? — загремел голос Эла.

— Привет! — отозвался Джек, он затаился и достал бутылочку с экседрином.

— Я спрашиваю, что происходит? У меня сегодня пополудни раздался странный звонок от Ульмана. И если уж старина Стю за собственные денежки заказывает междугородный разговор, значит, действительно стряслось что-то из ряда вон выходящее.

— Ульману не о чем беспокоиться. Как и тебе, Эл.

— Что значит не о чем? Со слов Ульмана все выглядело так, будто речь идет либо о шантаже, либо о какой-то разоблачительной публикации, касающейся отеля «Оверлук». Ну, валяй, рассказывай, дружище!

— Я хотел просто немного попугать душку Ульмана. Отомстить за то, как он унижал меня, когда брал на работу. Во время нашей первой встречи он вывалил кучу моего грязного белья и с наслаждением перетряхивал его. Вспомнил и про пьянство. И про то, как меня уволили из школы. Сомневался, подойду ли я для работы в котельной. И так далее. И тому подобное. И всю эту лапшу он вешал мне на уши под предлогом своей неизбывной любви и преданности отелю. Всемирно известному «Оверлуку». Несравненному «Оверлуку»! Освященному Богом «Оверлуку»! А я, между прочим, нашел здесь в подвале папку с вырезками об истории отеля, и, скажу тебе, Эл, у меня сложилось впечатление, что в храме, которым так гордится Ульман, служили и служат черную, дьявольскую мессу...

— Надеюсь, это всего лишь неудачная метафора? — Голос Эла Шокли прозвучал холодно и отчужденно.

— Конечно. Но я нашел...

— Я хорошо знаю историю отеля.

— Ну, вот я и позвонил Ульману и немного попугал его. Понимаю, что поступил скверно, но больше этого не будет. Конец. Инцидент исчерпан.

— Стюарт сказал, что ты намерен и сам немножко перетряхнуть грязное белье?

— Твой Стю — старая задница, — прорычал Джек, — да, я сказал ему, что собираюсь написать об «Оверлуке». История-то интересная. Отель, как место, где выковывался новый американский характер послевоенного времени. Это могла бы быть великая книга, Эл. Но все это в будущем. Не сейчас, обещаю тебе. На моем блюде слиш-

ком много еды, чтобы я мог проглотить все сразу...

— Не нравится мне это, Джек.

— Что? Что ты сказал? — Торренс уставился на трубку, не веря тому, что он только что услышал от своего друга.

— Я сказал то, что сказал. Что значит «все это в будущем»? Для тебя, может, это два-три года, от силы — пять. Для меня тридцать — сорок лет, ибо я надеюсь, что буду связан с отелем долгое время. Мысль о том, что ты копаешься там в дерьме, разгребашь грязь, а потом выплеснешь это на страницы своего романа — или что ты там задумал, — вызывает у меня тошноту.

Джек молчал.

— Я хотел помочь тебе, старина. Мы ведь вместе прошли с тобой через войну, и я считал, что обязан тебе помочь. Ты-то хоть помнишь войну?

— Конечно, — пробормотал Джек.

Угольки гнева разгорались в его груди. Сначала Ульман. Потом Уэнди. А теперь вот и Эл! Да они что, сговорились? Он потянулся за сигаретами, но тут же отбросил их. Неужели он в самом деле когда-то любил этого самоуверенного, раздутого хлыща, который звонит ему из своего отделанного красным деревом кабинета в Вермонте? Любил ли?

— До того, как ты ударил этого мальчишку Хэтфилда в школе, я договорился с советом попечителей, обещая, что ты будешь работать как вол, что ты нуждаешься в поддержке. Ты сам все поломал. Я предложил тебе пожить в отеле «Оверлук», милом красивом месте, где ты мог бы спокойно трудиться и продолжать свою рабо-

ту над пьесой. Дождаться того момента, когда я и Гарри Эффинджер сможем убедить упрямцев из попечительского совета, что они совершили ошибку, уволив тебя. А сейчас, похоже, ты готов отгрызть мою руку, прежде чем примешься за большее смертоубийство. Так, по-твоему, благодарят друзей, Джек?

— Нет,— прошептал он.

Он ничего не мог выдать из себя. Его голова раскалывалась от услышанного. Он безуспешно пытался думать о жене и сыне, которые сидят, ничего не подозревая, у огня, просматривают учебник Дэнни и считают, что все прекрасно. Они полностью зависят от него! Что будет, если он потеряет и эту работу. Уезжать из Калифорнии на их ободранном, выдавшем виды стареньком «фольксвагене»? Но куда? Он сказал себе, что должен смириться, на коленях просить у Эла прощения и защиты, но так и не мог выдать из себя ни слова.

— Так что? Так благодарят друзей за помощь? — переспросил Эл.

— Нет, разумеется. И ты сам знаешь, как я отношусь к друзьям,— сказал Джек, глотая воздух, словно рыба, вытасченная из воды и брошенная на раскаленный песок.

— Как я могу быть уверенным в этом? В худшем случае ты планируешь обмазать грязью мой отель, раскапывая трупы, которые с достоинством были погребены много лет назад. В лучшем — звонишь моему впечатлительному и, может быть, излишне темпераментному управляющему. Но, заметь, очень компетентному и опытному человеку. Так вот ты звонишь мо-

ему управляющему и, как мальчишка, пугаешь и дразнишь его. Какая-то глупая игра...

— Да нет! Совсем не игра, Эл. Но тебе это не понять. Тебе ведь никогда не приходилось пользоваться благотворительством богатого друга. Тебе не нужно было иметь своего человека в суде, потому что суд — это ты сам. Стать хроническим алкоголиком тебе тоже не грозило. Поэтому мы по-разному смотрим на многие вещи и явления.

— Возможно, — проговорил Эл. По его голосу чувствовалось, что он уже смертельно устал от всех этих проблем, — но я ничем не могу помочь тебе. Не могу изменить существующее положение вещей.

— Я знаю. Так что? Мне считать себя уволенным? Ты уж скажи откровенно, чтобы я знал, что мне делать дальше.

— Нет, разумеется! Если ты согласен выполнить две мои просьбы.

— Согласен.

— Но, может, ты хоть выслушаешь условия, прежде чем принимать их.

— Плевать! Валяй, говори, что ты предлагаешь. Я согласен на все. Здесь Уэнди и Дэн, о которых я должен думать. Если тебе нужны мои яйца, я оторву их и вышлю авиапочтой немедленно...

— Ты убежден, что ирония и самолюбование — это роскошь, которую ты можешь себе сейчас позволить, Джек?

— Извини, такой уж дурацкий характер.

Эл помолчал. Потом произнес:

— Первое. Больше никаких звонков Стюарту Ульману. Даже если отель сгорит дотла. Если

даже это произойдет, свяжись со слесарем, ну, знаешь, этим, что беспрестанно ругается и богохульствует...

— Мистером Уотсоном.

— Верно.

— О'кей! Первый пункт принимается.

— Второе, ты должен обещать мне под честное слово, Джек, — никаких книг о замечательном горном курорте в Колорадо. Оставь эту затею, ясно?

На какое-то мгновение охвативший Джека гнев был столь велик, что он — в полном смысле слова — лишился дара речи. Кровь стучала в висках, прилиwała к глазам. Да, это будто звонок от какого-нибудь князя Медичи двадцатого века! «Чтобы никаких бородавок, морщин и прочих изъянов на портретах членов моей семьи! Я плачу не просто за картины, а за *красивые* картины. В противном случае — назад в толпу, на свалку! Когда станете писать портрет дочери моего друга и делового партнера, позаботьтесь, пожалуйста, чтобы родимого пятна не было. В противном случае — ну, вы же знаете — на свалку. Конечно, мы друзья. Мы цивилизованные люди. Мы даже делили вместе одну постель, одну бутылку. И мы останемся друзьями. А этот собачий ошейник на вас, мы — с обоюдного согласия — не станем даже замечать. Тем более что он надет для вашего же блага. Единственное, что я прошу взамен, это вашу душу. Пустяк. Да и на что она вам? Мы даже можем сделать вид, что и не заметили, как вы отдали эту душу. Как ошейник. Помните, мой талантливый друг — Микеланджело — сейчас побирается на улицах Рима».

— Джек! Что с тобой? Ты меня слышишь?

— Да,— скорее промычал, чем проговорил Торренс.

Голос Эла был тверд и решителен, голос уверенного в себе человека:

— Согласись, дружище, я требую не так уж много от тебя. Будут ведь и другие книги! Ты же не можешь ожидать, что я стану субсидировать твою затею, в то время как ты...

— Все в порядке, Эл! Я принимаю твои условия.

— Мне не хочется, чтобы ты подумал, что я давя на тебя, пытаюсь контролировать твою литературную деятельность. Ты не знаешь меня. Это лишь...

— Эл?

— Что?

— Скажи, Дервент хоть как-то связан сейчас с отелем?

— Не пойму, как это может касаться тебя и твоих дел?

— Ладно, не будем об этом. Ты знаешь, Эл, я слышу, что Уэнди зачем-то зовет меня. Мы еще созвонимся.

— Конечно, Джеки-бой. Мы славно поболтали. А как вообще дела? Не пьешь?

(Черт бы тебя побрал! Ты высосал всю кровь из меня. Оставил бы ты меня в покое!)

— Ни капли.

— Я тоже. И, знаешь, стал получать удовольствие от того, что трезв.

— Ну, я пойду, Уэнди...

— О'кей!

Джек повесил трубку. Голова раскалывалась на части. Круги плыли перед глазами. Он не-

сколько минут просидел у телефона, скорчившись, прижимая руки к животу.

(Летящая оса... Жужжащая оса. Может ужалить. Летящая оса)

Уэнди поднялась наверх и поинтересовалась, кто звонил.

— Это был Эл. Тебе привет. Он спрашивал, как у нас идут здесь дела. Я сказал, что все в полном порядке.

— Слушай, Джек, ты ужасно выглядишь. Плохо себя чувствуешь?

— Голова опять разболелась. Я, пожалуй, сегодня лягу пораньше. Нет никакого смысла садиться в таком состоянии за пишущую машинку.

— Может, принести тебе теплого молока?

Он слабо улыбнулся:

— Это было бы прекрасно.

И вот он лежит рядом со своей женой. Чувствует ее теплое бедро. От воспоминания о разговоре с Элом его бросает то в жар, то в холод. Ничего. Когда-нибудь он за все рассчитается сполна. Будет книга! Нет, не спокойная, раздумчивая, какой он замышлял ее сперва. А острая и взрывная. Книга-исследование, книга-расследование. С обилием фотографий и документов. И он воздаст всем, не оставив от благостной, прилизанной, сусальной истории отеля «Оверлук» и его омерзительных владельцев камня на камне. Это будет конец мифу. А если Эл Шокли все-таки связан с империей Дервента, тем хуже для него.

Напряженный, натянутый как струна, он маялся в темноте, чувствуя, что долго еще не сможет заснуть.

Уэнди Торренс лежала на спине с закрытыми глазами, прислушиваясь к дыханию спящего мужа, нервному, прерывистому, беспокойному. Где он бывает, когда спит? В каком-нибудь парке развлечений вроде Грейт Баррингтона? Или в баре с бесконечной выпивкой со своими приятелями? Вот они толпятся вокруг игрового автомата со стаканами в руках. Самая заметная фигура среди них — Эл Шокли. Галстук ослаблен. Верхняя пуговка на рубашке расстегнута. Они счастливы. Чему-то смеются и пьют, пьют, пьют.

Уэнди по-прежнему тревожилась за Джека. Это была старая и беспомощная тревога. Ей казалось, что все плохое осталось там позади, в Вермонте. А оказывается, нет.

Ей не нравилось, как «Оверлук» влияет на Джека и Дэнни. И это тоже вызывало беспокойство. Самым пугающим, неоформившимся и непонятным было то, что к мужу возвращались все симптомы, связанные с алкоголизмом, кроме... кроме самой выпивки. Эта постоянная потребность вытирать губы рукой или платком. Долгие паузы во время работы на пишущей машинке. Раздражительность. Отсутствующий взгляд. И еще этот экседрин, бутылочку от которого она нашла возле телефона, после разговора Джека с Элом. И никакого стакана с водой. Значит, он снова жует таблетки. Джек стал заводиться с пол-оборота из-за любой мелочи. И эта отвратительная манера хрустеть пальцами и ругаться по поводу и без повода!

Уэнди беспокоило и то, что характер у мужа становился все более замкнутым, скрытным. Ей порой казалось, что лучше бы уж он взорвался, «выпустил пар». Может, даже разбил в сердцах тарелку, сломал стул или дверь. Но он молчал, хотя порой чувствовалось, что Джек злится и на жену, и на сына. Она никогда его хорошо не знала и не понимала. Не могла читать в его душе, в его мыслях. Дэнни вот может, но ничего не говорит.

А чего это вдруг позвонил Эл? Дэнни в этот момент потерял всякий интерес к книжке, которую они читали вместе. Он оставил ее одну у камина и уселся у стола, где Джек соорудил дорожку для игрушечных легковушек и грузовичков. Там была модель «фольксвагена», и сынишка стал катать ее взад и вперед. Делая вид, что она увлечена своей книгой, Уэнди поверх страниц наблюдала за сыном, обнаружив целую гамму проявления нервозности, присущей ей и Джеку: покусывание губ, судорожное расчесывание волос пятерней (как это делала она, ожидая, пока муж вернется из очередного похода по барам), посвистывание сквозь зубы. Уэнди не могла поверить, что Эл звонил только для того, чтобы поинтересоваться, как у них идут дела в «Оверлуке». Не похоже на него. Если Эл звонил, речь идет о деле. Каком?

Позже в этот же вечер, когда она из кухни вернулась к камину, Дэнни, свернувшись калачиком, снова лежал возле огня, с увлечением читал книгу о приключениях Джо и Рэчел. От прежней взвинченности не осталось и следа. Глядя на него, Уэнди еще раз с удивлением отметила, что доктор («Зови меня просто Билл»)

Эдмондс так ничего и не понял, не разобрался во внушающих ей суеверный страх способностях их сына предугадывать события, читать чужие мысли.

— Малыш! Пора спать.

— Хорошо, мама! — Дэнни заложил в книге место, где читал, и встал с пола.

— Умойся и почисти зубы на ночь.

— О'кей!

Они постояли минуту рядом, наблюдая за тем, как угольки в камине то угасали, то разгорались сильнее. Вообще-то эта комната была холодной и сырой, но от камина растекалось тепло. Было так уютно, что не хотелось уходить.

— Это дядя Эл звонил, — сказала Уэнди без всякого умысла.

— Да-да, я знаю.

— Интересно, он за что-то сердит на отца?

— Конечно, он не хочет, что бы папа писал свою книгу, — сказал мальчик, продолжая смотреть на огоньки в камине.

— Какую книгу?

— Об этом отеле.

С ее уст уже готов был сорваться вопрос, который не раз возникал у них с мужем к Дэнни: «Откуда это тебе известно?», но Уэнди промолчала. Она не хотела тревожить его перед сном и тем более не хотела показать, что она и Джек обсуждают необычные способности Дэнни знать о тех вещах, о которых он никак не мог знать. Но ведь он знал. Она была абсолютно убеждена в этом. Все эти рассуждения доктора Эдмондса о совпадениях и подсознательных ощущениях гроша ломаного не стоили. Обычная наукообразная болтовня. Ее сестра Эйлин..., откуда Дэнни

мог знать, что она думала о ней тогда в приемной? И это

(Мне приснилось, что папа попал в аварию).

Уэнди тряхнула головой, словно пыталась освободиться от назойливых мыслей, и сказала:

— Марш умываться, дружок!

— Есть! — ответил Дэнни и отправился наверх, в их номер. Уэнди, нахмурившись, пошла на кухню подогреть мужу молока.

И вот сейчас она лежала с закрытыми глазами, прислушиваясь к дыханию спящего рядом Джека и завываниям ветра за окном. Мысли Уэнди снова вернулись к ее любимому, обожаемому, беспокойному сыну, появившемуся на свет в рубашке — в оставшейся после родов тонкой пленке, которую врачи фиксируют у семи новорожденных на сотню и которая, как твердят бабушкины сказки и старинные поверья, дает человеку дар ясновидения.

Она решила обязательно откровенно поговорить с Дэнни об «Оверлуке», о том, что с ними происходит, обо всем. Обязательно. Завтра, когда они с ним поедут в сайдвиндерскую библиотеку, чтобы подобрать мальчику учебники для второго класса. Взять их на всю долгую грядущую зиму. Разговор должен быть начистоту. Решив для себя эту очень важную, как ей казалось, проблему, Уэнди успокоилась и с облегчением отдалась на волю Морфея.

* * *

И Дэнни в эту ночь долго не мог заснуть. Он лежал с открытыми глазами, прижимая к себе левой рукой любимую игрушку, старенького по-

трепанного медвежонка Винни-Пуха (бедняга давно лишился одного глаза — блестящей круглой пуговицы, его морду и туловище покрывали глубокие шрамы и трещины). Он прислушивался, желая убедиться, что родители в соседней комнате уже заснули. Он чувствовал себя стоящим на страже их покоя. И, может быть, жизни. Вообще ночи были для него самым тяжелым и неприятным временем. Он ненавидел ночи и это беспрестанное завывание ветра!

Его планер, подвешенный к люстре, парил над ним. На секретере поблескивал хромированными частями любимый «фольксваген», который он притащил с собой снизу, из каминного зала. Его книги стояли на полке, альбомы для раскраски лежали на столе. «Всегда есть место для всего, и все должно быть на своем месте, — любит повторять мама, — тогда ты легко найдешь то, что тебе вдруг потребуется». Но сейчас все перепуталось. Все смешалось. Вещи меняются местами. Теряются. Или того хуже — появляются какие-то новые вещи, которые ты не видишь, а они есть. Как на картинке «Найди индейцев». Вроде бы никого нет. Но когда вглядываешься, то неожиданно обнаруживаешь, как то, что только что казалось кактусом, оказывается на самом деле свирепым, с ножом в зубах краснокожим. Другой индеец притаился среди камней, и ты видишь его безжалостное, не сулящее ничего хорошего лицо. Еще один укрылся между колес фургона. Ты ищешь и находишь этих индейцев, но все равно — их нельзя увидеть всех разом. Вот это-то и тревожит, потому что один из них может вдруг объявиться у тебя за спиной с томагавком и ножом для снятия скальпа.

Дэнни заворочался в постели, ища глазами огонек ночника. Дела здесь складываются совсем скверно. Он-то это знал точно! Сначала было не так уж плохо, но постепенно, шаг за шагом... Папа, например, все чаще и чаще подумывает о выпивке. Временами он злится на маму совершенно беспричинно. Он бродит по отелю с отсутствующим затуманенным взглядом, часто вытирает губы платком или рукой («Это дурная привычка, Дэн», — говорит мама). Она очень беспокоится за папу и за него. Чтобы понять это, ему совсем не требовалось использовать свечение. Это было и так понятно. По ее поведению. По тому, с какой тревогой она разговаривала с Дэном в тот день, когда пожарный шланг превратился в злую ядовитую змею.

Мистер Хэллоранн говорил, что все матери в небольшой, конечно, степени обладают способностью к свечению, и она чувствовала в тот день, что с Дэнни что-то произошло, но что конкретно, понять не могла.

Дэнни почти собрался все рассказать маме, но потом передумал. По двум причинам. Этот доктор в Сайдвиндере убедил родителей в том, что и появление Тони, и то, что он показывает разные вещи, явление для детей нормальное. Мама просто не поверила бы ему, если бы он рассказал ей про случай со шлангом. Хуже того — она могла бы поверить, но на свой лад, подумав, что у него НЕ ХВАТАЕТ ШАРИКОВ.

Однажды — это было еще в детском саду — его дружок Скотт показал на мальчика по имени Робин Стенджер. Его отец преподавал математику в той же школе, где работал и отец Дэнни и где преподавал историю отец Скотта.

Многие детишки в детском саду были связаны или со Стовингтонской подготовительной школой, или с небольшим заводиком, выпускавшим счетные машины и компьютеры, что находился за пределами города. Как водится, в саду образовались две группы. Конечно, бывали случаи, когда дружили ребята и из разных групп, но казалось вполне естественным, что дети, связанные профессиональными интересами родителей, тянулись друг к другу. Если случался скандал у взрослых, он сказывался и на детях и редко выходил за пределы сложившихся групп.

Так вот, однажды, когда Дэнни и Скотт крутились на игровой площадке у ракеты, друг Дэна ткнул пальцем в сторону Робина и спросил:

— Ты знаешь этого мальчика?

— Да,— ответил Дэнни.

Скотт нагнулся и тихо произнес: «У его отца не хватает шариков. Его увезли».

— Как? Только потому что потерялись какие-то шарики? — удивился Дэнни.

Скотт взглянул на приятеля с презрением:

— Он сошел с ума. Свихнулся,— Скотт скосил глаза, высунул язык и покрутил пальцем у виска,— его увезли в психушку, в дурдом.

— А когда же он вернется оттуда? — спросил огорченный Дэнни.

— Никогда-никогда-никогда,— мрачно проговорил Скотт.

На протяжении этого и последующих дней Дэн узнал, что

а) мистер Стенджер пытался убить всех своих близких, включая Робина. Из именного пистолета, оставшегося у него со времен второй мировой войны;

б) мистера Стенджера застали за странным занятием: он ел из миски, полнойдохлых жуков и какой-то травы, словно это были кукурузные хлопья с молоком. И при этом дико кричал;

в) мистер Стенджер разнес весь дом, заявив, что тот насквозь провонял;

г) мистер Стенджер пытался задушить свою жену, накинув ей на шею чулок, потому что его любимая команда «Ред Сокс» проиграла.

Слишком издерганный и взвинченный для того, чтобы носить эту тайну в себе, Дэнни спросил своего отца о мистере Стенджере. Тот усадил сына на колени и объяснил, что мистер Стенджер пережил сильный стресс. Частично из-за того, что происходило у них в семье. Частично из-за своей работы. А главное, из-за вещей, в которых могут разобраться только врачи. У него начались припадки. Три дня назад он плакал и плакал, потом поломал много вещей в доме. Это совсем не значит, что у него не хватает шариков. У него произошел нервный срыв. И он не в сумасшедшем доме, а в санатории. Несмотря на такое подробное объяснение, Дэнни был очень напуган. Ему казалось, что нет никакой разницы между тем, что человек свихнулся или у него произошел нервный срыв. И как ни называй это заведение (психушкой или санаторием), все равно там решетки на окнах, и оттуда не уйдешь, даже если очень захочешь.

Отец, вольно или невольно, подтвердил то, о чем говорил Скотт, и что оставило в душе Дэна жуткий осадок: там, где теперь жил мистер Стенджер, были ЛЮДИ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ. Они приезжают, хватают вас и заталкивают в фургон без окон, фургон серый и мрачный,

как надгробный камень. Он подкатывает к вашему дому. ЛЮДИ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ выходят, забирают вас от вашей семьи и заставляют жить в комнате, где стены обиты мягким... Если ты захочешь написать письмо домой, то тебе дадут не ручку или карандаш, а МЯГКИЕ МЕЛКИ.

— Когда мистеру Стенджеру разрешат вернуться домой? — спросил Дэнни.

— Как только он почувствует себя лучше.

— Но когда это может быть? — настаивал Дэн.

— НИКТО НЕ ЗНАЕТ, — таков был категорический ответ отца.

И это было хуже всего. Просто другой вариант того, что говорил Скотт — «никогда-никогда-никогда». Через месяц мать забрала Робина из детского сада и они уехали из Стовингтона. Без мистера Стенджера.

Все это случилось год назад. После того, как папа перестал потреблять ДУРНОЕ ЗЕЛЬЕ и перед тем, как его уволили из школы. Дэнни часто думал о происшедшем. Порой, когда он падал, или ударялся больно головой, или у него начинал болеть живот и он плакал, в памяти всплывала история с мистером Стенджером. Его преследовал страх, что, начав плакать, он уже никогда не остановится. И будет рыдать до тех пор, пока отец не позвонит и не скажет: «Хэлло! Это Джек Торренс с Мэйплэйн Уэй, дом номер 149. У нас здесь сын плачет, не переставая. Пришлите, пожалуйста, ЛЮДЕЙ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ, чтобы они его забрали в САНАТОРИЙ. Да, да! У него НЕ ХВАТАЕТ ШАРИКОВ. Спасибо!» И серый мрачный, как могильный камень, фургон без окон подкатит к ИХ дому. Эти люди

заберут Дэна, продолжающего истерически плакать, и увезут его. Когда он снова увидит маму и папу? НИКТО НЕ ЗНАЕТ!

Вот этот-то страх и заставлял Дэнни молчать, не открываться матери. Став на год старше, мальчик не сомневался в том, что родители не позволят людям в белых халатах забрать его только за мысли, будто пожарный шланг может превратиться в змею (так ему подсказывал его РАЦИОНАЛЬНЫЙ ум), но все равно воспоминание о мистере Стенджере, у которого не хватало шариков, камнем давило на Дэна, сковывало язык. Это не было, как, например, в случае с Тони. Его появление казалось всем вполне естественным (исключая кошмары), и родители воспринимали «невидимого друга» как более или менее нормальное явление. Его существование относили за счет СВЕЧЕНИЯ, к которому, как считали мама и папа, они тоже были причастны в какой-то степени. А пожарный шланг, превращающийся в змею, или кровь и мозги на стене Президентских апартаментов, которые, кроме Дэнни, никто не видел, это уже было совсем из другой оперы. Чем-то противоестественным. Они и так регулярно показывали Дэна врачам. Кто поручится, что за этим не последуют ЛЮДИ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ?

Но рано или поздно он обязан рассказать родителям все, чтобы они увезли его из отеля (а он просто мечтал поскорее убраться из «Оверлука»!). Но Дэн знал, что для его папы эта работа, может быть, последний шанс. Не только для того, чтобы немного подзаработать, но и завершить задуманное (он все пишет и пишет). Чтобы в семье были любовь, мир и согласие. И до

последнего времени вроде бы все шло, как надо. Только совсем недавно начались неприятности. С тех пор, как отец нашел в подвале большую белую книгу.

(Это бесчеловечное место порождает человеческих чудовищ)

Что бы это означало? Дэнни обращался к Богу, но тот ничего не сказал. А что с ними будет, если отец потеряет и эту работу? Мальчик пытался проникнуть в мысли отца и убедился, что у того нет ни малейшего представления о том, чем он займется, если его уволят. Подтверждением этому стал сегодняшний разговор папы с дядей Элом. Дядя Эл вел себя грубо, говорил отцу неприятные вещи, а тот молчал, ничего не мог ответить, так как боялся, что дядя Эл его уволит. Как это сделал и мистер Кроммерт, директор стовингтонской школы и совет попечителей. Его просто вышвырнули на улицу. Папа был перепуган телефонным разговором, он беспокоился за маму и за него, Дэна.

Нет, лучше уж он ничего не станет им говорить! Остается только ждать и надеяться, что не будет никаких кровожадных индейцев. А если уж они и объявятся, то все равно их не тронут и оставят в покое.

Но Дэнни слабо почему-то верилось в столь благополучный исход. Дела в «Оверлуке» шли всех хуже и хуже. Скоро выпадет снег, и, когда это случится, возможность для выбора у них будет очень ограниченная. Никуда не уйдешь, не уедешь. Все время в этом «Оверлуке»! Они будут заперты, отрезаны от всего мира, брошены на произвол судьбы. Тех темных сил, которые играют с ними в кошки-мышки?

(Выходи и прими лекарство!)

Ладно. А потом? РЕДРЭМ...

Дэн задрожал и снова заворочался в постели. Он теперь может прочесть многие слова. Завтра он позовет Тони и попросит, чтобы тот объяснил ему, что такое РЕДРЭМ. И сказал, можно ли это предотвратить. Он готов снова пережить кошмары, лишь бы узнать об этом. Он должен знать.

Дэнни еще долго лежал с открытыми глазами, пока притворный сон его родителей не перешел в реальный. Он переворачивался с боку на бок, мял подушку и своего медвежонка, пытаясь понять и решить проблемы, которые были слишком огромны для него. Одиноким бессонным часовой на посту. Только после полуночи заснул и он. Бодрствовал только ветер, который продолжал выть и гонять по небу тучи.

В ФУРГОНЕ

Знаменье зловещего лунного шара
бедой и несчастьем грозило сквозь тьму,
земли сотрясения, мор и кошмары —
открылись лишь мне в эту ночь одному!
Сегодняшней ночью из дома ни шага —
повсюду гибель, как страшная месть...
От лунного шара, от лунного шара
с небес ниспадает зловещая весть*.

Кто-то в незапамятные времена пристроил под бардачком «бьюика», гостиничного фургона, радиоприемник, и сейчас из динамика звучала песня Джона Фоггерти «Знаменье лунного шара». Уэнди и Дэн направлялись в Сайдвиндер. День был ясный, солнечный. Мальчишка вертел в руках оранжевую карточку отцовского библиотечного абонементa. Он казался веселым и беззаботным, но Уэнди видела, что сын какой-то вялый, словно после бессонной ночи, что веселость его наигранная и держится он на одних нервах.

Песня кончилась, и вступил диск-жокей: «Это была группа «Криденс Клиэруотер Ривайвл». Что касается зловещего лунного шара, то похоже, господа, он поднимается над всем районом, где слушают нашу станцию КМТХ. Хотя сейчас, глядя на чистое, безоблачное небо, радуясь весенней погоде, которую нам подарила судьба в последние дни, в это трудно поверить. Но прогноз КМТХ гласит: высокое давление к часу сменится о-очень низким. Температура

* Перевод Ген. Красникова.

будет резко падать. К вечеру ожидаются сильные осадки. В горах — снегопады и гололед. Управление шоссейных дорог рекомендует всем, кто отправится сегодня в путь на своих автомашинах, надеть на колеса цепи. Без нужды лучше не выезжайте и переждите непогоду», — радостно заключил свою глубокомысленную тираду-прогноз диск-жокей станции КМТХ.

Дальше пошла реклама, и Уэнди выключила приемник.

— Ну, и что ты думаешь по этому поводу, Дэн?

— Все нормально! — Он посмотрел на безоблачное голубое небо и сказал: — Кажется, папа выбрал удачное время для того, чтобы привести в порядок живую изгородь.

— Мне тоже так кажется.

— Непохоже, чтобы начался снегопад, — произнес Дэнни с надеждой.

— Да. Ноги у тебя не замерзли?

— Нет.

«Сейчас самое время, — подумала Уэнди, — если ты собираешься с ним говорить, это нужно делать только сейчас».

— Дэнни! Тебе было бы лучше, если бы мы уехали из этого отеля? Если мы не останемся в «Оверлуке» на всю зиму? — обратилась она к сыну, стараясь придать голосу как можно большую естественность.

Дэн поглядел на свои руки и произнес:

— Конечно, мама. Но ведь это папина работа.

— Знаешь, мне иногда кажется, что и он был бы счастлив уехать из «Оверлука».

Они миновали дорожный указатель, на котором значилось: «До Сайдвиндера 28 миль». Уэнди аккуратно вписалась в крутой поворот и слегка притормозила. Ей всегда было страшно вести машину на спуске.

— Ты в самом деле так думаешь? — Дэнни посмотрел на мать с интересом. — А мне вот так не кажется.

— Почему?

— Потому что он беспокоится о нас. — Мальчик тщательно подбирал слова. Ему трудно было объяснить. Он так еще мало знал и понимал. Эти взрослые вечно в сомнениях и колебаниях, в постоянной непредсказуемости, запутавшиеся в своих чувствах любви и ответственности. Для каждого решения у них существуют какие-то многочисленные препятствия. Порой он просто не мог понять, почему эти препятствия действительно являются препятствиями. Трудно в этом разобраться.

— Папа думает... — Дэнни быстро взглянул на мать, которая внимательно следила за дорогой и не смотрела на него. Он почувствовал, что может продолжать: — Папа думает, что нам всегда было очень одиноко. А здесь мы все вместе. И это хорошее место для нас. Он нас любит и не хочет, чтобы мы чувствовали себя одинокими и заброшенными. И даже если сейчас не все получается так, как ему хотелось бы, все будет отлично. В ПЕРСПЕКТИВЕ. Ты знаешь, что такое ПЕРСПЕКТИВА?

Уэнди кивнула:

— Да, мой хороший.

— Папа думает, что, если мы уедем отсюда,

он потеряет работу и не сможет найти другую. Нам придется бедствовать.

— И это все?

— Нет. Остальное очень запутано и неясно. Как в тумане. Оттого, что он сейчас очень изменился...

— Я знаю,— вздохнула Уэнди и включила третью скорость.

— Я ничего не придумываю, мама.

— Я верю тебе.— Уэнди улыбнулась.— Это Тони тебе сказал?

— Нет. Я сам все знаю. А ведь доктор не поверил в существование Тони, правда?

— Бог с ним, с доктором. Я верю в Тони. Я не знаю, кто он и что он. Часть ли он тебя самого или приходит к тебе откуда-то, но я верю, Дэнни. И если ты... он... считает, что мы должны уехать, мы обязательно это сделаем. Мы с тобой уедем, а весной снова будем все вместе. С нашим папой.

Дэн с надеждой посмотрел на маму:

— Мы будем жить с тобой в мотеле?

— Нет, сынок. Мы не можем себе это позволить — слишком дорого. Мы поедем к моей маме и будем жить там.

Надежда, которой осветилось лицо мальчика, мгновенно погасла.

— Я знаю...— Он не договорил и смолк.

— Что?

— Нет, ничего.

Начался новый подъем, и Уэнди снова переключилась на вторую скорость.

— Милый! Ради Бога, не говори так.— Этот разговор должен был состояться давно, недели назад.— Пожалуйста, продолжай. Что ты зна-

ешь? Не своди меня с ума. Скажи все откровенно.

— Я же знаю, что ты думаешь о бабушке, — вздохнул Дэнни.

— Что?

— Ты плохо думаешь. Словно она не твоя мама. И я не хочу туда. Бабушке кажется, что она может лучше заботиться обо мне, чем ты. Она будет стараться забрать меня от тебя. Мамочка! Я не хочу ехать туда. Уж лучше остаться в «Оверлуке»!

Уэнди была потрясена. Откуда он мог все это знать?! Дэнни действительно читает ее мысли. Она почувствовала себя абсолютно голой. Ей стало не по себе, словно ее застали за каким-то постыдным занятием.

— Ну, ладно, Дэн. Успокойся.

— Ты сердишься на меня? — спросил он голосом, полным горечи и слез.

— Что ты, что ты! Совсем нет. Немножко потрясена, и только. — На дорожном указателе было написано: «До Сайдвиндера 15 миль». Уэнди облегченно вздохнула. Отсюда дорога началась получше.

— Я хочу задать тебе еще один вопрос, сынок. И хочу, чтобы ты был искренним. Обещаешь?

— Конечно, — прошептал мальчуган.

— Папа снова стал выпивать?

— Нет! — сказал Дэнни, сдержав желание уточнить: «Пока нет!»

Уэнди вздохнула. Она положила руку на колено сына и легонько сжала его:

— Папа очень старается. Потому что он любит нас. И мы любим его, правда же?

Дэнни кивнул.

Обращаясь больше к себе, чем к сыну, Уэнди продолжала:

— У него, конечно, масса недостатков и характер не сахар, но он старается, Дэнни, так старается. Знаешь, когда он перестал... ему пришлось пройти через такой ад. Да и сейчас, я знаю, он мучается. Если бы не мы, он мог бы снова сорваться. Мы должны помочь ему. Но как? Я не знаю. Уехать? Остаться? Из огня да в полымя.

— Да, я знаю.

— Ты можешь сделать для меня одну вещь?

— Какую?

— Попытайся вызвать Тони. Прямо сейчас. Спроси, стоит ли нам оставаться в «Оверлуке».

— Я уже пытался. Сегодня утром.

— Ну и что? Что он сказал?

— Он не пришел! — Дэн залился слезами.

— Сынок! Дорогой! Не надо! Пожалуйста, не плачь! — встревожилась Уэнди. Грузовичок рванулся влево и пересек двойную разделительную линию. Перепуганная Уэнди вырулила обратно на свою полосу.

— Не отвози меня к бабушке. Ну, пожалуйста! Я не хочу туда. Я хочу остаться с папой, — проговорил мальчик сквозь слезы.

— Хорошо, хорошо. Договорились! — мягко сказала Уэнди. Она достала из кармана куртки бумажную салфетку «Клинекс» и протянула ее сыну.

— Мы останемся. И все будет чудесно. Просто чудесно!

НА ИГРОВОЙ ПЛОЩАДКЕ

Застегнув «молнию» куртки до самого подбородка, поеживаясь от холодного ветра, Джек вышел из подъезда. Он поглядел на голубое, безоблачное небо и удовлетворенно хмыкнул. Денек выдался что надо. В правой руке у него были ножницы для стрижки кустов, работающие от батареек. Левой он вытащил из кармана носовой платок и вытер губы. «По радио обещали снег, — подумал он, пряча платок. — Трудно поверить. При таком-то солнце. Хотя за горизонтом собираются тучки».

Джек направился к топиарию. Работы, видимо, будет немного. Чик-чик. Подровнять немного. Холодные ночи приостановили рост кустов. Но вон у кролика уши явно заросли. У собаки ноги тоже стали слишком мохнатыми. А львы — молодцы! Да и буйвол просто красавец! Причешем немножко зверят, и пусть себе валит снег.

Асфальтовая дорожка, по которой он шел, оборвалась неожиданно, как трамплин. Джек шагнул в сторону и поплелся по тропинке мимо спущенного бассейна. Тропинка вела к живой изгороди и игровой площадке. Джек первым делом взялся за кролика.

— Привет, Братец Кролик! Как себя чувствуешь? Уши малость подзаросли? Сейчас мы это поправим.

Он включил ножницы для стрижки кустов, и спокойствие, царившее кругом, нарушило тихое, довольно противное жужжание.

— Скажи, братишка, ты слышал историю про коммивояжера и старую леди с карликовым пуделем? — Голос Джека прозвучал неестественно и глупо, и он замолчал. Он подумал, что не очень-то заботится об этих зверюшках. Хотя в глубине души был уверен, что есть какое-то необъяснимое извращение резать и мучить кусты, чтобы превратить их в то или иное подобие животного. В Вермонте, например, вдоль одного из шоссе, на склоне холма, умельцы (черт бы их всех побрал) фигурной стрижки сделали из кустов рекламу какого-то сорта мороженого. Форменное издевательство над природой!

(Вас наняли на эту работу не для того, чтобы философствовать, Торренс!)

Правильно! Ваша правда! Он занялся ухом Братца Кролика, обрезая ненужные сучки и листья. Ножницы продолжали противно жужжать. «Этот мерзкий звук вообще характерен для инструментов, работающих на батарейках», — подумал Джек. Солнце светило ярко, но совсем не давало тепла, и сейчас нетрудно было поверить, что вскоре может начаться снегопад.

Работая быстро и сноровисто, помня, что в этом деле любая остановка может привести к ошибке, Джек взялся за «мордашку» кролика (вблизи, конечно, на «мордашку» это мало походило, но издалека, да еще при соответствующем освещении и достаточном воображении, вполне могло сойти за мордочку кролика), а потом прошелся по брюху.

— Хватит! — Он выключил ножницы и отошел к игровой площадке. Оглянулся (ну точно кролик!). Отлично! Собакой он займется потом.

— Если бы это был мой отель, я бы всех вас к дьяволу срубил под корешок.

Да, он обязательно бы это сделал. Вырубил бы живую изгородь и на месте поганных зверюшек устроил красивую зеленую лужайку. Расставил бы легкие металлические столики и стулья под веселыми, красочными зонтиками. Посетители бы нежились здесь под солнышком, потягивая коктейли. «Джин-фис», «пинк леди», «маргериту» — словом, все эти сладкие напитки, которые так обожают туристы. Может быть, даже ром с тоником или кока-колой! Джек вытащил носовой платок и вытер губы.

Он уже было вернулся к живой изгороди, чтобы продолжить работу, но что-то (какой-то внутренний толчок) заставило Джека изменить решение, и он пошел на игровую площадку. «Смешно, но мы совсем не знаем своих детей», — подумал Джек. Они с Уэнди считали, что их сын полюбит эту площадку, будет пропадать там часами. Чего еще нужно ребятам! Но Дэнни практически туда не показывался, по пальцам можно сосчитать. Может, если бы с ним играли еще какие-нибудь ребята, все сложилось бы по-другому.

Калитка жалобно скрипнула, когда Джек вошел за низенькую ограду. Под ногами захрустел гравий. Прежде всего он осмотрел игрушечный замок — точную копию отеля «Оверлук», высотой, пожалуй, с Дэнни. Джек нагнулся и заглянул в окна четвертого этажа.

— Великан пришел, чтобы съесть вас в ваших кроватках, — пробормотал Джек. Не смешно! Он заглянул в окна. Ничего интересного. Стены покрашены. А внутри пусто. Можно бы-

ло снять крышу — она крепилась на скрытых петлях. Все равно ничего. Обстановку из комнат, видимо, с окончанием летнего сезона убрали. Упакованная, лежит она сейчас где-нибудь в конторе. Джек вернул крышу на место, щелкнули замки.

Отложив ножницы на землю, Джек присел на край желоба, по которому с горки летом скользили вниз детишки, закурил и поглядел на дорогу — не надумали ли Уэнди с Дэном вернуться? Господи, как давно это было, когда он сам на собственном задку скатывался с таких горок! Джек вспомнил, что, когда он был в возрасте Дэни, отец водил его в парк в Берлине, штат Нью-Гэмпшир. Уж он там развернулся на полную катушку: и горки, и карусели, и качели... Потом они сидели вместе с отцом на лавочке, уплетали «хот-доги» и жареные арахисовые орешки, а у их ног, отталкивая друг друга, ссорились голуби.

— Проклятые грязнули, — сказал отец Джеку, — не корми их орехами!

Джек был любимчиком отца и платил ему той же любовью. Когда позже отец стал пить (а случалось с ним это частенько), именно Джек ждал его, ухаживал за ним, помогал, чем мог. Он любил своего отца даже тогда, когда все остальные в семье боялись его и ненавидели.

Джек забрался на горку и попытался съехать вниз. («Зад стал великоват для такой горки»), но никакого удовольствия не получил: от долгого простоя и накопившейся грязи желоб не скользил, и набрать приличную скорость так и не удалось. Разочарованный, он плюхнулся, как мешок с гвоздями, встал на ноги, отряхнулся, взглянул

на валявшиеся рядом ножницы для стрижки кустов, но не поднял их, а пошел на качели. Там тоже ничего радостного не получилось: заржавевшие цепи немилосердно скрипели, вызывая зубную боль. Джек решил, что весной непременно смажет их.

«Пора остановиться, — сказал он себе, — ты же не ребенок, вернуть прошлое невозможно». И все-таки он пошел дальше, мимо бетонных труб (которые были слишком узки для него), к защитной сетке, отгораживавшей игровую площадку с тыла. Джек пропустил пальцы сквозь крупные ячейки ограды, чувствуя себя, как человек за решеткой. Он стал трясти сетку: «Выпустите меня отсюда!», «Выпустите меня отсюда!» В третий раз Джек кричать не стал. Не смешно. Нужно возвращаться к работе.

Внезапно позади него раздался какой-то странный звук. Нахмурившись, он быстро оглянулся — не хватало еще, чтобы кто-нибудь стал свидетелем его дурачеств на детской площадке. Его взгляд пробежал по горке, качелям, которые продолжали скрипеть от порывов ветра. За ними, там, за калиткой, за низким забором, отделявшим площадку от живой изгороди, толпились зверюшки — Братец Кролик, львы, буйвол, собака, а дальше громоздился сам отель. Все было таким, как полчаса, час назад. Почему же тогда по лицу, по рукам у него поползли мурашки, а волосы на затылке (он чувствовал это!) зашевелились? Джек снова поглядел на отель, но никакого ответа на свой недоуменный вопрос не получил. «Оверлук» стоял на месте с темными окнами. Лишь из каминной трубы вился легкий дымок.

(Забулдыга, тебе лучше вернуться и закончить работу, а то Уэнди и Дэн приедут и спросят, чем же ты занимался весь день!)

Конечно, нужно поскорее завершить стрижку этой проклятой живой изгороди, пока не начался снегопад. Это же входит в его обязанности. Он пошел за ножницами, которые оставил возле горки, и гравий под его ногами захрустел ненормально громко. Сейчас мурашки поползли уже по всему телу — по спине, по ягодицам, по ногам.

(Господи Иисусе! Что это со мной?)

Он остановился возле ножниц, но не поднял их, его взгляд был прикован к живой изгороди. Там определенно что-то изменилось. Это сразу же бросалось в глаза. Давай, давай! Не выдумывай. Ты ведь только слегка подровнял этого дерьмового кролика.

(Вот, вот в чем дело!)

У него перехватило дыхание. Кролик лежал, уткнувшись носом в траву, но ведь совсем недавно он стоял на четырех своих ногах. Конечно, стоял. Джек подстригал его уши и... брюхо. Да-да!

Джек поглядел на собаку. Когда он шел к живой изгороди по тропинке, она сидела, словно попрошайничала, а сейчас, оцетинившись, стояла с раскрытой пастью, а львы...

(Нет-нет! Только не это!)

А львы явно передвинулись ближе к дорожке, раздраженно вертя хвостами. Они уже не охраняли проход, как прежде, а блокировали его. Джек приложил руку к глазам. Потом убрал. Картина не изменилась. Вдох, похожий скорее на стон, исторгся из его груди. В дни за-

поев он больше всего боялся, что с ним может приключиться нечто подобное. Галлюцинации. Но ведь это происходит в состоянии крепкого подпития. Вон некоторым, как писали в журнале «Лост Уик-энд», при белой горячке чудятся жуки, выползающие прямо из стен! А как это называется, если ты трезв? Вопрос, разумеется, риторический, но разум тут же подсказал нужный ответ.

(Это называется сумасшествием.)

Взглянув на зверей, Джек убедился, что с ними снова произошли изменения. Собака приближалась, она явно бежала, готовясь к прыжку. Пасть широко открыта. Ему даже показалось, что в зелени куста яростью горят уставившиеся на него глаза.

«На кой хрен их нужно еще подстригать? Они и так прекрасно выглядят», — истерически подумал Джек.

И снова раздался какой-то странный звук. Он взглянул на львов и невольно сделал шаг назад. Один из них, что был правее от дорожки, опередил своего дружка. Он низко склонил голову, а лапу, тяжелую и мощную, положил на низкий заборчик. Боже мой! Что будет дальше-то?

(А дальше они перемахнут через ограду и слопают тебя дурака, как это бывает в страшных сказках.)

Это походило на игру, в которую они когда-то играли в детстве. Один водил, повернувшись спиной, считая до десяти, а остальные потихоньку подбирались к нему. Досчитав до десяти, водящий оборачивался, и если ему удавалось уловить движение игрока, тот выбывал из игры. Остальные замирали, как застывшие фигуры, пока он снова не отворачивался и не начинал счи-

тать. Играющие приближались, и где-то между пятью и десятью водящий вдруг чувствовал руку на своем плече. Это был конец игре.

Гравий захрустел на дорожке.

Джек посмотрел на собаку. Та была на полпути к калитке. Если прежде она казалась ему беспородной шавкой, то теперь было отчетливо видно, что это немецкая овчарка. А немецких овчарок можно ведь натаскать и на убийство. Снова легкий хруст. Левый лев дошел до ограды и сейчас касался ее мордой. Джек отступил еще на два шага назад. Сейчас уже и буйвол начал двигаться, обходя лежащего кролика. Голова низко опущена. Острые рога нацелены прямо на Джека. Вся беда заключалась в том, что невозможно было уследить за всеми сразу. Джек, теряя остатки самообладания, жалобно заскулил. Его глаза перебегали с одного зверя на другого, силясь увидеть, двигаются они или нет. Ветер гудел в ветвях кустов, рождая звуки, похожие на голодное рычание. Интересно, какие звуки они станут издавать, когда наконец доберутся до него? Это будет победный рык!

(Нет, нет, нет! Я НЕ ВЕРЮ! Это бред. Я НЕ ВЕРЮ!)

Джек закрыл глаза и обхватил голову руками. Так стоял он очень долго. Но ничего не произошло. Он посмотрел вперед, туда, где была живая изгородь, и не смог сдержать крик. Собака сидела на своем месте все в той же позе, словно выпрашивая кусочек сладкого. Буйвол без всякого интереса глядел на площадку для игры в крокет. Кролик стоял на своих четырех лапах, горделиво демонстрируя подстриженные

уши и брюхо. Львы привычно толпились вдоль дорожки.

Джек вышел из оцепенения, достал сигареты. Четыре из них выпали из пачки на гравий. Он аккуратно подобрал их и сунул обратно в пачку, не отрывая взгляда от живой изгороди, боясь, что звери снова начнут двигаться. Потом закурил. После двух сильных затяжек сломал сигарету и затоптал ее. Он поднял ножницы для стрижки кустов.

— Я просто устал,— сказал Джек. И сейчас его громкий голос не показался ему неуместным. Тем более — проявлением сумасшествия. — Жуткое напряжение... Осы... Пьеса. Звонок от Эла. Но все в порядке! Все о'кей!

Он пошел к отелю. В подсознании бродила мыслишка, что лучше бы, конечно, обойти стороной проклятых зверей, но он направился напрямик. Легкий ветерок раскачивал кусты. И все. Все эти ужасы родились у него в сознании. И умерли. Натерпелся страху, но, слава Богу, все позади.

На кухне в отеле Джек принял две таблетки экседрина, потом зашел в свою комнату просмотреть записи. Услышав отдаленный шум мотора грузовичка, он поспешил на улицу, чтобы встретить Уэнди и Дэна. С ним все в порядке. Он чувствует себя прекрасно, и нет никакой необходимости рассказывать им о своих болезненных видениях. Он испытал приступ жуткого страха, но с этим покончено.

СНЕГ

Смеркалось. Они стояли у входа в отель. Джек левой рукой обнимал за плечи сына, а правой сжимал талию Уэнди. Вместе они смотрели на затянутое тучами небо и безучастно следили, как решение, которое они могли бы еще принять, ускользало из их рук. Пошел крупный обильный снег, и не нужно было работать в бюро прогнозов погоды, чтобы понять: к вечеру, когда поднимется ветер в горах, их заметет и полностью отрежет от всего мира. Сначала снег падал как бы отвесно, покрывая ровным слоем деревья, дорогу, здание отеля. Потом закружило, завьюжило. Это уже была плотная белая стена, за которой невозможно было разглядеть окружающие предметы. Снег скрыл живую изгородь с ее зверюшками, теннисный корт и площадку для игры в крокет. Кстати, когда Уэнди и Дэн вернулись из Сайдвиндера, она сказала, что Джек хорошо поработал. Молодец! «Правда?» — обрадованно спросил он, но больше не проронил ни слова. Теперь все было засыпано снегом.

Как ни парадоксально, все они думали о разном, но чувствовали одно. Облегчение. Мосты были сожжены.

— Неужели еще наступит весна? — пробормотала Уэнди.

— Раньше, чем ты думаешь. — Джек крепко сжал ее бедро. — А как насчет того, чтобы хорошенько поужинать? Да и холодно уже стало здесь стоять.

Уэнди улыбнулась. Когда они вернулись с Дэном из города, муж казался отстраненным и потерянным. Сейчас он снова похож на себя. На того, каким бывал в их лучшие дни.

— Я бы с удовольствием поела. А ты, Дэнни?

— Я тоже, мамочка!

Они пошли домой, предоставив ветру возможность взбивать сливки из разлившейся беломолочной мглы и завывать всю ночь. Снежинки, танцуя, падали на ступеньки подъезда «Оверлука». Отель глядел на них пустыми глазницами окон, как обычно, почти семьдесят пять лет своего существования, оставаясь совершенно безразличным к тому, что теперь он оказался отрезанным от всего остального мира. А может быть, наоборот, он радовался этой возможности? Внутри его три человечка занялись своими обычными делами. Как микробы в утробе чудовища.

В 217-м НОМЕРЕ

Через неделю снег окутал отель «Оверлук». Ветер кое-где намел сугробы метра в полтора высотой. Он один теперь распоряжался на игровой площадке и у живой изгороди, творя скульптуры по своему усмотрению и на свой вкус. Дважды Джек предпринимал попытки расчистить лопатой дорогу к зверям, на третий раз плюнул и оставил лишь небольшой пятачок для Дэнни, чтобы тому было где погулять и подышать свежим морозным воздухом Скалистых гор. С западной стороны здания сугробы закрыли окна первого этажа, и прекрасный вид, открывавшийся из столовой, который так нравился Джеку, представлял собой теперь белый безмолвный экран, как в кинотеатре. Вот уже восемь дней телефон не работал. Рация в кабинете Ульмана оставалась их единственным средством связи с внешним миром.

Снег шел теперь практически ежедневно. Иногда это был легкий снежок, который лишь припорошивал старые сугробы. Чаще в окрестностях гуляли вьюги. Ветер сотрясал здание отеля, заставляя его скрипеть и стонать под мощными его порывами. Температура упала до 20 градусов мороза, и, хотя термометр в кухне показывал порой — 5, из-за колючего ветра выходить на улицу не хотелось. Но они все-таки выбирались, одевшись потеплей, натянув на лица шерстяные маски, как у лыжников. Эти вылазки доставляли семейству немало радостных минут: Дэнни ска-

тывался с сугробов, катался на санках, родители хохотали и швырялись снежками. Или отец сам садился в санки, и они с мамой пытались сдвинуть его с места, что иногда удавалось. Потом мужчины проделывали то же самое с Уэнди: они тащили санки, пыхтя и выпуская клубы белого пара, словно лошади-тяжеловозы...

Они много смеялись во время этих санных прогулок вокруг «Оверлука», но вой ветра заглушал их смех, как бы желая показать, кто настоящий хозяин зимой в горах. Им попадались следы оленей, а как-то раз они увидели пять красавцев карибу, которые недвижно застыли у защитной сетки возле игровой площадки. Уэнди и Дэн взяли папин полевой бинокль «Цейс-Икон», чтобы лучше рассмотреть этих гордых животных. Олени стояли на шоссе по колено в снегу, и Уэнди показалось, что теперь эта дорога, ведущая в Сайдвиндер, долгие-долгие дни до самой весны (когда она еще наступит?) будет принадлежать оленям карибу, а не им, людям. «Сейчас все, что было сотворено человеком, оказалось никчемным, и олени понимают это», — думала Уэнди. Она опустила бинокль и стала говорить что-то о ленче. А позже, на кухне потихоньку всплакнула. Она пыталась хотя бы таким образом освободиться от ощущения, что чья-то тяжелая рука сжимает и сжимает ее сердце; от необъяснимой тоски, которая глодала ее в последние дни. Она думала об оленях. Она думала об осах, гнездо которых Джек, предварительно как следует проморозив, закопал.

Джек нашел в сарае хозблока несколько снегоступов и отобрал каждому по паре. Правда, Дэну они были великоваты. Отец ловко управлялся со снегоступами, хотя, как выяснилось, не ходил в них с самого детства, что пролетело в Берлине, штат Нью-Гэмпшир. Во всяком случае, он быстро освоился. Уэнди не очень-то это интересовало — через пятнадцать минут топтания по снегу начинали болеть ноги, и для нее прогулка заканчивалась. Что касается Дэнни, то он был увлечен, заинтригован и старался овладеть незнакомым для него видом спорта. Мальчишка падал, поднимался и снова падал, но Джек радовался его упорству и прогрессу. «К февралю, — сказал он, — Дэнни всех нас заткнет за пояс...»

* * *

Этот день выдался на редкость хмурым. С полудня снова сыпал снег. По радио обещали еще 20—30 сантиметров и пели осанну Богу Осадков, покровителю лыжников в Колорадо. Уэнди сидела в спальне. Она вязала шарф и поражалась: на что этим лыжникам столько снега и что они с ним будут делать?

Джек спустился в подвал, чтобы проверить, как работает топка и сам котел. С тех пор, как началась зима, он проделывал это регулярно, совершая тем самым некий обязательный и торжественный ритуал. Удовлетворившись тем, что все идет должным образом, он прошел через арку туда, где был бумажный завал, и уселся в старый шезлонг, который нашел среди хлама. Он

листал записи и отчеты, поминутно вытирая губы носовым платком. Добровольное заключение, в котором они все оказались, съело осенний загар, и теперь лица их были бледны. Когда Джек просматривал пожелтевшие от времени листки, рыжеватые волосы ниспадали ему на лоб, придавая вид безумца. Среди счетов и извещений, отчетов, фактур и рецептов он нашел в ящиках весьма странные вещи. Тревожные вещи. Окровавленный кусок простыни; изувеченного игрушечного мишку (без рук, без ног и без головы), будто его в ярости разорвали на части; измятый клочок фиолетового цвета из дамского письменного набора, который до сих пор хранил запах старинных духов. Записка — без начала и конца, — написанная синими чернилами: «...милый Томми, я все время думаю о нас. О ком же еще? Ха-ха-ха! Все идет своим чередом. У меня странные сны о том, что происходит здесь по ночам. Поверишь ли, что...» И все. Вверху на листке сохранилась дата — 27 июня 1934 года. Он нашел куклу, изображающую то ли ведьму, то ли колдуна или мага. Этакая образина с длиннющими зубами и в широкополой шляпе в горошек. Кукла торчала между счетами за пользование природным газом и пачкой рецептов на целебную воду «Виши». Было в этой коллекции и некое подобие стихов, нацарапанных черным карандашом на обложке меню: «Милый! Ты здесь? Ты хочешь меня обнять? Я, спящая, одна брожу опять. Под ковром у меня шевелятся растения. Приди, я сгораю от нетерпенья!» Меню без даты. Стихи, если только их можно назвать стихами, без подписи. Все это

вместе найденное Джеком оставляло расплывчатое, зыбкое, но волнующее ощущение; напоминало головоломку, когда из разрозненных, плохо подходящих друг к другу частей нужно собрать одно целое. Трудно, но возможно! Только бы найти главное связующее звено. Ключик к загадке. Пока он листал бумаги, вытирая время от времени свои губы, печка монотонно гудела у него за спиной.

* * *

А тем временем Дэнни снова стоял у темно-серой двери 217-го номера. Отмычка была при нем. В кармане джинсов. Он с жадностью неотступно глядел на табличку, сердце его колотилось и рвалось из груди. После того случая с пожарным шлангом он совсем не хотел приходить сюда. Он был напуган, что пришлось, несмотря на строжайший запрет отца, опять брать тайком отмычку. Но ведь он хотел этого?! Любопытство...

(Погубило кошку.)

Любопытство, как крючок, цеплялось за его разум и тащило, манило, как песни сирены. Но разве не говорил мистер Хэллоранн — «вряд ли это может навредить тебе».

(Ты обещал!)

(Обещания для того и даются, чтобы их нарушать.)

Он уцепился за эту спасительную мысль, возникшую столь неожиданно.

(Обещания даются, чтобы их нарушать, мой

дорогой РЕДРЭМ, чтобы их ломать, разбивать на мелкие кусочки, разносить их вдребезги!)

Разве мистер Хэллоранн был не прав? Разве не это явилось причиной его молчания, разве не это заставило его уехать, отдав их во власть снега?

(Просто отведи взгляд... и ничего не будет...)

И правда: то, что он видел в Президентских апартаментах, исчезло. И змея оказалась обычным пожарным шлангом, чей бронзовый накопечник просто соскользнул вниз и упал на ковер. Даже кровь в Президентских апартаментах была совершенно не страшной. След события, происшедшего давным-давно. До того, как он вообще появился на свет. Как в кино. В этом отеле нет ничего, ну ничегошеньки, что могло бы навредить ему, сделать больно. И если для подтверждения этого нужно войти в 217-й номер, почему бы ему не сделать этого сейчас?

(Любопытство убило кошку, мой дорогой РЕДРЭМ. А удовлетворение, которое она получила, РЕДРЭМ мой дорогой, позволило ей вернуться живой и здоровой. И ты будешь непременно жив и здоров, милый РЕДРЭМ.)

(Это как страшные картинки в книжках. Они же ничего дурного не могут сделать. О Господи!)

(Какие большие у тебя зубы, бабушка! А это кто? Волк в костюме мистера Синяя Борода или мистер Синяя Борода в шкуре волка?)

Он повернулся и по темно-синему ковру пошел по направлению к холлу. Он остановился возле пожарного шланга, чей бронзовый накопечник был водружен (наверное, папой) на ме-

сто. Он дотронулся до него пальцем (сердце билось, как птица в клетке) и прошептал: «Ну, давай! Укуси меня. Давай кусай, СТАРЫЙ ХРЕН. Не можешь? Ты просто ДЕРЬМОВЫЙ пожарный шланг! Только и способен, что лежать здесь. Ну, давай, давай!» — Дэнни упивался своей смелостью. И ничего не случилось. Это только прорезиненная материя с металлическим накопником, чтобы тушить пожар. Его можно разорвать на части. И он не станет жаловаться. Не станет извиваться и ползти, роняя ядовитую зеленую слюну на темно-синий ковер. Потому что это просто шланг!

(«Терпеть не могу опаздывать», — сказал Белый Кролик.)

Ну, вот — теперь Белый Кролик. Еще недавно он был зеленый, а теперь — белый-белый, будто поседел, будто кто-то испугал его снежными, ветренными ночами.

Дэнни вернулся к 217-му номеру, достал отмычку, решительно сунул ее в замочную скважину и повернул.

— Лу, Лу!..

(Белый Кролик спешил на партию в крокет к Красной Королеве, на партию в крокет, где фламинго вместо молотков и ежи вместо мячей.)

Он тронул отмычку, поводил по ней пальцем. Голова у него была пуста и страшно болела. Он повернул отмычку, и язычок замка мягко отошел.

(ОТРУБИТЬ ЕМУ ГОЛОВУ! ОТРУБИТЬ ЕМУ ГОЛОВУ! ОТРУБИТЬ ЕМУ ГОЛОВУ!)

(Эта игра — не крокет, хотя в нее и играют короткими молотками. Это...)

(ТЮК! Прямо в воротца.)

(ОТРУБИТЬ ЕМУ ГОЛОВУ! ОТРУБИТЬ ЕМУ ГОЛОВУ!)

Он толкнул дверь, та мягко, без скрипа открылась. Хотя сугробы и не доставали до третьего этажа, в комнате царил полумрак, так как папа закрыл ставни во всех номерах западной части отеля. Дэнни стоял на пороге, нащупывая выключатель. Нашел и нажал. Две лампочки зажглись в простенькой стеклянной люстре. Дэнни вошел и осмотрелся. Мягкий розовый ковер. Двухспальная кровать под белым покрывалом. Письменный стол.

(Умоляю, скажи: что общего у ворона с письменным столом?)

У большого окна. Во время курортного сезона, наверное, приятно сидеть за ним, созерцая живописный горный пейзаж. А потом в письмах друзьям или близким рассказывать об этом. Он прошел еще дальше. Ничего особенного — полупустая комната. Правда, холодная, потому что папа сегодня занимался отоплением восточной части здания. Трюмо. Шкаф, дверца чуть приоткрыта, так что видны казенные гостиничные вешалки. Особые: такие, что их нельзя снять и украсть. Библия на тумбочке. Дверь в ванную — сплошное зеркало, в котором отражалось его бледное лицо. Она была прикрыта неплотно.

Дэнни смотрел на своего двойника, маленького и взъерошенного. Да, там, там за этой дверью должно быть то, ради чего он стремился в этот номер. Там внутри! В ванной комнате. Его двойник шагнул к нему навстречу, будто хо-

тел выскочить из зеркала. Он прижал руку к руке Дэнни. Дверь подалась и открылась настежь. Мальчик заглянул в ванную.

Длинная старомодная, как пульмановский вагон, комната. Белые восьмиугольные кафельные плитки на полу. В углу — унитаз. Справа — умывальник, над ним еще одно зеркало. В настенном шкафчике, вроде тех, что бывают во врачебных кабинетах. Слева — никелированная труба, на которой, закрывая ванну, висела плотная пластиковая занавеска (чтобы душ не брызгал на пол). Дэнни вошел в ванную комнату и как замороженный потянулся к занавеске. Будто кто-то его подталкивал. Будто там и скрывалось то, о чем говорил Тони, обещая приятные вещи. Может быть, что-то такое, что забыл папа или потеряла мама, что сделает их наконец счастливыми...

И Дэнни решительно отодвинул занавеску.

Женщина, которая лежала в ванне, умерла уже очень давно. Лицо и тело ее были покрыты сине-пурпурными пятнами. Раздувшийся живот всплывал из ледяной воды безобразным островом. Ее остекленевшие глаза вперились в Дэнни. Она скалилась кроваво-коричневым ртом. Грудь отвисли. Волосы на лобке шевелились. Руки, как крабы клешни, цеплялись за края фаянсовой ванны. Дэнни истерически закричал, но крик застрял в его горле, так и не вылетев наружу. Он бросился назад, слыша, как каблучки ботинок стучат по белым восьмиугольным кафельным плиткам. И в тот же момент почувствовал, как горячая струя мочи исторглась из него прямо в штаны.

А женщина уже сидела. Она отвратительно скалилась, глядя своими холодными мраморными глазами на перепуганного мальчика. Ее руки-клешни скребли по краю ванны. Ее груди болтались, как сморщенные шары.

(Крокет? Или роук?)

Она не дышала. Это был труп. Труп давным-давно умершей женщины. Дэнни побежал к выходу. Глаза его едва не вылезали из орбит. Волосы встали дыбом. Рот открылся в беззвучном отчаянном крике. Он дернул дверь 217-го номера. Она не открывалась. Мальчик стал колотить ее кулаками, не понимая, что дверь вовсе не заперта, что стоит только повернуть ручку, и она откроется. Он будет колотить в дверь, пока труп — вздутый живот, отвисшие груди, стеклянный, отсутствующий взгляд, противные черные волосы (а убита она была явно несколько лет назад) — не подойдет и не схватит его своими холодными руками.

Дверь не откроется, дверь не откроется, дверь ни за что никогда не откроется!

И тут он неожиданно услышал голос Дика Хэллоранна. Такой спокойный и добрый, что мальчик заплакал. Нет, не от страха, а от облегчения.

(Вряд ли это может навредить тебе...

... это только видения, как картинки в книжке... просто отведи взгляд на минуточку, а когда помотришь снова, уже ничего не будет...)

Дэн крепко зажмурился, обхватил руками живот. Он старался сконцентрироваться.

(Ничего нет! Там нет ничего! НИЧЕГО-НИЧЕГО НЕТ!!!)

Прошло несколько минут. Он стал успокаиваться, понимая, что дверь не заперта и он сможет выйти из проклятого номера. И в этот момент холодные крабы, воняющие рыбой клешни трупа обхватили горло мальчика и рывком развернули спиной к двери. Дэнни увидел перед собой отвратительное, покрытое иссиня-пурпурными пятнами лицо мертвой женщины.

Стивен КИНГ

СВЕЧЕНИЕ

Книга первая

Ответственный редактор
Наталья Порошина

Художник Илона Лехмус

Сдано в набор 23.03.93. Подписано в печать 13.04.93.
Формат 70×100¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд».
Печать офсетная. Тираж 150 000 экз. Заказ № 632. С —

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени
Чеховском полиграфическом комбинате
Министерства печати и информации
Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской области

Фирма «Русич», г. Смоленск

Это:

- 1) Совместно-издательская деятельность с рядом ведущих издательств в России и СНГ.
- 2) Розничная и оптовая книготорговая сеть.
- 3) Торгово-общественный центр, читальный зал периодики, хозрасчетная библиотека, отдел подписных изданий.
- 4) Благотворительная деятельность, спонсорство.
- 5) Большой ассортимент остродефицитных книжных новинок.
- 6) Оказание информационных, рекламных и посреднических услуг.

Фирма «Русич» является официальным дилером издательства «ПОЛИНА» по распространению печатной продукции в Российской Федерации.

Адрес: 214037, г. Смоленск, ул. 25 Сентября, 60,
телефоны: 5-41-68,
1-32-43,
факс: (808100) 37-444.

